

ЗАЛА 19

ШКАФЪ 5

ПОЛКА 7

№ 9. 11.

7-54

20
а - б

M

МОСКОВСКОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

Въ пользу заведенныхъ въ Санктпетербургъ Екатерининскаго и Александровскаго
Училищъ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ
ВЪ СЕБѢ

Собраніе разныхъ лучшихъ статей, касающихся
до Нравоученія, Политической и
ученой Исторіи, до Философическихъ и
словесныхъ наукъ и другихъ полезныхъ
знаній,

СЛУЖАЩЕЕ
ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
УТРЕННЯГО СВѢТА.

ЧАСТЬ I.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова 1781 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Московское Ежемѣсячное Изданіе, Часть I. и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ, почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ ВАРСОВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

I. Разговоръ Господина Бикерштафа съ своимъ духомъ Хранителемъ.	1
II. О тайныхъ желаніяхъ человѣческихъ.	9
III. Продолженіе прежняго.	19
IV. Сновидѣніе.	31
V. Печальныя слѣдствія непостоянства.	40
VI. Изъ нравственныхъ сочиненій Аглинскихъ и Нѣмецкихъ Правоучителей.	59
VII. Краткія повѣсти.	71

~~SECRET~~

OFFICIALS

- 1. Mr. [Name] - [Title]
- 2. Mr. [Name] - [Title]
- 3. Mr. [Name] - [Title]
- 4. Mr. [Name] - [Title]
- 5. Mr. [Name] - [Title]
- 6. Mr. [Name] - [Title]
- 7. Mr. [Name] - [Title]
- 8. Mr. [Name] - [Title]
- 9. Mr. [Name] - [Title]
- 10. Mr. [Name] - [Title]
- 11. Mr. [Name] - [Title]
- 12. Mr. [Name] - [Title]
- 13. Mr. [Name] - [Title]
- 14. Mr. [Name] - [Title]
- 15. Mr. [Name] - [Title]
- 16. Mr. [Name] - [Title]
- 17. Mr. [Name] - [Title]
- 18. Mr. [Name] - [Title]
- 19. Mr. [Name] - [Title]
- 20. Mr. [Name] - [Title]
- 21. Mr. [Name] - [Title]
- 22. Mr. [Name] - [Title]
- 23. Mr. [Name] - [Title]
- 24. Mr. [Name] - [Title]
- 25. Mr. [Name] - [Title]
- 26. Mr. [Name] - [Title]
- 27. Mr. [Name] - [Title]
- 28. Mr. [Name] - [Title]
- 29. Mr. [Name] - [Title]
- 30. Mr. [Name] - [Title]
- 31. Mr. [Name] - [Title]
- 32. Mr. [Name] - [Title]
- 33. Mr. [Name] - [Title]
- 34. Mr. [Name] - [Title]
- 35. Mr. [Name] - [Title]
- 36. Mr. [Name] - [Title]
- 37. Mr. [Name] - [Title]
- 38. Mr. [Name] - [Title]
- 39. Mr. [Name] - [Title]
- 40. Mr. [Name] - [Title]
- 41. Mr. [Name] - [Title]
- 42. Mr. [Name] - [Title]
- 43. Mr. [Name] - [Title]
- 44. Mr. [Name] - [Title]
- 45. Mr. [Name] - [Title]
- 46. Mr. [Name] - [Title]
- 47. Mr. [Name] - [Title]
- 48. Mr. [Name] - [Title]
- 49. Mr. [Name] - [Title]
- 50. Mr. [Name] - [Title]
- 51. Mr. [Name] - [Title]
- 52. Mr. [Name] - [Title]
- 53. Mr. [Name] - [Title]
- 54. Mr. [Name] - [Title]
- 55. Mr. [Name] - [Title]
- 56. Mr. [Name] - [Title]
- 57. Mr. [Name] - [Title]
- 58. Mr. [Name] - [Title]
- 59. Mr. [Name] - [Title]
- 60. Mr. [Name] - [Title]
- 61. Mr. [Name] - [Title]
- 62. Mr. [Name] - [Title]
- 63. Mr. [Name] - [Title]
- 64. Mr. [Name] - [Title]
- 65. Mr. [Name] - [Title]
- 66. Mr. [Name] - [Title]
- 67. Mr. [Name] - [Title]
- 68. Mr. [Name] - [Title]
- 69. Mr. [Name] - [Title]
- 70. Mr. [Name] - [Title]
- 71. Mr. [Name] - [Title]
- 72. Mr. [Name] - [Title]
- 73. Mr. [Name] - [Title]
- 74. Mr. [Name] - [Title]
- 75. Mr. [Name] - [Title]
- 76. Mr. [Name] - [Title]
- 77. Mr. [Name] - [Title]
- 78. Mr. [Name] - [Title]
- 79. Mr. [Name] - [Title]
- 80. Mr. [Name] - [Title]
- 81. Mr. [Name] - [Title]
- 82. Mr. [Name] - [Title]
- 83. Mr. [Name] - [Title]
- 84. Mr. [Name] - [Title]
- 85. Mr. [Name] - [Title]
- 86. Mr. [Name] - [Title]
- 87. Mr. [Name] - [Title]
- 88. Mr. [Name] - [Title]
- 89. Mr. [Name] - [Title]
- 90. Mr. [Name] - [Title]
- 91. Mr. [Name] - [Title]
- 92. Mr. [Name] - [Title]
- 93. Mr. [Name] - [Title]
- 94. Mr. [Name] - [Title]
- 95. Mr. [Name] - [Title]
- 96. Mr. [Name] - [Title]
- 97. Mr. [Name] - [Title]
- 98. Mr. [Name] - [Title]
- 99. Mr. [Name] - [Title]
- 100. Mr. [Name] - [Title]

SECRET

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ заключеніи послѣдняго мѣсяца издаваемого въ теченіе трехъ лѣтъ Журнала подъ названіемъ *Утренняго Слѣта*, объявили мы читателямъ причины, побудившія насъ къ сему предпріятію, и наконецъ открылися и въ томъ, что понудило насъ окончить оный и обѣщать новый съ нѣкопорою перемѣною плана и расположенія, имѣя однакожъ всегда въ виду предположенный нами предметъ, дабы чрезъ то удовлетворить какъ тѣхъ, которые скучали высокими, слѣдовательно не забавными и не пріятными для нихъ матеріями, такъ и не лишитъ удовольствія тѣхъ, которые ощущаютъ сладость и совершенную пользу во нравоученіи и высокомысліи.

Мы за нужное почитаемъ объявить намѣреніе наше и при началѣ сего Журнала для тѣхъ единственно, которые не имѣли случая читать прежняго, а удостоятъ чтенія своего сіе *Ежемесячное Московское Изданіе*.

Причиною, побудившею насъ къ такому предпріятію, было состраданіе, которое всякой человѣкъ мыслящій чело-

вѣчески чувствуетъ, когда слышитъ, что люди отъ природы великими способностями одаренные, вѣ воспитаніи ученостію украшенные, и между людьми почтенные, говорятъ и хулятъ съ надмѣннымъ и увѣрительнымъ видомъ и остроуміемъ законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный и намъ преданіемъ доспавленный, и когда взираетъ на простодушныхъ людей, внимающихъ прилѣжно умствованію оныхъ вольномысленныхъ мудрецовъ, почитающихъ себя побѣдившими всѣ народныя предразсудки и низкое суевѣріе искоренившими.

Лестно для всякаго человѣка, живущаго вѣ обществѣ, стараться во всемъ бытъ опмѣннымъ передъ другими людьми, а особливо передъ большею частію людей, слѣдующихъ часто слѣпо и безразсудно преданіямъ своихъ праотцевъ. Сіе стараніе природнымъ человѣку безпредѣльнымъ самолюбіемъ и гордостію возносится иногда до такой степени, что люди получившіе отъ природы и щастія драгоцѣнные дары, желая отличить и возвысить себя передъ людьми, не опмѣняются часто и отъ животныхъ, и съ оными обращаются вѣ единомъ такъ сказать кругѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что они пользуются остроумно

умно услугою животныхъ, и наружно-
стію оныхъ съ переменною вкуса и ново-
стію выдумки испещряютъ и украшаютъ
свою собственную наружность. Въ ша-
ковыхъ упражненіяхъ колеблемы будучи
премя сильными восхищающими въпра-
ми честолюбія, сладострастія и сребро-
любія, большую часть жизни проводятъ,
отвергая все то, что пріятности въ-
провъ оныхъ пропировоборствуетъ.

По окончаніи полъ веселыхъ, радо-
стныхъ и щастливыхъ дней, наступаетъ
обыкновенно непремѣнное разрушеніе то-
го, что въ сладкой жизни веселило;
изыскиваются различныя средства для
подкрѣпленія ослабѣвающей со дня на
день природы; по многочисленныхъ опы-
тахъ раждается отчаяніе о возвращеніи
прежнихъ силъ орудіемъ удовольствія
служившихъ. И наконецъ не раздѣленный
и безсмертный человѣческой духъ, зани-
мавшійся во все теченіе времени низки-
ми и не приличными роду его дѣяніями,
пробуждается и чувствуетъ суетность
оныхъ; но чувствуетъ иногда поздно,
ибо то рѣдко можетъ совершиться въ ко-
роткое время, на что цѣлая жизнь
опредѣлена.

Не удивительно, что люди послѣ
семи тысячъ лѣтъ, послѣ полъ много-
различныхъ съ родомъ человѣческимъ

случившихся перемѣнѣ, завѣсою отъ насъ глубокую древность закрывшихъ, будучи въ молодости, во угожденіе восхищающихъ спрасней своихъ поносятъ святѣйшій законъ, имѣющій начало и происхожденіе свое во отдаленной древности, когда родъ человѣческой упалъ и со временами лишался прежней своей невинности.

Человѣкъ при рожденіи своемъ и не имѣя въ жизни опытовъ оживляющихъ силы и способности, полученныя отъ природы, ничѣмъ не разнится отъ скотовъ и животныхъ. Во младенчествѣ чувствуетъ онъ токмо голодъ и жажду, побуждающія къ подкрѣпленію жизни; въ ребячествѣ начинаетъ уже научаться волею или неволею перенимать опъ окружающихъ его; въ юношествѣ видя уже различные примѣры подобныхъ себѣ и по безконечному врожденному желанію услажденія, восхищается всѣмъ окружающимъ его и спремится достигнуть и насладиться тѣмъ, что у другихъ лестнаго для себя видитъ, и къ пріобрѣтенію чего легкіе и пріятные воображаетъ пупи. Въ семъ новомъ и безпрестанно восхищающемъ положеніи находяся человѣкъ, не чувствуя еще надъ собою опытовъ наказанія, предписаннаго за дерзость и безуміе природою и чело-
вѣка-

вѣками, будучи въ силѣ и крѣпости, упоенный сладостію безчисленныхъ окружающихъ предметовъ, возбужденный безконечнымъ самолюбіемъ и гордостію по наслѣдію отъ предковъ полученною, не имѣя еще ни времени къ разсужденію, ни случая къ размышленію, откуда онъ, что онъ, и чѣмъ наконецъ будетъ; словомъ уловленный настоящими и всегда новыми для него прелестями, не удивительно; естли отвергаетъ неизвѣстные ему будущіе обѣты, похищающіе у него явно настоящія и извѣстныя удовольствія.

Ибо всякой молодой человѣкъ истинною почитаетъ токмо то, что онъ чувствуетъ и чѣмъ наслаждается, а что не благопріятствуетъ его чувствамъ, то пріемлетъ онъ за выдумку и за изобрѣненіе человѣческой хитрости для пользы собственной изобрѣтателей; хотя она я выдумка есть единый путь къ совершенству человѣческому и благоденствію. Но паче всего удивительнѣе, что много такихъ людей, которые уже и лѣтами согбѣнны, заражены еще молодостію; хотя въ жизни своей имѣли безчисленные опыты къ восчувствованію истинныя выдумки оной древнѣйшей и достопамятнѣйшей. Ибо каждому человѣку должно быть извѣстно, ежели только ког-

да нибудь разсуждалъ о себѣ, что ни единая черта онаго древняго и святаго закона мимо не идетъ, когда дерзновеннымъ и безразсуднымъ смерпнымъ оная пресупаается. Непремѣнную истинную сію каждый изъ насъ со вредомъ какъ себѣ, такъ и другому безъ сомнѣнія чувствовалъ, хотя иногда и не разсуждалъ объ ней: но то къ нещастію нашему, что мы часто законъ почитаемъ для себя несноснымъ бременемъ, наложеннымъ на насъ какъ будто для посторонней какой нибудь выгоды, а не для собственной пользы, совершенства и благоденствія.

Причина всѣхъ заблужденій человѣскихъ есть невѣжество, а совершенства знаніе. Но можетъ быть скажутъ покровители и защитники необдѣланной грубости, что мы видимъ весьма многихъ ученыхъ, которые болѣе предаются порокамъ и заблужденію, нежели самые грубые невѣжды, и что вся мерзость, какая только находится на земномъ шарѣ, да и самое невѣріе или безбожіе суть плоды учености. Такъ конечно: но сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ.

Хотя многіе между людьми прославились въ нѣкоторыхъ частяхъ учености, и имена свои предали безсмертію:

однако они при всей своей славѣ могутъ бытъ сущіе невѣжды. Всѣхъ познаній и наукъ предметъ есть проякой: мы сами, природа или натура и Творецъ всяческихъ. Ежели ученый не соединитъ оныхъ трехъ предметовъ во едино, и всѣ свои познанія не устремитъ къ совершенному разрѣшенію оной загадки: на какой конецъ человекъ родится, живетъ и умираетъ и ежели онъ при учености своей злое имѣетъ сердце; то достоинъ сожалѣнія, и со всѣмъ своимъ знаніемъ есть сущій невѣжда, вредный самому себѣ, ближнему и цѣлому обществу. Отъ такихъ по ученыхъ вся мерзость, находящаяся на земномъ шарѣ, свое имѣетъ начало. По всей справедливости оныхъ относитъ должно къ самому грубому и вреднѣйшему невѣжеству: ибо они не только науками не просвѣщаютъ разума и не исправляютъ сердца; но еще болѣе оными утверждаютъ въ гордости и во всѣхъ гнусныхъ порокахъ.

Сего то ради благоразумная древность сообщала науки по выбору и испытанію однимъ токмо достойнымъ и рожденнымъ къ наукамъ. Не трудно различить такого ученаго, который учился, дабы показать себя и питать передъ подобными себѣ гордость и тщеславіе, отъ того, который безпрестанно учится

ся единственно для снисканія истинны, и для сообщенія оной ближнему, не для тщетнаго самохвальства, но дабы раздѣлилъ съ нимъ произтекающее отъ оной безцѣнное удовольствіе. Первый надувшійся гордостію и знаніемъ какимъ нибудь случаемъ полученнымъ, кричитъ не взирая ни на кого, и не слушая словъ другихъ, а старается только свое пересказать: другой напротивъ того, ища истинну съ великимъ смиреніемъ выслушиваетъ мнѣніе всякаго, не презирая ни кого; будучи совершенно увѣренъ, что и послѣдній мужикъ, ежели только чистое имѣетъ сердце, можетъ лучше истинну чувствовать, нежели самый звѣздочетъ съ развращеннымъ сердцемъ.

Весьма странно и удивительно безъ сомнѣнія многимъ должно казаться, что какъ люди пріобрѣтшіе множество о вещахъ понятій, могутъ столь развратно мыслить объ истиннахъ весьма вѣроятныхъ и достовѣрныхъ. Чему дивятся? Ибо всякой изъ ежедневныхъ опытовъ можетъ видѣть, что слабымъ духамъ, да и самымъ великимъ, часто и безуміе нравится подобно какъ высокая истинна.

Развратъ въ наукахъ и произтекающее отъ оныхъ роду человѣческому зло происходятъ, какъ кажется, отъ незна-
нія

нія источника, изъ котораго науки проис-
текли, и отъ незнанія предмета, ку-
да онъ текутъ, и піющихъ чистѣйшую
ихъ воду за собою стремятся возбуж-
даютъ.

Извѣстно всѣмъ имѣющимъ хотя
нѣкоторое свѣдѣніе о наукахъ, что онъ
суть плоды созрѣвшаго безсмертнаго
человѣческаго духа, одаренаго отъ
природы способностію понимать или за-
ключать о безконечности какъ времени
или продолженія, такъ и пространства
или неограниченности: не лзя сказать,
поспигать; ибо безконечность постижи-
ма только единому Безначальному и Без-
конечному. И такъ когда человѣкъ ода-
ренный полъ благороднымъ духомъ, по
которому онъ и человѣкомъ именоватъ-
ся право имѣетъ, занимается не свой-
ственными духу его бездѣлками, и
благородную науку ума употребляетъ
къ такимъ предметамъ, которые въ
разсужденіи безконечнаго продолженія въ
тоже самое время исчезаютъ, когда на-
чинаются: то весьма естественно, что
въ такомъ случаѣ наука болѣе зла, не-
жели пользы приноситъ; ибо какъ въ
мірѣ нѣтъ ни единой вещи, которая бы
была безъ намѣренія: такъ и всякая ма-
лѣйшая правка свою собственную пользу
имѣетъ, и ежели не въ своемъ употре-
бляетъ.

блается мѣстѣ, то не только не пользуетъ, но и вредитъ.

Подобно какъ Государь, или Правитель народа, одаренный отъ природы достойными правленія качествами и имѣющей совершенную власть какъ себѣ, такъ и цѣлому народу устраивать счастье и благоденствіе, если занимается всегда только такими упражненіями, которыя принадлежатъ земледѣльцу, то наука царствовать ему конечно бесполезна: такъ и человекъ одаренный не умирающимъ духомъ, и имѣющей случай и способы онаго силы просвѣщать, если въ цѣлую жизнь свою упражняется только въ томъ, въ чемъ и всѣ животныя; то наука разума не только ему не полезна, но по безконечному его внутреннему побужденію вредна и пагубна.

Когда же человекъ проходя два царства растѣнія и животныхъ, прелестями оныхъ услаждается столько, сколько законы природы повелѣваютъ къ его содержанію; но имѣетъ всегда главною метою совершенство свое, то есть совершенство духа, состоящее въ познаніи безсмертныхъ истинъ, которыми восхищается и возносится до вышняго царства духовнаго или разумнаго: то наука разума не можетъ не споспѣшествовать

вать ему въ поль славныхъ его подви-
гахъ.

Многіе нынѣшняго вѣка высокіе и
купно низкіе любомудрцы или Филосо-
фы почитаютъ оную науку Химерою,
или соплешѣніемъ пустыхъ, не поняш-
ныхъ и бесполезныхъ МетаФизическихъ
изреченій или терминовъ, а прославля-
ютъ систему, состоящую въ послѣдо-
ваніи склонностямъ своимъ, каковы бы
онѣ ни были и куда бы ни спремилась,
говоря, что природа, естество или на-
тура къ тому насъ побуждаетъ, и что
безумно налагать оковы на природу, ви-
новницу толикихъ удовольствій и сладо-
сти.

Правда, что совершенно безуменъ
былъ бы человекъ, естли бы захотѣлъ
прямо отрещися отъ удовольствій и
услажденія: да и невѣроятно, чтобъ
былъ такой человекъ, или такое жи-
вотное, которое услажденіе соединенное
съ дыханіемъ и жизнію промѣняло бы на
ничтожество. Хотя и были примѣры,
можетъ быть есть и будутъ, что лю-
ди скучая жизнію, лишаются произволь-
но оной: однако оныя примѣры не только
не утверждаютъ прославляемой оной си-
стемы, но совершенно ее опровергаютъ.
Ибо по двумъ токмо причинамъ люди
къ самоубійству приступаютъ, или по-
дра-

дражая славному въ Римѣ Катону, который не видя средствъ къ спасенію Республики, и почтя себя бесполезнымъ на земли между человѣками, лучше захотѣлъ преселиться и возвыситься въ царство мертвыхъ, или въ царство духовъ; или наконецъ къ безчестію помянутой системы и къ должному вѣчному грызенію совѣспи начальниковъ оной, слабые люди въ юности упившіеся роскошію и доведенные оною до несносныхъ болѣзней, опчаянія и безумія подѣмляютъ руки свои на животъ свой.

Разсматривая свойство, силы и природу человѣческую безъ сомнѣнія видѣть можно, какія свойственны и приличны человѣку удовольствія.

Извѣстно всѣмъ, что человѣкъ родился, растетъ и доходитъ до совершеннаго возраста, подобно какъ и всякое растеніе, мѣста своего не перемѣняющее, и что онъ имѣетъ чувства, и внутреннее побужденіе къ содержанію и сохраненію своему и къ произведенію съ восхищеніемъ подобныхъ себѣ, такъ какъ всѣ животныя, съ тою только разностию, что животныя получили стремленію своему предѣлъ, котораго онъ преиши не могутъ, а человѣкъ сверхъ онаго получилъ еще нѣчто благороднѣйшее, одаренное волею и разумомъ, помощію которыхъ

рыхъ онъ можетъ владычествовать надъ
оними, избирать для себя все прево-
сходнѣйшее, чувствовать достоинство
и честность, удивляться стройности и
красотѣ вселенныя, словомъ: онъ мо-
жетъ возлестъ до круговъ вѣчности и
восхищаться мудростію Всевышняго, со-
творившаго вселенную и даровавшаго ды-
ханіе и жизнь всяческимъ.

Ежели кто выходилъ когда нибудь
изъ чувственнаго круга общаго со скота-
ми, въ собственной человѣческой кругъ
умозрѣнія; тогда конечно не можетъ
сомнѣваться, что онъ рожденъ не для
тѣлесныхъ и минутныхъ сладостей,
которыя безконечнаго его желанія и стре-
мленія не только не могутъ удоволь-
ствовать, но еще предавагося онымъ
болѣе раздражаютъ и унижаютъ передъ
неразумными тварями, слѣдующими
всегда порядочному своему побужденію;
но природа произвела его къ большому
и благороднѣйшему удовольствію, неже-
ли оныя скотскія сладости, къ такимъ
услажденіямъ, которыя соответствуютъ
его безконечнымъ склонностямъ и силамъ
полученнымъ отъ предвѣчной мудрости,
даровавшей ему разумъ и свободную во-
лю къ его совершенному благополучію.
— Прекрасно славный Галлеръ въ пое-
мѣ о происхожденіи зла, описывая ду-
хов-

ховный міръ говоритъ о изящности воли и разума человѣческаго.

Die Welt mit ihren Maengeln,
Ist besser als ein Reich von Willen-losen Engeln.

Міръ съ своими недостатками превосходитъ, нежели царство Ангеловъ воли лишенныхъ.

Gott wolte, dass wir Ihn aus Kenntniff solten lieben,
Und nicht aus blinder Krafft von ungewahlten
(trieben.

Богъ хочетъ, чтобы мы познавъ его любили, а не по слѣпому и неизвѣстному какому нибудь стремленію.

Многимъ въ нынѣшнія времена испинна сія не нравится: причина оному, какъ кажется, развратное познаніе цѣлой исторіи человѣческаго рода. Нынѣ вообще о глубокой древности думаютъ такъ какъ о грубомъ невѣжествѣ и суевѣріи, не удостоиваютъ своего на оную возрѣнія, и почитая все въ оной произшедшее за недѣльное баснословіе, занимающа на многихъ языкахъ пустословіемъ безъ понятій, хотя всякой и малое свѣдѣніе о исторіи учености имѣющей долженъ признаться, что всѣ науки, которыми мы хвастаемся, начало и произхождение получили въ глубокой древности. Ежели
бы

бы оныя мудрецы нынѣшняго времени обрапили на себя взоръ свой, такъ какъ на изчадіе отцевъ своихъ: то почувствовали бы хотя изъ сыиовней должной преданности почтеніе къ предкамъ своимъ; и споль развратнаго и неправильнаго объ нихъ не имѣли мнѣнія. — Правда, хотя по видимому и должны мы быть просвѣщенѣе нашихъ первыхъ праотцевъ; ибо мы можемъ пользоваться проложенными отъ нихъ путями мудрости, и слѣдовательно такъ какъ по извѣстной ужѣ дорогѣ съ меньшею трудностію доходить до цѣли оной и превзойти древнѣйшихъ нашихъ учителей: однако взирая безпристрастными глазами на себя и на всю древность, какъ на источникъ изъ котораго всѣ науки произошли, должны признаваться, что мы не только ихъ не превосходимъ, но едва ли и сравниться можемъ; ибо мы по сіе время не только въ наукахъ ничего новаго не изобрѣли и не прибавили, но едва ли и разумѣемъ все, что отъ нихъ получили. Ибо извѣстно намъ, что мудрецы Греческіе, научившіе народъ свой во всякомъ родѣ наукъ и художествъ, и оставившіе намъ неподражаемыя сочиненія, которымъ мы удивляемся и удивляться будемъ, заимствовали всю свою мудрость въ Египтѣ, въ которомъ и по нынѣ оста-

лися монументы и черты высокаго знанія и мудрости.

Сколь далеко отстоитъ въ познаніяхъ нынѣшній народъ Іудейскій отъ своихъ праотцевъ жившихъ во времена Соломоновы и Моисеевы! Но и сей первый намъ извѣстный учитель и вождь Израильскаго народа былъ уже въ такія времена, когда родъ человѣческой почти уже совершенно перялъ мудрость начертанную на сердце и имѣлъ нужду для возвращенія оной въ начертаніи закона на камнѣ.

Многимъ изъ читателей нашихъ, которые привыкли думать о себѣ болѣе, нежели о праотцѣ своемъ Адамѣ, можетъ быть, все оное покажется не весьма достовѣрнымъ. Но когда первый человекъ, какъ говоритъ объ немъ Моисей, мужъ достойный нашего почитанія и довѣренности, введенъ былъ въ рай сладости, безъ сомнѣнія не скотской и тѣлесной, но человѣческой, разумной и духовной, и когда далъ всѣмъ живошнымъ свойственныя имъ названія, и при томъ безъ сомнѣнія несравненно болѣе нашего имѣлъ о Творцѣ своемъ познанія: то кажется, что онъ, кромѣ бесполезныхъ внѣшнихъ и модныхъ нашихъ украшеній и уборовъ, во всякомъ знаніи насъ превосходилъ. И ежели читатели наши без-

безпристрастно подумаютъ о всей древности нами славимой: по конечно всѣ прежде предложенныя нами истинны не покажутся имъ не имѣющими основанія; и съ полученіемъ справедливыхъ понятій о состояніи первыхъ опцевъ своихъ получаютъ конечно истинное познаніе и о цѣломъ челоѳчествѣ; ибо ежели челоѳкъ не имѣетъ основательнаго и точнаго понятія о началѣ и происхожденіи какой нибудь вещи, то можетъ ли безъ погрѣшности заключить, на какой конецъ она бытіе свое имѣетъ? Сколь же полезно для челоѳка знать о происхожденіи своемъ и о судьбѣ ему предстоящей, то доказывать кажется не нужно; ибо не вѣроятно, чтобы нашелся такой челоѳкъ, который, какъ существо размышляющее, совершенно отрицалъ бы пользу размышленія о самомъ себѣ; хотя многіе оное утверждаютъ и цѣлую жизнь такъ проводятъ, но они говорятъ не подумавши прежде; ибо говорить и жизнь вести можно и не разсуждая ни о чемъ, подобно сидящей въ прекрасной клѣткѣ говорящей птицѣ.

Кто же желаетъ имѣть точное понятіе о самой отдаленнѣйшей древности, тотъ необходимо долженъ имѣть свѣдѣніе о языкѣ іероглифическомъ, который былъ общимъ у всѣхъ древнѣйшихъ

народовъ. Истинну сію доказываютъ цѣлыя народы, какъ то Египтяне и по нихъ Греки, Іудеи и по нихъ Христіане.

Греки научившіеся у Египтянъ мудрости по начертаніямъ или изваяніямъ, назвали оныя начертанія Іероглифами, та *ἱερογλύφια*, которыя Римлянами именуются Гіероглифами, Hieroglyphica. Слово сіе сложено изъ *ἱερός*, (*) священный, и *γλύφω*, рѣжу, изваяю, и значитъ *спященные изваянія*. Богодухновенный Моисей въ данномъ народу Іудейскому законъ, обрядахъ и церемоніяхъ и мудрый Соломонъ въ воздвигнутомъ великолѣпномъ храмъ, совершеннѣйшемъ рукъ чловѣческихъ зданіи, оставили намъ множество Іероглифовъ, которые съ прибавленіемъ еще новыхъ даже и до днесь хранятся, и на которые мы часто съ благоговѣніемъ взираемъ.

Кромѣ оныхъ просвѣщенныхъ народовъ намъ извѣстнѣйшихъ, у которыхъ остатки древности сохраняются, находятъ благоразумные путешественники и у другихъ не весьма извѣстныхъ народовъ, подобныя начертанія древней мудрости.

Чтожъ

(*) Отъ *ἱερός* происходитъ и *ἱερεύς*, іерей, или священникъ.

Чтожъ касается до самаго источника, изъ котораго произошелъ языкъ Иероглифической, то предложимъ мы чипателямъ нашимъ мнѣніе нѣкоторыхъ упражнявшихся и упражняющихся въ ономъ мужей. Первый человекъ, какъ говорятъ они, былъ столь совершенъ, что имѣя чистый разумъ и превосходныя чувства, могъ проникать въ природу вещей, чувствововать согласіе оныхъ (analogiam rerum); словомъ, чипать цѣлую природу и удивляться премудрости Создавшаго. Когда же люди начали лишаться даровъ оныхъ, то принуждены были понятія свои о природѣ и о самомъ Богѣ сообщать потомкамъ начертаніями, или Иероглифами, образующими свойства вещей существующихъ въ мірѣ, успроенномъ по совершенному равновѣсію и согласію. И сей способъ сообщать понятія почитается первымъ. Когда же со временами люди начинали болѣе удаляться отъ истинны и оныя начертанія становились невразумительными, то рождалися науки для объясненія оныхъ, и для показанія ослабѣвавшему уму человѣческому стройности и красоты вселенныя, дабы убѣдиль оный и принудиль възчувствовать развратность его дѣйствій, и превосходство истинны.

ВЪ семъ по положеніи человѣческаго рода, какъ увѣряютъ упоминаемые мужи, свидѣтельствуюсь всею древнею исторіею, произошли всѣ науки, изъ которыхъ наипаче древностію почитаемы были Рисованье, Стихотворство, Музыка, Ариѳметика, Геометрія, Астрономія и Архитектура: всѣ оныя науки основаніе свое получили въ природѣ, которую и предметомъ своимъ имѣютъ.

Можетъ быть изъ читателей нашихъ найдутся такіе, которые слышали отъ ученыхъ, что Геометрія, безъ знанія которой Платонъ, оный Великій мужъ въ Греціи, не принималъ къ себѣ въ ученики, изобрѣдена въ Египтѣ по нуждѣ, для размѣренія полей и назначенія межъ, которыя ежегодно рѣкою Ниломъ заравниваются. Но ежели они упражнялись въ оной драгоценной наукѣ и хотя нѣкоторое получили свѣдѣніе, сколько оная употребленія имѣетъ въ другихъ наукахъ: то согласятся можетъ быть съ Евклидомъ и другими Греческими Мудрецами, отъ которыхъ мы получили оную, и пользуемся не изобрѣпя по сіе время ни единой новой Фигуры, а оставя главное оной основаніе безъ разумѣнія. Многіе думаютъ, что Архитектура годъ отъ года въ большее приходитъ совершен-

шенство, позабывъ, или совсѣмъ не вѣдая, что Греки и Римляне получили знаніе оное изъ Египта, гдѣ и по нынѣ еще находятся совершенныя и неподражаемыя рукъ и искусства, человѣческаго зданія; и удивляясь новому роду готическаго строенія вкуса испорченнаго, введеннаго Готами, народомъ грубымъ и не имѣвшимъ ни малѣйшаго о вещахъ свѣдѣнія.

Сверхъ сего доказываютъ Іероглифическаго языка какъ древность, такъ и то, что онъ источникъ своимъ имѣетъ природу, Химическіе и Алхимическіе знаки, употребляемые для означенія элементаровъ.

Изъ всего сказаннаго, можно легко заключить, сколь языкъ Іероглифической для насъ нуженъ: ибо помощію его только можемъ мы достигнуть яснаго и совершеннаго свѣдѣнія какъ о древности, такъ купно и о настоящемъ положеніи человѣческаго рода. Не имѣя же свѣдѣнія о цѣломъ человѣчествѣ, можемъ ли мы частно знать о себѣ, и обо всемъ окружающемъ насъ? Можемъ ли мы знать въ чемъ состоитъ прямое щастіе наше и общій нашъ жребій? Можемъ ли мы быть полезными другъ другу и цѣлому обществу, и благодарными управляющей онымъ, Матери нашего отечества, пекущейся о щастіи нашемъ?

Что же касается до прямого намѣренія журналовъ нашихъ, то оно состоитъ въ томъ, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ народовъ, распространяя званіе, на которомъ основаніе свое имѣетъ мудрость, яко предметъ и доля человѣческаго рода.

Мы уже объявили почтеннымъ читателямъ нашимъ, въ заключеніи прешлаго года *Утренняго Свѣта*, что нѣкоторыя изъ благонамѣренныхъ Читателей нашихъ вновь подкрѣпили наше предпріятіе, а теперь при засвидѣтельствваніи истинныя благодарности нашей здѣсь сообщаемъ:

1.) По завѣщанію Госпожи А. А. В. присланы отъ К. А. Д. Д. при запискѣ 300 руб., съ тѣмъ, чтобы сіи деньги употреблены были на содержаніе и воспитаніе бѣдныхъ сиротъ, находящихся въ *Александровскомъ Училищѣ*.

2.) Письмо отъ Московскаго жителя.
Господа Издатели *Утренняго Свѣта!*

Я съ истиннымъ и душевнымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ изъ сообщаемыхъ
вами

вами ежегодныхъ извѣстій при издаваемомъ вами журналѣ какъ чистоту намѣренія, такъ и точность исполненія вашихъ обѣщаній; равнобѣрно и успѣхъ трудовъ вашихъ какъ въ издаваніи журнала, такъ и въ воспитаніи сиротъ вами собранныхъ. По сообщаемымъ апестатамъ о успѣхахъ и поведеніи, мнѣ весьма полюбились питомцы Василій Ильинской, Василій Типовъ и Степанъ Дьячковъ; почему желая вспомошествовать вашему намѣренію по силѣ моей, прошу васъ прислать сихъ питомцовъ въ Москву, гдѣ они на моемъ содержаніи будутъ продолжать оказывать успѣхи свои въ наукахъ въ Московскомъ Университетѣ. Я знакомъ одному изъ вашихъ членовъ, который мнѣ и доставитъ вашъ отвѣтъ; и равнобѣрно если будетъ на сіе ваше согласіе, то онъ приметъ отъ меня и деньги нужныя на проѣздъ питомцовъ до Москвы, а потомъ и ежегодно на ихъ содержаніе. Ожидая вашего отвѣта, пребываю истиннымъ почитателемъ всѣхъ любящихъ свое отечество и о благѣ онаго по силѣ своей пекущихся особъ, слѣдовательно и вашимъ ;

Московской житель.

На сіе письмо снесясь съ обстоя-
тельстввами . мы отвѣтомъ не умѣ-
длимъ.

МОСКОВСКОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

I.

Разговоръ Господина Бикерштафа съ сподомъ духомъ Хранителемъ.

Сего дня занявъ будучи дѣлами, и углубившись съ лишкомъ въ размышленія, не могъ я итти въ компанію. По чему удалился вмѣсто прахтира, въ Линколсинскіе сады, и обошедши оныя два раза, сѣлъ по дозволенной въ сихъ мѣстахъ вольности на лавку, на концѣ копорыя сидѣлъ знашный Господинъ. Онъ сказалъ мнѣ весьма ласково: Господинъ Бикерштафъ, я почишаю за весьма щасливой случай, что вы меня здѣсь нашли. Государь мой, сказалъ я, сколько мнѣ извѣстно, по я еще предъ симъ никогда не имѣлъ чести васъ видать. О томъ по я часто и

Часть I. мѣс. Ген. А сожа-

сожалѣлъ, отвѣчалъ онъ; но увѣряю васъ, что я за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, оказывалъ вамъ много полезныхъ услугъ, не будучи вами примѣченъ; или когда вы только помыслишь могли, что я вступался въ какое нибудь дѣло, то чуждались меня и удалялись какъ отъ врага. Но какъ бы то ни было, роль, которую мнѣ надлежитъ представлять въ свѣтѣ, заставляетъ меня продолжать дѣлать добро и тогда, когда тѣ, коимъ я служу, часто мнѣ въ помѣ отказываютъ. Я думалъ, что сіе происходитъ отъ великой его ласковости, такожъ и отъ малаго благоразумія тѣхъ, коимъ онъ оказываетъ свои милости. Онъ объявилъ мнѣ, что изъ лица моего усматриваетъ, что почитаю его не разсмотрительнымъ при его доброхотствѣ, и продолжалъ рассказывать о своихъ обстоятельствахъ слѣдующее: Мнѣ извѣстно, Исаакъ, что вы споль свѣдуши въ тайныхъ наукахъ, что мнѣ не нужно дѣлать пространнаго вступленія, или длиннаго предисловія, дабы увѣрить васъ, о бытіи воздушныхъ существъ, упражняющихся въ попеченіи о людяхъ, и въ надзираніи надъ ними, такъ какъ мамки надъ дѣтьми, пока они не достигнутъ такого возраста, въ коемъ бы могли спараться сами о себѣ. Сіи суще-

щества, называются вообще духами кра-
нипелями челоуѣковѣ, и я долженѣ васѣ,
Господинѣ Бикершпафѣ, увѣдомить, что
впредѣ на нѣскольکو времени буду ва-
шимѣ; ибо порядокѣ нашѣ повелѣваетѣ
намѣ часто перемѣнять мѣста, и при-
нимать вѣ покровительство то того,
то другаго больнаго; однако сѣ позво-
леніемѣ выбирать себѣ тогѣ видѣ, ко-
торой намѣ покажется выгоднѣйшимѣ,
для принужденія подчиненныхѣ нашихѣ
кѣ собственному ихѣ добру. Я недавно
оказалѣ вамѣ весьма трудную услугу;
и какѣ мнѣ извѣстно, что вы готови-
те для меня весьма много дѣла, то
почелѣ за нужное вамѣ явиться, и попро-
сить васѣ, подать мнѣ, сколь возможно,
менѣе причинѣ кѣ бдѣнію. Государь
мой, сказалѣ я, для меня послужило бы
изряднымѣ руководствомѣ кѣ поведенію,
еслибы вы соблагОВОлили рассказать
мнѣ, о послѣднихѣ вашихѣ дѣлахѣ, и о
великомѣ беспокойствѣ, или удовольствіи
чувствованномѣ вами при томѣ, дабы
я попому могѣ расположиться. Онѣ
отвѣчалѣ: я расскажу вамѣ только о
трехѣ послѣднихѣ моихѣ должностяхѣ,
для показанія примѣра, тягостныхѣ тру-
довѣ, нами исправляемыхѣ. Перваго чи-
сла прошедшаго Апрѣля, поручено мнѣ
было исправить одну прекрасную жен-

щину, у которой прожилъ я недѣлю; отъ ней перешелъ къ одному, всѣмъ извѣстному охотнику клясться; а наконецъ былъ у игрока. Какъ скоро пришелъ я къ моей красавицѣ, то увидѣлъ, что главнѣйшее мое упражненіе должно состоять въ охраненіи глазъ ея и ушей: но у нее было столько множество ласкателей, и домъ по нынѣшней модѣ столь наполненъ зеркалами, что я рѣдко на нее надѣялся, кромѣ какъ она спала. Какъ только мы выходили со двора, то всегда бывали окружены цѣлымъ непріятельскимъ войскомъ: когда появлялся красивой мужчина; то она не упускала замѣшпть его тайнымъ взоромъ со стороны: когдажъ встрѣчался съ нами невидной человекъ; то смотрѣла на него открыто, изъ одного только желанія, учинить завоеваніе. Шестаго числа послѣдняго сего мѣсяца, подъ вечеръ, сидѣла моя Дикпинна на софѣ, и читала Овидіевы письма, и какъ дочитала до того мѣста, гдѣ Елена пишетъ къ Парису:

Та даетъ уже почти свое соизволеніе, которая запрещаетъ молчаніемъ;
 То вошелъ Филандръ, которой всѣхъ искуснѣе разговариваетъ съ женщинами о любви. Онъ достигъ совершенства въ искусствѣ ихъ плѣнять, состоящемъ въ томъ,

помѢ, чтобѢ говорить, какѢ надлежитѢ
весьма несчастному человѣку, а имѣть
видѢ очень щастливой. Я увидѣлъ, что
Дикшинна при входѢ его покраснѣлась,
что меня изумило; но онѢ немедленно
наговорилѢ ей столь много пріятнаго объ
охотѢ ея къ ученю, но необыкновенномѢ
случаѢ найти женщину, упражняющуюся
въ столь важномѢ; что вдругѢ оказался
добросовѣстнымѢ человѣкомѢ, отѢ ко-
его нечего было опасаться; и въ мину-
ту усыпилѢ въ ней всѢ подозрительныя
мысли о своемѢ искусствѢ; что сдѣлалѢ
почти и съ моими, пока я не примѣ-
тилѢ, что онѢ весьма опаснымѢ обра-
зомѢ, обратилѢ разговорѢ свой на пригож-
ство ея убора, и на хорошій ея видѢ, въ
выборѢ сего спальнаго плащя. Имѣвши
ужѢ прежде женщинѢ подѢ моимѢ над-
зираніемѢ, испугался я весьма проница-
тельности хитраго человѣка, умѣющаго
удержаться при сихѢ малостяхѢ. По
сему вознамѣрился охранять вѣренное
мнѢ, со всею только возможною оспоро-
жностію. Короче, я предупредилѢ ее
прошиву всего того, что онѢ токмо
могѢ сказать о ея способѢ и уборѢ. Но
ФиландрѢ паки перемѣнивѢ свой разго-
ворѢ, зачалѢ осмѣивать всѣхѢ ея прія-
тельница и знакомицѢ; и шутѢ то уви-
дѣлъ я, что она не въ моей ужѢ власти.

Онъ признался, что Флори имѣетъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько красоты, и много остроумія; но неискусна въ поведеніи; а смѣшное живописное Пасторелла хотя и невинна; но напротивъ того, сколько много не доставало ей, чтобъ быть похвалы достойною. Ибо быть невинною, не составляетъ еще быть добродѣтельною. Сверхъ сего мимоходомъ столько хулилъ лобъ дѣвицы Диппель, ротъ д. Примеръ, зубы д. ДеншиФрикеръ, и щоки д. Фидееръ, что Дикпинна очевидно въ него влюбилась. Ибо само по себѣ разумѣется, что женщина всегда все, что порочаетъ въ другихъ особахъ ея пола, признаетъ за дарованіе приписываемое ей. Однимъ словомъ, дѣло дошло до того, что мнѣ данъ былъ откупъ, и она по весьма явному признаку, сей вечеръ отъ шестаго числа Апрѣля, будетъ помнить девять мѣсяцовъ.

Потомъ, какъ я уже сказывалъ, перешелъ я ко всѣмъ извѣстному охотнику клясться. Никогда никто небывалъ такъ изумленъ, какъ я, увидѣвъ въ первой разъ мозгъ его. Половины онаго уже не было, и пустое мѣсто наполнено было дрянью, не имѣющею ни малаго союза съ прочими частями сего состава. Почему однажды поущру требуя своего плащя, кричалъ онъ: *Ипанъ . . . Иванъ* не

не откликнулся; *Чтобъ тебя не чистая немощь!* разпѣ нѣтъ тамъ ни одной души? Ну къ черту! хоть тресни . . . Ищанъ, какая ты лѣнивая собака! Я не зналъ лучшаго способа его вылѣчить; кромѣ какъ записывать все то, что онъ поупру при одѣваньи говорилъ, и класть то предъ него на уборной столикъ, когда онъ хотѣлъ чистить зубы. Последней списокъ того, что онъ за полчаса предъ тѣмъ проговорилъ, подложенной ему отъ меня, былъ такой: ну къ черту . . . *чтобъ тебя не чистая немощь . . . Гдѣжь мыло? припеди ко мнѣ носильщикопъ: дьяполъ ихъ повери, я вьюсь объ закладъ, что они ужѣ въ кабакъ! чтобъ имъ сквозь землю пропалиться . . .* Какъ онъ хотѣлъ взять стаканъ, то поднялъ записочку . . . *А! этотъ чертъ еще и меня злѣе: что бранитъ онъ на письмѣ?* Но прочитавши нашелъ, что то были собственные его слова. Хитрость сія имѣла такое дѣйствіе, что онъ не мѣдленно сдѣлался во всемъ другимъ человекомъ, и нынѣ учился говорить безъ брани, почему выражаетъ все чрезмѣрно кратко; ибо у человека безпрестанно бранящагося, какъ я еще прежде примѣтилъ, мозгъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся брани, не содержитъ ни какихъ понятій. Чего ради Кментъ мой гово-

рипъ нынѣ весьма мало, и принужденъ для награжденія недостатка, въ обыкновенныхъ своихъ дополнительныхъ чашицахъ, поставлять на мѣсто оныхъ нѣкоторыя другія, безсмысленныя прикрасы. Какъ я его оставилъ, то употреблялъ онъ: *тъфууй! Ахъ! чтобъ мнѣ съ мѣста не пстать!* что подаетъ надежду о его выздоровленіи.

Потомъ перебрался я къ третьему, о которомъ вамъ уже сказалъ, а именно, къ карточному игроку. Когда мы вступаемъ при комъ нибудь въ нашу должность, то немедленно разсматриваемъ состояніе его мозга. Въ мозгѣ сего человѣка не нашелъ я никакихъ слѣдовъ силы размышленія: но жестокія страсти, насильственные похоти, и цѣпь различныхъ одна съ другою соплетенныхъ переменъ, потрясали оной безпрепятственно. У него не видѣлъ я никогда посредняго состоянія; либо княжеское великолѣпіе, либо нищетская бѣдность, были переменныя его состоянія. Я не пробылъ у него долѣе одного вчерашняго дня: въ двенадцать часовъ предъ полуднемъ, имѣли мы четыре тысячи фунтовъ сперлинговъ; въ три часа накопилось у насъ до шести тысячъ; полчаса спустя, казна наша поуменьшилась до тысячи: въ четыре часа очутилось толь-

ко двѣсти ФунтовѢ; вѢ пять пятьдесятѢ; вѢ шесть, пять; вѢ семь, только одна гвиня; послѣдовавшій же за симѢ бедѢ не оставилѢ намѢ ничего. Сего утра занявѢ полкрана у дѣвки чистящей его башмаки, пошелѢ онѢ на большую площадь, называемую МинкользинФильдсѢ, играть сѢ лакеями на пфенниги и померанцы, потомѢ выигравши при Фунта сперлинговѢ, возвратился вѢ ВитесовѢ Шоколатной домѢ, кѢ наилучшей компани вѢ городѢ.

СимѢ окончался первой нашѢ разговорѢ, и чаятельно вы извините меня, что я при первомѢ свиданіи выпросилѢ у моего спутника столь мало; можетѢ быть онѢ расскажетѢ мнѢ еще пріятнѣйшія приключенія; ибо хотя онѢ и привидѣніе, однако не злой духѢ. —

(Изв 13 части Англинскаго Спектактора.)

II.

О тайныхъ желаніяхъ челоѣческихъ.

Человѣки раждаются сѢ желаніемѢ отсутственныхъ и будущихъ благъ, которое сопутствуетѢ имѢ во всѢхъ возрастахъ. Сіе желаніе возбуждаетѢ челоѣка отѢ лѣности, вѢ кою бы онѢ вдался,

ея, когда бы ко всему будущему былъ
 безпристрастенъ, и поощряемъ къ пред-
 пріятіямъ, коими онъ спарается дости-
 гнуть благъ, показываемыхъ оными ему
 въ отдаленіи. Человѣкъ долженъ чего
 нибудь пожелать, прежде нежели спа-
 нетъ спараться, достигнуть обладанія
 жалаемаго имъ щастія. Но спраси
 обыкновенно берутъ власть надъ симъ
 желаніемъ, коимъ бы надлежало вла-
 дѣть разсудку. Тѣ, кои допускаютъ
 сихъ тиранновъ, предписывать себѣ,
 чего должно имъ желать, спараются
 всегда тайтъ свои желанія отъ всѣхъ
 другихъ людей. Разсудокъ можетъ оп-
 кровенно объявлять свои желанія, но
 спраси велятъ оному умолкать. Что
 многіе не осмѣливаются сказать другимъ
 людямъ, спыдясь ихъ; по сказываютъ
 самимъ себѣ и небесамъ, не спыдясь ни
 себя ни небесъ. Со сколь многихъ людей,
 коихъ желанія по рачительному и иску-
 сному ихъ припворству, суть нерѣши-
 мыя загадки, спали бы вдругъ лавры;
 естлибъ можно было узнать тайныя
 ихъ желанія, кои суть вѣрнѣйшіе обра-
 зы человѣческаго сердца; но они суть
 такожъ тайнства, коихъ не открываетъ
 онъ и вѣрнѣйшимъ и любезнѣйшимъ
 друзьямъ своимъ. Я столько щастливъ,
 что могу узнавать сокровеннѣйшія
 жела-

желанія челоѣковѣ, еспѣли шолько не подумаю вредитѣ кому симѣ познанїемѣ. За нѣсколько дней предѣ симѣ, просилѣ я моего духа хранителя, наблюдаѣ шѣ желанія челоѣковѣ, кои ему покажутся чудными, и сообщитѣ мнѣ о нихѣ извѣстїе. Онѣ исполнилѣ мою прозѣбу, и возврапяся вѣ скоромѣ времени попомѣ, рассказывалѣ мнѣ о своихѣ наблюденїяхѣ слѣдующее.

Я пошелѣ, говорилѣ Амїель, вѣ церковь, надѣясь, что найду шамѣ большую часть людей испрашивающихѣ милоспи у неба; ибо сія народныя собранїя имѣють предметомѣ своимѣ либо благодаритѣ небу, за полученное щастїе, или проситѣ о новомѣ какомѣ благополучїи. Но я ошибся вѣ моемѣ чаянїи; ибо нашелѣ весьма не многихѣ, кои чего нибудь себѣ желали. Но не подумай, чтобѣ они занимались исполненїемѣ другихѣ благородныхѣ намѣренїй, кѣ коему опредѣлены сія собранїя. Я долго ходилѣ между особами швоего пола. Нѣкоторые сидѣли поддерживая голову рукою, и успокоивались отѣ трудной работы, коею во всю недѣлю истощили свои силы. Вѣ другомѣ мѣстѣ говорили нѣкоторые о сраженїяхѣ, о завоеванїяхѣ, о претендентахѣ, и всѣ намѣренїя Короля Французскаго были имѣ столь извѣстны, что

что они дивились только между собою, какъ Голландцы, Англичане и вѣнскій дворъ не могли усмотрѣть оныхъ. Потомъ подошелъ я къ купцу, коего глубоко-мысленной видъ почелъ я набожнымъ. Душа его говорила: я конечно могу получитьъ пятьдесятъ на сто, еслили приму на страхъ корабль. Но еслили я капиталъ потеряю, то ужё паки не справлюсь; такъ малой барышъ, коюрой у меня есть на лицо, гораздо лучше большаго, коюрой можетъ погнупъ въ моръ. На заклады я не дамъ того, чего они стоятъ, и могу удержатъ ихъ у себя на всегда, еслили не выкупятся въ уреченной срокъ. Пятнацать на сто, конечно большой барышъ; но за то ужё и христіанской. Также должно служить бѣдному своему ближнему. Но я лучше стану требовать по двацати: этотъ барышъ еще сносенъ: что бы ему дѣлать тогда, когдабъ никто ничемъ не захотѣлъ его ссудить? Такъ, подумалъ я, купецъ еще придержитъ христіанства; онъ хочетъ служить ближнему, и потомъ отошелъ отъ него. Еще не могъ я найти никого, ктобы испрашивалъ себѣ отъ небесъ милости. Проповѣдникъ изливалъ тогда усердіе свое, противу обманщиковъ, молодыхъ невинныхъ женщинъ. Ахъ! говори-

ла

ла душа одного врачнаго чел овѣка, это хорошо, что попѣ напомнилѣ мнѣ о женщинахѣ; мещанка дѣвушка, тамѣ сидящая очень красива, о естлибы мнѣ ее прельстить! но она еще тварь невинная. Мнѣ только стоить сказать ей, что хочу на ней жениться. А деньгами можно ее опять скоро сбыть съ рукѣ. Я ужаснулся пиранской власти страстей надѣ человѣческимѣ духомѣ. Вѣ то самое время, когда разумокѣ и законѣ пропивились симѣ неправеднымѣ обладателямѣ сердецѣ, тогда принуждали они людей желать того, чтобы надлежало проклипать.

Я хотѣлъ ужѣ итти кѣ женщинамѣ, какѣ увидѣлъ простолюдима, имѣющаго видѣ весьма веселой, и сложившаго свои руки. Я бѣденѣ, говорилѣ онѣ самѣ вѣ себѣ, мнѣ трудно пропитать жену и множество малыхѣ дѣтей. Но я спокоенѣ, и не живу еще по чужей милости, а болѣе ничего не желаю. Чистая совѣсть и работа, должны приносить мнѣ удовольствіе. Боже мой! остави меня навсегда вѣ сихѣ обстоятельстввахѣ; не исправляй ихѣ, естли узришѣ, что исправленіе сіе послужитѣ кѣ развращенію сѣрдца моего, или привлечетѣ за собою пороки вѣ домѣ мой. Подаждѣ мнѣ только ту милость, чтобы я всегда былѣ доволенѣ

ленъ твоими дарами. Я столько былъ пронутъ благородными желаніями честнаго сего гражданина, что не оставилъ бы такъ скоро его души, естлибъ еще не хотѣлось мнѣ знать чего желаютъ женщины. И такъ пошелъ я къ особамъ прекраснаго пола. Между ними увидѣлъ нѣкоторыхъ спящихъ, другихъ кидających изъ подъ опахала тайные взоры на мужскую сторону. Глаза ихъ обожателей, давали вопросы ихъ очамъ, а отвѣты на оныя были похладнокровны, по благосклонны. Между многими женщинами, примѣшилъ я одну молодую красавицу, коея взоры лепали по всей церквѣ. Сіе дѣлалось толь невиннымъ образомъ, что казалось, будто она даетъ глазамъ сію вольность, не имѣя при томъ ни какихъ намѣреній. Наконецъ собрались всѣ ея взгляды на одного молодаго красиваго человѣка, занимавшагося только тѣмъ, чтобъ бросать молнію діаманта, носимаго имъ на пальцѣ, на всѣхъ красавицъ, до коихъ только могла она достигнуть. Для чего былъ онъ столь свирѣпъ? Для чего не скрывалъ онъ сего діаманта? Сердце молодой той женщины было доселѣ совсѣмъ спокойно. Ахъ! воздыхало оно тогда; что это за премилой господинъ! Сколь должно ему быть щасливу, имѣя

такой прекрасной Діамантѣ! Еслилибѣ у меня была такая драгоцѣнность, то бы я въ жизнь мою ничего во всемѣ свѣтѣ не пожелала! У меня не было охоты, посмотрѣть еще, сколько вреда между женщинами произвелъ сей опасной Діамантѣ. Я устремилъ вниманіе мое на другую женщину, взирающую съ поржествующимѣ видомѣ на одну изъ своихъ сосѣдокъ. Прежде нежели я довольно близко подошелъ къ душѣ ея, то казалось, что она благодаритъ небо за то, что ея сосѣдку постигло несчастіе, которого она на нее вымоляла. Я любопытствовалъ читать въ душѣ ея, чтобы то за ужасное несчастіе было, которому она столь радовалась. Но какъ изумился, услыша оную такъ говорящую: Это мнѣ пріятно, что новое платье, о коемъ моя сосѣдка за недѣлю столь много рассказывала, не успѣло! Я ее предупредила; желанія мои исполнились. Какъ она популяетъ глаза! Она довольно видитъ, что я ее всегда превосхожу, и ношу уже то платье, которое она надѣялась носить прежде всѣхъ. Сохрани только боже мужа моего! Онъ наилучшій человекъ въ свѣтѣ. Мнѣ стоить только притвориться печальною и недомогающею, то могу отъ него получать все, что захочу. Вонъ! тамъ говорятъ

ряпѣ что по тихонько. Конечно гово-
ряпѣ они о моемъ платьѣ; оно должно
имѣ чрезмѣрно нравиться. Тутѣ замол-
чала душа ея. Сама она одергивала свое
платье, дабы произвестъ нѣмъ шумѣ;
однако никто на нее не хотѣлъ глядѣть,
сколько она ни старалась яснѣе дать
знать, что надѣла оное въ первой разѣ.
Я не могъ удержаться, чтобъ не раз-
смапривать съ сожалѣніемъ душу сея
женщины, занимающейся такими без-
дѣлками. Желалъ бы я быть ея му-
жемъ, еслибъ былъ человѣкъ! Вели-
кимъ должно почитать щаспіемъ, когда
имѣешь жену, которая вмѣсто помыш-
ленія о домостроительствѣ и о воспи-
таніи дѣтей, думаетъ только о томъ,
какъ бы ей превзойти другихъ въ пыш-
ности.

Потомъ подошелъ я къ одной госпо-
жѣ, которая казалась досаждующею, и
безпрестанно шевелила своими губами.
Я наблюдалъ мысли ея. Боже многомилос-
ливый! Говорила она, какъ прези-
рается слово твое. Въ семъ стулѣ си-
жу я только одна, и никто не пришелъ
въ церковь изъ нѣхъ, кои живутъ
окрестъ меня! Благочестіе простываетъ
въ сердцахъ день отъ дня болѣе! О
еслибъ люди другимъ не досаждали, и
по крайней мѣрѣ хотя имѣли видѣ
благо-

благочестія! Я порадовался о набожныхъ сихъ желаніяхъ, и хотѣлъ уже оставить сію Госпожу, какъ душа ее начала продолжаться, и размышляла слѣдующее: это право досадно, что ни одна изъ моихъ сосѣдокъ не пришла въ церковь. У меня есть не мало новаго рассказать. На нынѣшней недѣлѣ приключилось столько много, чтобы мы могли о томъ проговорить во время всея проповѣди. Общество Квкеровъ должно быть изрядное общество. Тамъ не всегда можно, чтонибудь услышать. Женщина у нихъ можетъ говорить, а у женщины вѣтъ есть еще столько разума, чтобы сказать чтонибудь полезное. Тогда узналъ я причину, для чего желала она, чтобы сосѣдки ея были набожныѣе, и посѣщалибъ чаще церковь. Она была болшунья, и съ тѣхъ поръ свѣдалъ я, что другія обладательницы сего стула не ходятъ тогда въ церковь, когда она тамъ бываетъ, ибо она болтаньемъ своимъ никогда не даетъ имъ покою.

Отъ сей женщины поспѣшалъ я къ другой, на лицѣ которой являлось, то веселіе и удовольствіе, то гнѣвъ и печаль. Что за переменны происходятъ въ душѣ ея? Размышлялъ я, и разсма- тривая ея душу увидѣлъ я идею Ломбернаго столика, за коимъ сидѣла Идея

ея самой, и идеи двухъ собесѣдницѣ. Я играю на бубнахъ Сампрандеръ говорила идея ея самой. Ахъ! проклятой бубновой валетѣ мнѣ непопался, я бы сдѣлала *тотусъ*. Однако между шѣмъ я выиграла: Сампрандеръ пять мападоровъ съ первыми. Душа сея женщины выигравъ сію игру, вдругъ одумалась, что была въ церквѣ, и играла только въ воображеніи. Проповѣдь еще не кончилась, мыслила она тогда: О естѣлибѣ проповѣдникъ поспѣшилъ! онѣ наставилъ уже насъ довольно. Ахъ естѣлибѣ часы пропекли скорѣе! мнѣ хотѣлось бы сего дня выиграть! Новыя смѣшныя желанія, подумалъ я, весьма пристойныя къ церквѣ, и показывающія благочестивую душу. Я оставилъ ее, вознамѣрясь выйти изъ церкви, какъ увидѣлъ старуху, которая молилась весьма набожно. Лобъ ея покрытъ былъ морщинами, и глаза весьма глубоко впади. Но она была наряднѣе одѣта, нежели какъ можно надѣяться того отъ старухи. Можетъ быть умоляетъ она небо, о скорѣйшемъ разлученіи своемъ съ міромъ, сказалъ я самъ въ себѣ; но услышалъ отъ души ея слѣдующую молитву: Боже мой! чѣмъ погрѣшила я предъ тобою, что не могу сыскать мужа? Я горю желаніемъ, вступишь въ священный бракъ
уста-

установленный самимъ побою. Еслили есть святая воля швоя, то не даждь мнѣ умереть бездѣпной, дабы имѣніе мое не досталось такимъ наслѣдникамъ, кои надо мною же бы спали смѣяться. Я еще не столь стара! Подаждь мнѣ хорошаго добродѣпельнаго мужа, копорой бы долго могъ еще служить свѣпу, и коего смертію я не скоро бы была опечалена; желаніе повпоряла старуха весьма часто, и какъ бы хотѣла пѣмъ сказать: боже мой подаждь мнѣ мужа; но не такого стараго, какъ я, а молодого, здороваго и сильнаго мужа.

III.

Продолженіе прѣжняго.

Услыша столь мало разумныхъ желаній въ церквѣ, говорилъ Алкель, намѣрился я ийти въ домъ, чтообъ узнать, что выпрашиваюпѣ люди у небесъ въ сокровеннѣйшихъ мѣстахъ. Я вошелъ въ первой попавшійся мнѣ домъ, вступилъ въ кабинетъ одного ученаго, что заключилъ по тому, что увидѣлъ въ разныхъ мѣстахъ въ горницѣ много лежащихъ книгъ. Я не могъ узнать, какія бы то были книги; ибо у всѣхъ

сочиненій разогнуты были только рес-спры. За маленькимъ столикомъ сидѣлъ мой ученой подперши голову лѣвою рукою; на челѣ его являлась улыбка, и онѣ смотрѣлъ съ удовольствіемъ на одно сочиненіе, которое было дѣло рукъ его. Я приблизился къ нему, чтобъ узнать причину его удовольствія, и услышалъ, что душа его произносила похвальную рѣчь себѣ и своимъ твореніямъ. Не можно отнять у меня славы ученаго, говорила она, сіе сочиненіе напечатано уже шестымъ писаніемъ. Оно переложено на многія языки. Сказываютъ, что переведено даже и на Богемской. Когда токмо сіе въ самомъ дѣлѣ, то можетъ бытъ озарятся свѣтомъ бѣдныя слѣпотствующіе Богемцы. Иностранцамъ также досталась въ сей книгѣ ихъ доля. Я ясно доказалъ, что мы Нѣмцы лучше ихъ. Постой! пересчитаемъ, сколько я издалъ въ свѣтѣ сочиненій? Это ни какъ уже шестьдесятъ девятое; и всѣ оныя распроданы. А что напрошивъ сего происходитъ съ сочиненіями моихъ непріятелей? Они оспаютъ на вѣки въ книжныхъ лавкахъ. Но сіи дураки смѣютъ меня безъ всякаго почтенія порочить! однако я ихъ усмирю! только бы мнѣ найши Типографа! При семъ желаніи выступила у моего уче-

ученаго кровь на лице; глаза его сверкали, и онъ попалъ ногою въ землю. Развѣ я не первой въ . . . въ . . . Далѣе не могъ я понимать души его. Тогда увидѣлъ духа его хранителя, старающагося всѣми силами усмирить раздраженную его душу, вступилъ я съ онымъ въ разговоръ. Конечно учинилъ я какое нибудь великое прегрѣшеніе, говорилъ сей, что приславленъ къ сему человѣку. Мнѣ строго повелѣно смотрѣть, чтобъ нѣкоторыя добрыя его качества были полезны свѣту. Но ты не можешь повѣрить, сколь трудны бываютъ мнѣ сіи попеченія. Ибо представь себѣ такого человѣка, которой при маломъ количествѣ знанія, имѣетъ наивеличайшее воображеніе о чудныхъ своихъ достоинствахъ; опишу тебѣ почной его образъ. Когда онъ еще былъ малъ, и начиналъ только писать, то былъ величайшимъ изъ нѣмецкихъ писателей. Ему удивлялись, и сколь съ начала ни казался онъ мнѣ спыдливымъ, но скорѣ сдѣлался величайшимъ своимъ обожателемъ. Похвала, получаемая имъ, сдѣлала его надменнымъ, и онъ задумалъ, что можетъ превзойти всѣхъ ученыхъ. По мѣрѣ усугубленія похвалы, приписываемой самимъ собою, умалялась похвала свѣта, коей онъ имѣлъ право преобывать. Свѣтъ

думалъ, что не можетъ уже наградить его, когда онъ самъ себя награждаетъ. Онъ разсердился на хладнокровіе ученыхъ, и заставилъ сихъ неблагодарныхъ, извлеченныхъ имъ, по его мнѣнію, изъ пымы невѣжества, чувствоватъ тяжесть пера своего. Онъ надѣялся быть ихъ Монархомъ, и вообразилъ, что они спанутъ дрожать предъ его повелѣніями. Однако сіи республиканцы, не признающіе ни какія надъ собою власти, ошмщали ему сперва презрѣніемъ, а скоро потомъ и насмѣшками. Съ тѣхъ поръ бѣсится мой ученой. Всѣ его желанія состоятъ въ томъ, чтобъ найши Типографа, которой бы взялся печатать его спорныя сочиненія, коими хочетъ онъ наказатъ своихъ непріятелей. Доселѣ уничтожалъ я исполненіе его желаній. Еслижъ они сбудутся, то имя его, которое свѣтъ привыкаетъ уже забывать, вдругъ погибнетъ! Любви достойная жена научила бы его можетъ быть забывать сочиненія. Но душа его нечувствительна. Мнимая красота сочиненій своихъ прогаетъ его болѣе, нежели красота женщины.

Онъ совсѣмъ не хочетъ жениться; ибо не можетъ найти женщины, коя бы умѣла его правописаніе; къ тому жъ нѣмецкія красавицы такъ не знающі,

unwissend in Schottel, что онъ постыдился бы цѣловать полъ неграмматическія уста. Потомъ оглянулся духъ хранитель сего ученаго на него. Онъ писалъ. Ахъ! вскричалъ духъ, милосердное небо, онъ пишетъ противъ своихъ непріятелей. Онъ ругаетъ ихъ: я долженъ ему въ томъ воспрепятствовать. Ученой хотѣлъ взять песочницу, чтобъ засыпать новое свое сочиненіе; но духъ привелъ его руку такъ, что онъ схватилъ чернильницу, и вылилъ чернила на письмо. Сіе несчастіе сдѣлало ученаго моего безупѣшнымъ. Когда мнѣ ни въ чемъ нѣтъ удачи, началъ онъ, по стану великодушно презирать моихъ непріятелей. О естлибъ ты навсегда остался въ сихъ добрыхъ мысляхъ, подумалъ я, и оставилъ его.

Потомъ пришелъ я въ уборную комнату, въ одномъ великолѣпномъ домѣ. Женщина хотя не въ праздничномъ однако драгоцѣнномъ платьѣ покоилась на канapé. Она была въ самомъ цвѣтѣ красоты. Я примѣтилъ на лицѣ ея скучливое уныніе, происходившее безъ сомнѣнія отъ ея уединенія. Здѣсь должна быть прекрасная душа; обиталище оныя чрезвычайно прелестно, думалъ я. Въ чемъ по она упражняется? Конечно желаетъ чего нибудь. „Ахъ! естлибъ онъ никогда не

„ возвратился „, говорила она вздыхая „
 „ присутствіе его мнѣ не сносно ; нѣж-
 „ ность его смертельно мнѣ пропивна.
 Это конечно о мужѣ, сказалъ я самъ въ
 себѣ, о любовникѣ такъ говорить не мо-
 жно. „ Сколь же напротивъ того лю-
 „ безенъ молодой Офицеръ. Въ немъ все
 „ оживотворенно. Не прекрасное ли перо
 „ у него на шляпѣ ! темлякъ на его шпа-
 „ гѣ столь хорошъ, что нельзя лучше
 „ быть ; а теперь вспомнила я, что у
 „ мужа моего на шпагѣ также прекрас-
 „ ной темлякъ, онъ лучше пристанетъ
 „ къ Офицеровой шпагѣ, нежели къ его.
 „ Я хочу его онымъ подарить. Но что
 „ онъ не идетъ ! о естлибъ онъ пришелъ
 „ поскорѣ ! „ Сіе ея желаніе потчасъ
 исполнилось. Дверь отворилась, и моло-
 дой Офицеръ вошелъ. „ Ха, ха, ха, на-
 „ чалъ онъ хахатать : „ Чертъ меня
 „ возьми ! какъ это случилось, мадамъ,
 „ что я васъ засталъ одну ? Парбле, ма-
 „ дамъ, пусть я умру, естли во всѣ
 „ двѣ недѣли, какъ я съ вами познако-
 „ мился, не проклиналъ ежечасно ва-
 „ шего мужа „ Желанія весьма разумны,
 сказалъ я съ гнѣвомъ самъ въ себѣ. О
 „ дозвольте обнять себя поскорѣ, Боги-
 „ ня моя ! я не могу жить далѣе безъ
 „ вашей благосклонности. Не такъ по-
 „ спѣшно, Господинъ Баронъ, отвѣчала
 „ Гос-

„Госпожа усмѣхнувшись и поднявшись.
 „Клянусь честью, мадамъ, продолжалъ
 „онъ, что такого тонкаго стану,
 „каковъ вашъ, не видывалъ я и въ Вер-
 „салии; его можно схватить одною
 „рукою. О посмотрите на меня! какіе
 „это черные глазки! какъ я вамъ сего
 „дня нравлюсь? Новой эпокъ камзолъ
 „не безмѣрно ли прекрасенъ? Но сіе не-
 „диво; ибо онъ Парижской работы. Но
 „спанемъ лучше говорить о нашей люб-
 „ви. „ Мы еще нелюбимся, хотя вы мнѣ
 „и не прошивны. — „Какъ играетъ ру-
 „мянецъ въ прелестныхъ сихъ губкахъ!
 „Это бы былъ непростительной грѣхъ,
 „еслибъ я ихъ не поцѣловалъ. „ Онъ
 „уже приготовился къ тому, какъ оба
 „услышали шумъ на лѣспницѣ. „ О! это
 „идетъ досадной мой мужъ, сказала
 „она, спрячесь скорѣе за обои. „ Едва
 „онъ то сдѣлалъ, какъ мужъ вошелъ. „
 „Вы ужъ и возвратились, говорила Госпо-
 „жа съ хладнымъ видомъ; я не ожидала
 „васъ скоро. Еслибъ вы знали, сколь го-
 „рячо я васъ люблю, началъ онъ съ вели-
 „чайшею нѣжностію, то не стали бы
 „дивиться скорому моему возвращенію.
 „Она принимала обѣщанія его съ хладно-
 „кровнѣйшимъ равнодушіемъ, и ея обѣщанія
 „были принужденны. Развѣ вы не здоровы,
 „душа моя, спросилъ онъ съ безпокой-

ствіемъ? нѣтъ, отвѣчала она, вы бы лучше позвали меня въ свою горницу. Вы своими сапогами испортили весь полъ въ моей комнатѣ. Къ чему было такъ спѣшить, я бы къ вамъ пришла; подите только въ свой покой, я потчасъ буду. Попомъ подошедши къ дверямъ, кликнула Французенку: Жаннета, вели дѣвкамъ, чтобъ они принесли воды, и вымыли полъ въ моей комнатѣ. Мужъ извинялся весьма нѣжно, и вышелъ печально вонъ. Потомъ сказала Госпожа за обои: я должна васъ оставить любезной Баронъ, но поѣду сего дня въ Юнкфененгъ. Жаннета пришла, и она приказавъ ей выпустить Господина Барона, пошла сама къ мужу, а я ее оставилъ.

Я покинулъ сію женщину съ важными размышленіями, о человѣческой слабости. Она желала отсудствія честнаго мужа, любящаго ее съ величайшимъ почтеніемъ и нѣжностію; воздыхала о безсмысленной тварѣ, которая ее не любитъ, но наговариваетъ ей только глупыя ласкательства, чтобъ хвастаться послѣ своимъ щастіемъ у прекраснаго пола. Она никогда не нарушитъ существенной вѣрности, коею должна своему супругу; мнѣ извѣстно ея сердце, которое суешнѣе, нежели чтобъ могло столько унизиться; но она самолюбива, и

по сей причинѣ мщеть любовниковъ , кои бы ее обожали. Однако мужъ ея не всегда будетъ оскорбляемъ ; она скоро познаетъ суешность побѣдъ своихъ. Корь находящаяся еще у нее подъ пѣломъ, скоро положитъ конецъ божеству ея , Баронъ ее оставитъ, и она станетъ любить своего мужа. О естлибъ онъ никогда отъ меня не оплучался , будетъ она тогда желать! Сколь любезенъ мужъ мой ! будетъ она говорить. Не позоветъ уже никогда своей Жаннеты , когда онъ по любви своей поспѣшитъ , и войдетъ въ сапогахъ въ ея горницу.

Углубившись совсѣмъ въ сіи размышленія , пришелъ я въ Рапушу. Споръ двухъ дородныхъ гражданъ привлекъ на себя мое вниманіе. Я не дѣлюсь , и не дамъ никому ни малѣйшей части изъ наслѣдства , кричалъ одинъ изъ нихъ , рѣшимъ дѣло наше предъ судомъ. Сей споръ привелъ къ нимъ нѣкотораго старообразнаго мужа. Черты лица его были столь безпорядочны и искривлены , какъ бы какой нибудь процессъ. Голодъ казался мнѣ распросстраненнымъ по всей его особѣ. Онъ опвелъ на спорону того которой горячѣе спорилъ. Я вижу , сказалъ онъ ему , что вы правы ; вы честной человекъ ; а другой конечно не правъ ; это видно по честному вашему лицу.

По-

Поручите мнѣ вашу тяжбу. Между тѣмъ, какъ онъ сіе говорилъ, душа его не желала ничего, какъ чтобъ уговорить гражданина того къ процессу. У него есть имѣніе, размышляла она, отъ котораго надобно мнѣ что нибудь опнять. Никто изъ нихъ неполучилъ ничего изъ наслѣдства. Я подѣлюся онымъ съ поварихомъ; но недорого ли будетъ стоятъ мнѣ эта тяжба, сказалъ гражданинъ спряпчему. Чего ей стоить, отвѣчалъ сей, я человекъ справедливой; соперникъ нашъ заплатитъ происки и волокиты; мы изъ него повысосемъ крови. Я долженъ ему это только представить легкимъ, думалъ онъ самъ въ себѣ; о еслибы удалось мнѣ его поддѣпить, запущалъ бы дѣло такъ, чтобъ ему не лъзя было отъ него опстать Я споль разсердился на сего заводчика распръ, что топчасъ вознамѣрился сдѣлать его посмѣшищемъ всѣхъ присутствующихъ; и старался внушить душѣ гражданина мирныя мысли, что мнѣ и удалось. Гражданинъ довольно усмотрѣлъ, что спряпчему дѣло не до правости его, но до имѣнія. Онъ подзвавъ къ себѣ другаго гражданина, сказалъ ему: сей господинъ спряпчей вызвался производить дѣло мое противъ васъ, и обѣщаль мнѣ повысосать изъ васъ кро-

ви; но я опасуюсь, чтобъ онъ купно не повысосалъ и изъ меня. Помиримся и раздѣлимъ наслѣдство полюбовно; чтожъ касается до господина стряпчаго, то я прошу его поискать доброхотнѣйшихъ сердецъ, кои больше нежели я, любятъ птяжбы. Сіе произнесъ онъ столь высокимъ голосомъ, изражающимъ удовольствіе его о предпріятіи намѣреніи, что всѣ присудствующіе начали хахатать надъ стряпчимъ, которой ушелъ со стыдомъ пихонько опшуда, а мнѣ не захотѣлось узнать дальнѣйшихъ его желаній.

Но надобно много времени, для сообщенія тебѣ извѣстія, о всѣхъ смѣшныхъ желаніяхъ человѣческихъ. Мало нашелъ я людей, кои бы испрашивали себѣ у неба истинныхъ и долговременныхъ благъ. Даже знаю я особъ такого чина, коему люди обязаны особеннымъ почтеніемъ; но желанія коихъ не пристойны ихъ достоинству. Я хочу заключить повѣствованіе мое желаніями такого мужа.

За нѣсколько времени предъ симъ, былъ я въ Шотландіи у одного тамошняго духа хранителя, искреннѣйшаго моего друга. Онъ приставленъ былъ къ Каплану нѣкотораго Шотландскаго Лорда. Мы оба находились нѣкогда вмѣстѣ

сѣ

сѣ нимѣ, вѣ его кабинетѣ. Онѣ читалѣ приключенія Юзефа Андревса, и сердился не мало на сочинителя, что оной честнаго Адамса, духовную особу, описывалѣ всегда смѣшнымѣ образомѣ. Сія любовь кѣ своему сану обрадовала меня безмѣрно. Мы наблюдали его мысли, какѣ слышали, что нѣкто спучится у дверей. Это была женщина. Капланѣ спросилѣ ее, чего ей надобно, не имѣетѣ ли какой нужды, кою бы хотѣла ему опкрыть? Я не имѣю ни какой нужды, сказала она, но сдѣлала бы вашему Преподобію нѣкое предложеніе, естлибѣ вы меня не остыдили. Капланѣ отшѣчалѣ, чтобѣ она говорила сѣ нимѣ смѣло. — Но нѣтъ, вы остыдите меня. Дочь моя... Дочь моя... Что сдѣлалось вашей дочерѣ, прервалѣ рѣчь ея неперпѣливой Капланѣ. Дочь моя столько плѣнилась вашимѣ смиреніемѣ, что желаетѣ, но я лучше промолчу. . . . О! говорите только, сударыня, началѣ Капланѣ, чего желаетѣ дочь ваша? — Вступитѣ сѣ вами вѣ бракѣ, и научатѣся изѣ примѣра вашего день опѣ дня болѣе благочестію. Сіи послѣднія слова, изумившія не мало Каплана, выговорила она сѣ великою скоростію и пошупила глаза. Обоимѣ намѣ невидимымѣ зрителямѣ, казалось зрѣлище сіе очень смѣшнымѣ. Мы сѣ

вели*

великою нетерпѣливостію ожидали, что скажетъ Капланъ. Я приблизился къ душѣ его, произносящей святое желаніе. Есльлибъ она была только богата, то принялъ бы предложеніе ея, и не выдавъ никогда дочери. Потомъ посмотрѣвъ пріятно на женщину, спросилъ онъ: есльли у дочери вашей какое имѣніе? Девяносто фунтовъ сперлинговъ, сказала она. Только девяносто фунтовъ? опвѣщствовалъ онъ, такъ дочь ваша не можетъ быть за мною. Капланы должны искать богатыхъ, либо знашныхъ невѣстъ, чтобъ могли возвыситься; ибо обыкновенно не оставляютъ они послѣ себя ничего, кромѣ книгъ и дѣшей. Женщина вышла съ уныніемъ, а я подивившись благороднымъ правилами Господина Каплана, скоро потомъ оставилъ своего друга, чтобъ рассказать тебѣ сіе приключеніе.

Симъ кончилъ духъ мой свое повѣствованіе.

(Перепедено съ Нѣмецкаго языка.)

IV.

Снопидніе.

Нѣкогда представилось мнѣ во снѣ, будто я низшелъ въ царство тѣней, гдѣ Сенека былъ первымъ, съ кѣмъ я свелъ знакомство. Онъ распросивши меня

нѣ.

нѣскольکو о нынѣшнемъ состоянїи вышняго свѣта, пригласилъ ипши съ собою ко входу въ царство мертвыхъ, и разсматривать нисходящихъ; ибо, примолвилъ онъ, для насъ весьма прїятнымъ зрѣлищемъ будетъ, смотрѣть, какъ нѣкоторые плачутъ, другїе просятъ о своемъ освобожденїи, иныя спускаются съ досадою, и иныя пропятыя гонящему ихъ Меркурїю. Мнѣ понравилось сіе предложенїе, и первой встрѣпившейся намъ былъ дряхлой старикъ. Сенека спросилъ его, о чемъ онъ плачетъ, и для чего не радъ своей смерти. Развѣ ты былъ царемъ? — Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала тѣнь.

Сенека. Такъ ты былъ Министръ, или Каммергеръ, или другаго какого знатнаго чина?

Тѣнь. Ахъ нѣтъ.

Сенека. Такъ ты былъ, можетъ быть, весьма богатъ, и сожалѣешь, что умеръ оставя многія роскоши.

Тѣнь. Совсѣмъ не то. Мнѣ уже было почти девяносто лѣтъ, и я препроводилъ на галерѣ весьма тягостную жизнь. Былъ крайне бѣденъ, не имѣлъ дѣтей, и при томъ еще былъ хромъ, и не могъ хорошо видѣть.

Сенека. И совсѣмъ тѣмъ хотѣлъ бы еще жить, хотя былъ и несчастенъ.

Тѣнь.

Тѣнь. Конечно; Ибо жизнь пріятна, а смерть страшна; бѣднѣйшая жизнь стократно лучше пышной смерти.

Сенека. Ты глупъ, старикъ, и ребячески поступаешь по закону предписанному всѣмъ чоловѣкамъ. Тебѣ бы надлежало почитать смерть средствомъ, избавившимъ тебя отъ тягостей, какія влечетъ за собою старость. — Но вотъ идетъ другой; спросимъ его, что дѣлаетъ ему жизнь столь драгоценною. Послушай, для чего не хочется тебѣ вступить въ сіе царство?

2. *Тѣнь.* Ахъ! для того, что я еще некончилъ моего дѣла.

Сенека. Ну это еще годится. А какое ты имѣлъ дѣло?

2. *Тѣнь.* Ахъ! весьма ученое, надъ коимъ денно и ночью прудился я уже семь лѣтъ. Я справлялся болѣе, нежели съ тысячею книгъ, собиралъ безчисленное множество мѣстъ изъ разныхъ авторовъ, и половину уже привелъ въ порядокъ. Мнѣ надобно бы было еще только два года для совершенія труда моего. А теперь должно все остаться втуне.

Сенека. Трудъ твой чаятельно былъ бы чрезмѣрно полезенъ челоуѣческому роду.

2. *Тѣня.* О конечно! ибо я изслѣдывалъ для чего буква і во всѣхъ языкахъ есть самая меньшая.

Сенека. Какъ! ты надъ симъ потерялъ семь лѣтъ? Благодарю Паркамъ, что они не дали тебѣ еще потребныхъ двухъ лѣтъ! Свѣтъ можешь безубыточно обойтись безъ твоего ученаго сочиненія; и ты долженъ радоваться, что смерть не допустила тебя подвергнуться заслуженной довольно хулѣ. — Но ты о чемъ плачешь? Конечно исторгнута ты изъ объятій своего возлюбленнаго?

3 *Тѣнь.* Увы! это правда. Кранторъ любилъ меня весьма нѣжно, и я сама ничего не желала, какъ только чтобъ быть удовольствіемъ дней его. Ахъ, Кранторъ! Любезный Кранторъ! для тебябъ токмо желала я прожить долге.

Сенека. Но знаешь ли ты, чтобы жизнь твоя была тебѣ мученіемъ?

3 *Тѣнь.* Какъ могло то статься?

Сенека. Я тебѣ скажу. Кранторъ любилъ тебя, говоришь ты, нѣжно; слѣдовательно былъ способенъ къ ревности. Сколько бы безпокойства могла ты ему причинять? А сверхъ сего увѣрена ли ты, чтобы любовь его навсегда удержала свою горячность? Нѣжнѣйшій любовникъ становится часто хладнокровнѣйшимъ супругомъ. Коликой горести сто.

стояла бы тебѣ таковая переменѣна? И такъ успокойся и будь довольна, что не извѣдала будущаго его непостоянства. — А ты не также ли лишилась любовника?

4. *Тѣнь.* Ахъ нѣтъ! но смерть пресѣкла мои старанія сыскашь любовника.

Сенека. Ты избавилась отъ весьма тягостной заботы. Она причинила бы тебѣ во многія ночи бессонницу. Не правда ли?

Тѣнь. Не спорю; но мнѣ жаль только того, что всѣ старанія мои остались впуне.

Сенека. Но еслилибѣ ты достигла своего намѣренія, то какую бы получила изъ того пользу?

Тѣнь. И этого я не вѣдаю; однако мнѣ досадно то, что дочь моего сосѣда вышла за мужъ, а я умерла дѣвицею.

Сенека. Не смѣшно ли это? Когда дочь сосѣда твоего, какъ мнѣ рассказывалъ братъ ея, чрезъ замужство свое стала несчастнѣйшею женщиною, когда она въ мужъ своемъ нашла подлиннаго мучителя, когда не удачные дѣли ея причиняютъ ей тысячу прискорбій; по ты щитаешь себя несчастливою потому, что умерла не въ такомъ же состояніи. Поди, и будь довольна тѣмъ, что избавилась отъ такой опасности. — Но что тебѣ дѣлаетъ смерть твою горестною?

спною? Ты мнѣ кажешься весьма пожилымъ?

5 *Тѣнь.* Это правда, я очень старъ, жизнь мнѣ уже наскучила. Но я желалъ бы еще дожить до окончанія послѣдней войны.

Сенека. Безъ сомнѣнія ты имѣлъ великое участіе въ сей войнѣ, и былъ одинъ изъ производившихъ оную Королей?

5 *Тѣнь.* Нѣтъ. Но мнѣ хотѣлось узнать, останутся ли Американцы не зависимыми.

Сенека. Развѣ ты былъ изъ числа ихъ? Или твое щастіе основывалось на томъ?

5 *Тѣнь.* Никакъ; ибо я жилъ за при-спя миль опшуда.

Сенека. Какоежъ глупое любопытство! Ты наблюдая то, отъ чего не имѣлъ ни пользы ни вреда, забывалъ себя самаго, и то, что наиболее до тебя касалось. Не должно ли бы было тебѣ наипаче думать о концѣ твоей жизни? развѣ Исторія объ чужестранной войнѣ имѣетъ столько прелестей, что можетъ усладить бремя старости? Поди! такая глупость не споитъ того, чтобъ я долѣе представлялъ тебѣ ее. — Но что тебя терзаетъ?

6. *Тѣнь.* Ахъ поперянная моя юность! Ахъ дражайшая юность!

Сенека. Я сего не понимаю. Изъяснись вразумительнѣе.

6. *Тѣнь.* Увы дражайшая юность! сколько дорого ты мнѣ сто́яла! Съ четвертаго года отъ рожденія упражнялся я неутомимо въ наукахъ, и когда соученики мои веселились, тогда я сидѣлъ за книгами. Сонъ не затворялъ глазъ моихъ, никакая забава не могла отвлечь меня отъ прилѣжности. Но все сіе теперь тщетно! Ахъ поперянная моя юность!

Сенека. Но для чего раскаиваешься ты въ сей прилѣжности?

6. *Тѣнь.* Для того, что проклятыя Парки перерѣзавъ рано нить моей жизни, не допустили меня достигнуть моего предмета.

Сенека. Какой же ты имѣлъ предметъ, коего желалъ достигнуть? Развѣ разумъ твой не распространился, понятія твои не сдѣлались яснѣе, сужденія правильнѣе, однимъ словомъ вся душа твоя совершеннѣе?

6. *Тѣнь.* Это правда. Но къ чему послужило мнѣ сіе? Достигъ ли я чрезъ то великихъ чиновъ? Собралъ ли богатства? Снискалъ ли жену?

Сенека. О! естли ты для того только учился; то и весьма изрядно, что

не достигъ своего намѣренія. Ты не сдѣлалъ бы чрезъ пощасливимъ свое Ощечство; ибо естли душевное совершенство почитаешъ за меньшее благо, нежели внѣшнія выгоды, коихъ тебѣ недоставало; по бы въ состояніи былъ споспѣшествовать намѣреніямъ своимъ, содѣяніемъ всякихъ пороковъ. И такъ естли имѣешъ нѣскольکو любви къ своимъ согражданамъ; по благодари боговъ, что они не дали тебѣ никакого чина. — Но о чемъ печалишся ты другъ мой? Чего хочешъ испросить жалостнымъ своимъ крикомъ?

7 *Тѣнь.* Ахъ, только одного дня! одного только дня!

Сенека. На что бы ты употребилъ его? Конечно на пропестованіе векселя? Ты кажешся мнѣ очень похожимъ на ростовщика.

7. *Тѣнь.* И по бы было не худо. Но нѣтъ. Я не могу уже о томъ думать, мнѣ теперь все прошивно. Я пригото-вился бы къ смерти.

Сенека. Не вправду ли ты сего желаешъ? Сколько времени жилъ ты?

7. *Тѣнь.* Невступно восемьдесятъ лѣтъ.

Сенека. И въ толь долгое время не могъ ты пригото-виться къ смерти, вѣдая, что она не избѣжна?

7. *Тѣнь.*

7. *Тѣнь.* Щеты мои не давали мнѣ времени о томъ подумать.

Сенека. И одинъ день употребилъ бы ты на то, столь же мало. Боги были довольно долгоперпѣливы; они дали тебѣ болѣе времени, нежели ты былъ достоинъ. Ты не можешь на нихъ жаловаться.

8. *Тѣнь.* Ахъ бѣдная жена моя! бѣдныя мои дѣти! Ахъ естлибъ только мнѣ удалось васъ воспитать!

Сенека. Это не худо. Но какъ бы ты воспиталъ дѣтей своихъ?

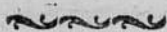
8. *Тѣнь.* Также изрядно, какъ и я самъ воспитанъ.

Сенека. А какъ ты воспитанъ?

8. *Тѣнь.* Совершенно по Французски. Даже до седми лѣтъ носили меня на рукахъ, одѣвали въ теплое платье, кормили наилучшими кушаньями, и никто не смѣлъ показатъ мнѣ угрюмаго вида, или попрошиться моею волѣ. Я —

Сенека. Довольно; прочее могу я себѣ легко предсавить. Не заботься о своихъ дѣтяхъ; они, можетъ быть, воспитаны будутъ лучше, нежели какъ ты то могъ учинить. Ты бы ихъ изнѣжилъ, и сдѣлалъ бы изъ нихъ ни къ чему годныхъ людей. И —

При семъ я проснулся.

V.

Печальныя слѣдствія непостоянства.

Когда Графъ Рихмонтъ совершенно разбилъ Аглинскаго Короля Рихарда Ш. то онъ за сіе на мѣстѣ сраженія провозглашенъ былъ Королемъ, и получилъ имя Гейнриха седьмаго. Онъ вступилъ въ супружество съ Принцессою Елисаветою, дочерью Эдуарда четвертаго; и сіе супружество соединило право двора Ланкастерскаго и Юркскаго. Отъ сей Принцессы имѣлъ онъ различныхъ дѣтей, и между прочими Аршура Принца Валлійскаго, который еще прежде своего отца умеръ; и Генриха, которой получилъ Королевское достоинство подъ именемъ Гейнриха осьмаго. Принцъ Валлійскій сочетался бракомъ съ молодою Екапериною, четвертою дочерью Фердинанда Арагонскаго и Изабеллы Кастильской. Шестъ мѣсяцовъ спустя потомъ, впалъ Принцъ въ болѣзнь и умеръ. И такъ Гейнрихъ охотно желалъ свой союзъ съ Гишпанією возобновить, опасаясь, чтобъ не быть привужденну богатое приданое Екатерины паки возвратить, которое простиралось до двухъ сотъ тысячъ червонныхъ; и для того принудилъ своего втораго сына Гейнриха, которой былъ Принцъ Вал-

Валлійскій , вступишь съ Принцессою въ бракъ. Но молодой Гейнрихъ , имѣя тогда двенадцать лѣтъ отъ роду , оказывалъ многія несклонности , сочешашься со вдовою своего брата , которая тогда была уже осьмнадцати лѣтъ. Король остался въ своемъ намѣреніи , и получилъ на то разрѣшеніе отъ Папы ; почему Принцъ и привужденъ былъ сговорить на Принцессѣ. Самой бракъ совершенъ былъ спустя потомъ девять лѣтъ , какъ Гейнрихъ VIII. получилъ престолъ.

Добродѣшель и нѣжность сей Принцессы къ своему супругу , долго вспомошествовали къ ея выгодѣ , и удерживали во власти своей его сердце. Но какъ она гораздо превосходила его лѣтами ; то должна была ему скоро показаться весьма старою ; любовь его непримѣтно холодѣла , и мѣсто оной заступила несклонность .

Сія несклонность подкрѣпляема была еще больше присудспвіемъ одной молодой красавицы , которая тогда при дворѣ появилась. Торжество молодыхъ людей надъ приближающею старостию всегда удается. Анна Булленъ была придворная дама Королевы. Сіе подавало ей часто случай Короля видѣть , и наслаждаться его обхожденіемъ. Страсть не

вскорѣ получила полную власть надъ Королевскимъ сердцемъ. Но какъ онъ въ скромности и стыдливости сей молодой дамы, нашелъ непреоборимыя препятствія ; то вознамѣрился , для склоненія ея на свою сторону, возвестъ съ собою на тронъ.

Разводъ съ Екатериною былъ положенъ въ самоскорѣйшемъ времени , и былъ представленъ Папѣ Клименту VII. чтобъ онъ на то далъ разрѣшеніе.

Карлъ V. тогдашній въ Германіи Императоръ узнавъ о бѣдѣ , которое нанести хотѣли его теткѣ , угрожалъ Папѣ крайнимъ отмщеніемъ , если онъ хоть мало согласится на сей разводъ. И такъ Папа видя себя въ весьма великой опасности , съ одной стороны , не хотѣлъ принять на себя гнѣвъ Карла , который имѣлъ страшную армію въ Италіи , и его самого почти уже осадилъ , сверхъ сего могъ собрать еще совѣтъ ; для изыскиванія важности своего выбора а съ другой стороны опасался съ Гейнрихомъ ссориться , коего вспыльчивой Характеръ зналъ онъ весьма довольно. Климентъ принялъ приближище свое къ полипикѣ. Онъ ласкапельствуя содержалъ Аглинскаго Короля въ обѣщаніяхъ , къ неисполненіямъ коихъ всегда изыскивалъ новыя средства. Но Гейнрихъ изъ

изъ неперпѣливости удовольствовавъ свое желаніе, и изъ негодованія на поступокъ Папы, который дружествомъ его жертвовалъ страху нанесенному отъ Карла, сочелся безъ дальнихъ обстоятельствъ съ Анною Булленъ. Она вскорѣ послѣ того очреватѣла, и разрѣшилась Принцесою, которая получивъ имя Елисаветы, въ послѣдующія времена управляла въ Англіи, и имя свое предала безсмертію.

Римскою дворъ принялъ сіе не очень пріятно, и Кардиналы Императорской стороны всевозможное прилагали стараніе, внушить Папѣ свои мнѣнія, и сдѣлать прошивъ Гейнриха явныя проклятія. Но Климентъ былъ не пристрастенъ, какъ тѣ; а былъ доволенъ тѣмъ, чтобъ сіе супружество Короля Аглинскаго объявить за недостойное, и угрожать ему оплученіемъ отъ церкви, естли онъ не приведетъ паки всего въ прежнее состояніе. Францискъ I. Король Французской всѣ способы изыскивалъ, между Папою и Королемъ Аглинскимъ возстановить миръ. Однакожъ Папа примѣтя, что, когдабъ онъ уничтожилъ Буллу, въ силу которой его предшественникъ позволилъ быть союзу Екатерины Аррагонской съ Гейнрихомъ Аглинскимъ; то чрезъ сіе могъ бы онъ дать

дать поводъ Лютеранамъ, принять про-
тивъ него оружіе; для сего старался
оспаиваться всегда въ нерѣшимости. Но
Гейнрихова неперпѣливістьъ чрезъ то
всегда больше была возбуждаема. Давно
ужè онъ принималъ намѣреніе съ Рим-
скимъ дворомъ совсѣмъ разсориться.
Онъ и большую часть своего почтенія
поперялъ, которое ему прежде сего
привосили для святаго трона его. Ко-
роль Французскій хотя примѣтилъ,
что Гейнрихъ, не взирая на то, что онъ
казался поступать дозволеннымъ обра-
зомъ, чувствовалъ однакожъ угрызеніе
совѣсти, и сверхъ сего объ слѣдствіи
такой новости весьма беспокоился; од-
нако съ другой стороны усмапривалъ
онъ столь же проницательно выгоды
Папы, въ сохраненіи союза между Аглин-
скою церковью и римскою; и чрезъ сіи
съ обѣихъ сторонъ выгоды ласкалъ онъ
себя, видѣть успѣхъ своихъ трудовъ
весьма удобно произведеннымъ.

Вопервыхъ старался онъ Папу до
того привести, чтобъ онъ обѣщался,
если Гейнрихъ свое дѣло подвергнетъ
святѣйшему престолу, избрать Коми-
саровъ, которые бы собравшись въ Кам-
браѣ вступили въ тяжбу, и о разводѣ
рѣшили такое мнѣніе, какое было же-
ла-

лапельно. Гейнрихъ напрошивъ того обѣщался съ своей стороны дѣло передать на разсмотрѣніе всего духовнаго Римскаго правленія, естли только Кардиналы Императорской стороны изъ того будутъ выключены. Парижскій Епископъ дю Белле отправился съ симъ словеснымъ обѣщаніемъ въ Римъ, и Папа со-благоволитъ все то здѣлать, чего Король Аглинскій желалъ, естли онъ только подпишетъ договоръ, содержащій всѣ сіи швердыя условія. Назначенъ былъ день для возвращенія курьера, и казалось, что уже все было здѣлано. Но курьеръ днемъ пріѣхалъ позже съ письменнымъ Королевскимъ обѣщаніемъ. Сколь часто великія приключенія имѣютъ основаніемъ самыя ничего не значащія причины! Въ самое сіе малое время учрежденнаго курьерова прибытія, слухъ пронесся въ Римъ, что въ Англии явно выпустили письмо прошивъ Римскаго двора, и что предъ Королемъ Папу и Кардиналовъ привели въ посмѣяніе. Сей слухъ во всѣхъ возбудилъ крайній гнѣвъ и негодованіе. Всѣ собрались; слышанъ былъ больше голосъ горячности, нежели благоразумія; рѣшили мнѣніе, по которому Гейнриховъ союзъ съ Екатериною Аррагонскою объявили не раздѣльнымъ, а Короля Аглинскаго обѣщали оплучить отъ церкви, въ

слу-

случаѣ, естли онѣ опречется подвергнушь себя сему мнѣнію. Лишь только сіе было обнародовано, какѣ прибѣжалѣ курьерѣ съ подписаннымѣ отѣ Короля Аглинскаго договоромѣ. Папа раскаивался въ своей шоропливости; однако это было поздно, и сего онѣ возвратишь былѣ не въ состояніи.

Гейнрихѣ приказалѣ собраться парламенту, и учредилѣ законы прошивѣ достоинства Римскаго двора. Всѣ выгоды со стороны Римскаго двора, какѣ то Буллы, разрѣшенія и пр. были опставлены и уничиженны. Король одинѣ удержалѣ себѣ право управлять Аббатствомѣ и оное слѣдовать. Наказанія прошивѣ еретиковѣ были облегчены; ибо не почисалось ужѣ за еретицество, говоришь прошивѣ Папскаго достоинства. Епископы долженствововали бытъ уполномочены отѣ Короля безѣ всякой Буллы, и соизволенія Римскаго двора.

Гейнриховѣ союзѣ съ Екапериною объявленѣ былѣ маловажнымѣ, прошивнымѣ закону, и ко всѣмѣ гражданскимѣ дѣламѣ не способнымѣ, а новой бракѣ съ Анною былѣ подтвержденѣ. Парламентѣ избралѣ его главою Аглинской церккви, платили ему всѣ пошлины, кои прежде сего отдаваемы были Папѣ. Гейнрихѣ увидя неограниченную власть въ своихѣ

рукахъ, все предпринималъ. Онъ отпрѣшилъ монастыри, и отнялъ у нихъ доходы. Велѣлъ перевести Библию на свой языкъ, и другія различныя его дѣйствія означали, что онъ могъ доведенъ быть къ принятію совершенной Реформатской вѣры.

Пріявши сей новой законъ, надѣялись попому наипаче на желанный успѣхъ, что они всѣ защиту имѣли себѣ въ Аннѣ Булленѣ, коея выгоды и склонность того требовали, чтобъ подкрѣпить и удержатъ Реформатской законъ. Однако они увидѣли всю свою надежду уничтоженною въ ту же самую минушу, въ которую надѣялись свое поржество имѣть въ рукахъ. Гейнрихъ VIII. показалъ между сими обстоятельствоми весьма печальной примѣръ бѣднаго непостоянства человѣческаго сердца. Шестъ лѣтъ, въ кои онъ старался о разводѣ съ Екатериною Аррагонскою, Анна была предметомъ всей его нѣжности; ибо препятствія были пищею его страсти. Но нынѣ спокойное владѣніе его любезной было первою причиною хододности и насыщенію — А съ симъ и все погасло. Обыкновенно чѣмъ больше какую особу любящъ, тѣмъ больше любви достойныхъ въ ней находятъ свойства: Но всѣ сіи прославленные свойства из-

чезаютъ равнымъ образомъ съ уменьше-
 ніемъ любви. Теперь вступають по-
 грѣшности на ихъ мѣста, и ежедневно
 умножаются. Веселый нравъ, ласки, прі-
 яшность, разговоръ Анны, представляли
 ее влюбленному Гейнриху всегда любви
 достойнѣйшею; но нынѣ всегда нестер-
 пимою; ибо онъ болѣе уже ее не лю-
 битъ. Веселый нравъ спалъ ему несно-
 снѣе легковѣрности и глупости. Ласко-
 вость, пріязность и разговоръ здѣла-
 лись ему болтовствомъ и такимъ обхо-
 жденіемъ, которое Королевѣ совѣмъ
 непристойно.

Тогдажѣ находились при дворѣ Ан-
 линскомъ нѣкоторые опасные люди, кои
 будучи ко всѣмъ основательнымъ и по-
 лезнымъ упражненіямъ неспособны, на
 всякія подымались хитрости, и соеди-
 няли все, что полько злословіе и клевет-
 а гнуснаго съ собою принесть могутъ,
 дабы низвергнуть тѣхъ, кои имъ равны
 чиномъ Рошефорта и заслугами. Вице Гра-
 Финя вышедши, за мужъ за брата
 Анны Булленъ, старалась объявить Ко-
 ролю великое подозрѣніе на свою золов-
 ку, которую она крайне ненавидѣла;
 при всѣхъ ея клеветахъ, которыя она
 выдумывала, не взирала она ни на истин-
 ну ни на человѣчество. И сіе она до по-
 го, даже продолжала, что наконецъ и на
 сво-

своего мужа нагала, будто бы онъ съ Королевою, ея сестрою, имѣлъ наказанія достойное обхожденіе. Однакожъ гнусная злость сея женщины симъ еще не окончилась. Она увѣряла, что ревность и преданность всѣхъ пѣхъ, кои окружаютъ Королеву, есть не что иное, какъ подзрипельная нѣжность.

И такъ не трудно было возбудить ревность въ челоѣкѣ, который отъ природы имѣлъ къ тому великую склонность. Когдабъ сія ревность происходила отъ любви, то она могла бы его возбудить къ жесточайшимъ предпріятіямъ: но однако удержало бы его раскаяніе отъ столь великаго мщенія; всебъ вышло наружу, и любовь его безъ сомнѣнія гораздобы больше умножилась. Однако сія ревность была гораздо опаснѣе; ибо она воспламеняема и питаема была гордостію. Сердце Гейнриха съ одной стороны было уже связано Юганною Сеймуръ, бывшею при дворѣ новою Королевскою Фрелиною. Она была молода, прекрасна и разумна, и Король смертельно въ нее влюбился.

Сей Принцъ принялъ чрезвычайно удивительной характеръ. Всѣ почти основанія того закона, въ коемъ онъ былъ воспитанъ, соединилъ, для удовольствованія своей спраси. Ибо въ силу

непорочной нѣжности, согласной съ совѣстію его, не хотѣлъ онѣ называться однимъ любовникомъ, не будучи насло- щимъ супругомъ. И такъ чтобъ учи- нить супругою ту, которая недавно всю его страсть всколебала, не внимала пылкость его и непреклонность намѣре- нія, ни чести ниже состраданія. Лю- бовь къ Іоганнѣ Сеймурѣ вѣрнѣе заста- вляла его всѣмъ клеветамъ, на несчаст- ную Анну Булленѣ произносимымъ. Онѣ приказалъ ее вести къ Товеру, и на семъ по пути узнала она только причину ея гоненія. Въ темницѣ призывала она на помощь Божество, коему невинность ея наилучше была извѣстна. Она исповѣда- лась во всей своей жизни, рассказала и нѣкоторыя шутки, кои однакожъ не на- рушали ни спыдливости ея ни скромно- сти. Но Гейнрихъ былъ гораздо опда- ленъ, чтобъ сею невинностію и чисто- сердечіемъ быть пронуту; онѣ все сіе почиталъ болѣе за единое припворство, которое только, по мнѣнію его, позорныя ея дѣла укрыть долженствовало.

Никто изъ тѣхъ, которыхъ съ при- роды благодѣтельная Анна Булленѣ, на- ходясь въ своемъ щастіи, себѣ обязала, не смѣлъ за нее вступиться. Та самая особа, которую за нѣсколько дней предъ симъ просили о покровительствѣ, спа- ла

ла отъ всего свѣта оставлена, какъ только пришла въ немилость и несчастіе. Римскіе Католики, между коими она имѣла различныхъ сродниковъ, радовались ея несчастію, и желали даже ея смерти; ибо чрезъ то надѣялись они конца всей распри, произшедшей между Королемъ и дворомъ Римскимъ.

Сія несчастная Принцесса зная непримиримое сердце своего супруга, почитала гибель свою за неизбѣжную. Однако написала она еще въ послѣдній разъ изъ темницы, стараясь доказать свою невинность. Она предлагала, что такая вина ей совсѣмъ неизвѣстна, въ какой она должна теперь оправдаться; что она, какъ несчастная его супруга, не можетъ никогда признаться пресупленія того виновною, объ коемъ ей никогда и на умъ не приходило., На провъ,
„на которой вы меня возвели, писала
„она, никогда я столько сама себя не по-
„забывала, чтобъ не предвидѣла коли-
„кой напасти, какую я теперь невинная
„жестко терплю. Я предвидѣла, что
„все мое благополучіе основывалось
„только на легкомысленности любви;
„что другой какой нибудь предметъ
„ея силу воображенія запомнимъ, и ваше
„сердце у меня похитить можетъ. Вы

„ возвели меня изъ нискаго состоянія,
 „ дабы почитали меня Королевою и Ва-
 „ шею супругою, что для меня весьма
 „ драгоцѣнно. Но все сіе гораздо пре-
 „ восходитъ мои заслуги и мои желанія.
 „ Когда же вы меня сею честію удосто-
 „ или почтеть, то не можетъ каждое
 „ малое подозрѣніе, или злой навѣтъ
 „ моихъ непріятелей, похитить у меня
 „ вашу милость. Не могла ни когда са-
 „ мая малѣйшая погрѣшность открытъ-
 „ ся, ниже самый малѣйшій достойный
 „ наказанія упрекъ мною произнесенъ
 „ былъ, которой бы когда ни есть за-
 „ спавилъ догадываться, что я въ роло-
 „ мнѣйшее въ разсужденіи Вашего Вели-
 „ чества сердце въ груди у себя имѣла;
 „ и не могла никогда таковая погрѣш-
 „ ность вашей на вѣки вѣрной супруги и
 „ молодой Принцессы, дочери вашей, по-
 „ мрачить славу.

„ Пусть меня судятъ, милостивый
 „ государь, я на сіе согласна, однакожъ
 „ предъ законнымъ Трибуналомъ, гдѣбъ
 „ никто изъ моихъ непріятелей не
 „ былъ моимъ обвинителемъ либо судь-
 „ ею. Пусть меня спрашиваютъ явно,
 „ и по всѣмъ правамъ правосудія;
 „ и я никогда не постыжусь въ правдѣ
 „ моихъ опвѣщавъ. Тогда моя невин-
 „ ность явится во всемъ своемъ сіяніи,
 „ тогда

„ тогда безпокойствіе ваше укропится,
 „ клевета и злость умолкнутъ, или пре-
 „ ступленіе мое будетъ уже всему свѣ-
 „ ту извѣстно. Ваше Величество, какимъ
 „ бы образомъ вы о моей судьбинѣ ни
 „ судили, не подвергнете однакожъ се-
 „ бя нареканію. Когда я буду виновата,
 „ то имѣете вы полную власть отъ Бо-
 „ га и отъ людей, вѣроломную женщину
 „ наказать, и всю вашу склонность вру-
 „ чить той особѣ, которая заняла мое
 „ мѣсто въ сердцѣ вашемъ, и которая
 „ единственною есть причиною тепериш-
 „ ней моей судьбины.

„ Если вы уже напередъ рѣшили
 „ мою судьбу, и если должна не
 „ только моя смерть, но и мерзкая
 „ клевета утвердитъ вамъ владѣніе то-
 „ го предмета, въ которомъ вы все ва-
 „ ше щастіе полагаете; то я молю Бо-
 „ га, да проститъ вамъ столь тяжкіе
 „ грѣхи, такъ какъ и тѣмъ, кои столь
 „ несправедливо въ томъ имѣютъ уча-
 „ стіе. Не потребуютъ ли нѣкогда въ
 „ день суда весьма строгаго отъ васъ
 „ отчета, въ вашей ко мнѣ жестокости?
 „ Мы оба нѣкогда будемъ стоять предъ
 „ престоломъ правосудія, гдѣ невин-
 „ ность моя покажется въ полномъ сво-
 „ емъ сіяніи.

„Пусть буду я здѣсь по крайней
 „мѣрѣ только одна чувствовать всю
 „силу вашего гнѣва, которой не будетъ
 „проспираться на тѣхъ невинныхъ и не-
 „щасныхъ, кои, какъ я слышу, подъ
 „видомъ участіе пріавшихъ въ винѣ
 „моей, сидятъ въ темницѣ.

„Одно и послѣднее мое прошеніе,
 „которымъ я Васъ упрощаю дерзаю,
 „состоитъ въ томъ, чтобъ по крайней
 „мѣрѣ не подлежали наказанію не за-
 „служившіе онаго; естли я вашимъ гла-
 „замъ была пріятна, и естли имя Анны
 „Булленъ услаждало нѣкогда вашъ слухъ,
 „по окажите мнѣ только сію милость.
 „Не будутъ никогда больше упрощаю
 „васъ мои воздыханія ниже желанія,
 „кои я къ небу прозираю, да приметъ
 „оно васъ въ свой покровъ, и да упра-
 „вляеть всѣми вашими дѣлами. Въ То-
 „верѣ, въ плачевномъ моемъ започеніи,
 „мая 6 дня 1546 года. „

В а ш а

Истинная и вѣрная супруга

Анна Булленъ.

Сіе письмо возбудило бы во всякомъ,
 кромѣ Гейнриха справедливое состраданіе.
 Но сей, позабывъ челоѳчество, взиралъ
 на оное не иначе, какъ на непрощитель-
 ную

ную и огорчающую его, дерзость. Онъ вознамѣрился непременно совершеніе новаго своего брака облегчить и ускорить смертію Анны Булленъ. Всѣ, кои клеветою за участниковъ въ ея винѣ были обнесены, безъ всякихъ дальнихъ изысканій и доказательствъ были осуждены на смерть и наказаны. Норрисъ первый Королевскій Камергеръ находившійся въ весьма великой у него милости, также въ числѣ осужденныхъ былъ взятъ; и для того Король спарался подать ему средство къ избавленію его отъ смерти; а сіе состояло въ томъ, чтобъ онъ признался въ своемъ преступленіи, и донесъ бы на Королеву. Но Норрисъ оказалъ гораздо больше челоуѣчества и великодушія, нежели Король малодушія и жестокости: онъ отвѣчалъ на сіе гнусное предложеніе, что онъ охотнѣе тысячу разъ смерть претерпѣть желаетъ, нежели согласиться хотя на малѣйшую клевету, противъ поведенія добродѣтельной особы; и въ семъ мнѣніи пребылъ онъ непреклоненъ до послѣдней минуты своей жизни.

Анна съ своимъ братомъ осуждены были отъ вышняго суда на смерть. Подозрѣніе заступило мѣсто преступленія, и клевета служила въ доказательство. Приговоръ рѣшился съ тѣмъ, чтобъ Коро-

леву съ братомъ ея или сожечь, или отрубить имъ головы, какъ сіе Король заблагоразсудитъ. И такъ когда Анна которая для своего оправданія явилась предъ симъ ненавистнымъ Трибуналомъ, сей страшный приговоръ услышала прочтеннымъ, поднявши на небо руки произнесла сіи слова: Отче челоуѣковъ, и „Творецъ моего существа! Ты еси „истинна и жизнь, тебѣ извѣстно, что „сей смерти я не заслуживаю! „ Потомъ обратившись къ судьямъ, дала имъ знать самымъ чувствительнѣйшимъ и твердымъ духомъ о своей невинности.

Свирѣпство Гейнриха при столь несправедливой смерти, не было еще насыщено. Онъ хотѣлъ употребить новыя средства къ прерванію супружества съ Анною Булленъ, и дабы приговоръ учинить надъ нею по всей строгости, принудилъ ее угрозами признаться предъ судомъ, что браку ея съ Королемъ законная причина была помѣшательствомъ. По сему признанію найдено за нужное, супружество оное объявить шещенымъ; однако образъ, по которому рѣшили сіе мнѣніе, означалъ вмѣстѣ и внутреннюю болѣзнь, которую при томъ чувствовали.

И такъ Анна видя гибель свою предъ глазами, думала только о томъ, какъ

какъ приготовляться къ смерти. Она просила не одного, объявить Королю благодарность, что онъ ее каждой день возводитъ на нѣсколько степеней къ возвышенію, „ Изъ ниской Приватной особы, вѣлѣла она сказать, сдѣлали Вы меня Графинею, а потомъ и Королевою; нынѣ же, когда уже больше на семъ свѣтѣ возвыситъ меня не можетъ, ходатайствуете вы мнѣ чинъ блаженныхъ въ будущемъ. „ Она многократно представляла свою невинность, и препоручила дочь свою будущей ея судьбинѣ.

Сія Принцесса взирала на приближеніе своей смерти съ такимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, къ каковому въ столь страшную минуточку по истиннѣ только великаго духа люди способны. Она предавшись тѣмъ радостнымъ мыслямъ, къ коимъ она уже пріобыкла, сказала Капитану спражи: „ Я слышала, что палачъ очень искусенъ, шея же моя очень тонка, „ сказала она, охвативъ ее обѣими руками, и для того не „ будетъ стоить ему труда ее срубить. „ Несчастная минуточка приблизилась! Ей сказали, что время уже иппи намѣсто казни. Она на сіе отвѣтствовала: пойдѣмъ, я ужѣ готова умереть! Можетъ быть подумаютъ, что сія несчастная

стная Принцесса, между временемъ заключенія ея въ темницѣ и казни, была добычею всѣхъ ужасныхъ воображеній и чувствованій, коимъ приближеніе смертной казни подвергаетъ малодушныхъ. Нѣтъ, она позабыла собственное свое несчастіе, предалась матерней нѣжности, и посвятила малыя минуты своей жизни дочери своей, которая еще въ колыбели была. Она вознамѣрилась не говорить болѣе о своей невинности. На мѣстѣ казни молила она Бога обѣ Королѣ, показывала всякое спокойствіе и веселость, и просперла сама шею палачу. Такой по былъ конецъ Госпожи, причинившей красотою своею нѣ великія перемѣны, которыя извѣстны были въ цѣлой Европѣ!

Гейнрихъ VIII. служитъ доказательствомъ, сколь ненавистнымъ долженъ быть потѣ человекъ, который не имѣетъ ни какого другаго путеводаителя, кромѣ страстей своихъ. Ко всякому состраданію и раскаянію будучи неспособенъ, былъ онъ чудовище въ видѣ человека, и вся его жизнь есть какъ бы цѣпь или записная книга, гнусностію преисполненныхъ его дѣйствій.

Перепелъ съ нѣмецкаго языка студентъ Дмитрій Серевряжковъ.

VI.

Изъ нравственныхъ сочиненій, Англинскихъ и Нѣмецкихъ Нравоучителей.

Естьли бы слѣдующее сочиненіе, которымъ я обязанъ весьма ученой женскаго полу особѣ, не сообщено было мною моимъ читателямъ; по они чрезъ то лишены бѣ были одного изъ пріятнѣйшихъ листковъ. Добродѣтель представлена въ немъ въ истинномъ ея величествѣ, и любовь сына къ своему отцу въ столь благородномъ видѣ, что сей листокъ возбуждаетъ во мнѣ смѣлость, надѣяться превосходнѣйшаго дѣйствія. Живымъ представлениемъ производится гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели правилами. Изустное напоминеніе нашихъ пороковъ и добродѣтелей весьма скоро намъ прискучиваетъ; ибо голое ихъ пересказываніе, не рѣдко сухимъ показывается: а напротивъ того когда мы видимъ примѣры, и разсматриваніемъ оныхъ охотно занимаемся; получаемъ не малое изъ того удовольствіе. Сіе, и сему подобныя удовольствія безъ сомнѣнія сопровождаемы бывають пользою, когда они руководствуютъ къ добродѣтели. И вотъ сочиненіе почитаемой мною:

Въ Барселлонѣ жилъ нѣкоторый богатый купецъ Феральдо. Онъ былъ хотя весьма нискаго рода, только щастіемъ своимъ надмѣру гордился, какъ по обыкновенно бываетъ съ тѣми, которыхъ ниское состояніе премѣняется въ высокое. Чѣмъ чаще приводилъ онъ себя на память прежнее бѣдное состояніе свое, и по что надъ нимъ тогда смѣялись, тѣмъ болѣе намѣревался отмстить за то и другое. Для сего имѣлъ онъ ко всѣмъ бѣднымъ непримиримую ненависть, и не пропускалъ ни одного случая, гдѣбъ можно было ему съ ними поступить съ величайшею жестокостію. Онъ любилъ нѣкоторыя добродѣтели, однакожъ такъ, что ихъ любовь уступала любви богатства. Онъ всѣми мѣрами убѣгалъ людей, и какъ видъ его доказывалъ не что иное, какъ гордость и презрѣніе, то казалось, что онъ всѣхъ людей ненавидитъ. О великодушіи онъ весьма много думалъ, но почиталъ, что его оказывать никогда не должно; ибо по его мнѣнію, не было такова человека, который бы былъ достоинъ великодушнаго его поступка. Онъ не вѣрилъ, чтобъ въ людяхъ была дѣйствительная добродѣтель, и говорилъ, что они ничего инаго не имѣютъ, какъ только скрытой и прикрашенной пороки, а всѣ ихъ

ихъ добродѣтели служатъ имъ только къ легчайшему насъ обману. Человѣкъ такого характера не могъ у себя имѣть друзей, да и не желалъ оныхъ, а паче еще утверждалъ, что никогда не было истиннаго друга. Всѣ люди, говорилъ онъ, другъ друга ненавидятъ, и стараются себѣ вредить. Дружество есть ничто иное, какъ покой вражды, которой они при первомъ случаѣ и при малѣйшей досадѣ опять прерываютъ. Лучше ихъ всѣхъ врагами щипать, нежели дѣлать безразсудный выборъ, и предавать себя ежедневному ихъ не постоянству, и возобновляемой ненависти.

Съ столь развратными понятіями жилъ Феральдо запершись въ своемъ домѣ, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ, и ни о чемъ иномъ не думалъ, кромѣ своего торгу, при которомъ онъ наблюдалъ строгія законы правоты. Испорченныя его представленія, лютая гордость, и жестокость къ купцамъ, имѣющимъ съ нимъ дѣло, дѣлали его вреднымъ всѣмъ людямъ.

Сей порочной Феральдо имѣлъ одну только дочь, Леонору, которая порокамъ не милосердаго отца своего совсемъ не слѣдовала. Красота ея, дружелюбіе и добродѣтели, заставляли ее любить, и всѣ поведенія ея были таковы, что

что она можетъ быть одна была изъ женщинъ, въ которой отецъ находилъ нѣсколько добродѣтели.

Подлѣ ея жилъ другой купецъ Антонію, коего сынъ Гонзалъ тайно любилъ сію красавицу. Его отецъ былъ гораздо бѣднѣе Феральда, и для того не надѣялся онъ получить великаго счастья за свою нѣжность; особливо жъ когда Феральдо, чтобъ соединить съ кѣмъ бракомъ дочь свою, желалъ отъ того больше нежели любви, добродѣтели и согласія. Но при всемъ томъ Гонзалъ нашелъ случай къ открытію любовной страсти прекрасной Леонорѣ. Любовь соединила вскорѣ сію добродѣтельную чету, и Гонзалъ предложилъ отцу свое намѣреніе съ величайшею скромностію.

Антонію, изъ горячей любви къ своему сыну, обѣщалъ ему помогать, только напоминалъ ему, чтобъ онъ въ предпріятіи своемъ былъ остороженъ. Онъ зналъ довольно, сколь мало Феральдо, кромѣ богатства, инымъ чѣмъ склонимъ быть можетъ; и съ тѣхъ поръ принялъ намѣреніе, употребляя всякія средства къ прославленію себя важными какими либо предпріятіями.

Цѣлый годъ ему все то удавалось, что онъ ни предпринималъ. Корабли его при-

приходили съ богатыми товарами, и Антонио принимаемъ былъ отъ всего купечества съ особливою опличностію. Онъ вступалъ въ союзъ съ тѣми, которые торгомъ своимъ болѣе славились. А наконецъ и съ Феральдомъ согласился въ нѣкоторомъ особливомъ намѣреніи. Феральдо смотрѣлъ уже на Антонію совсѣмъ другимъ образомъ. За щастіе его и пріобрѣтенное богатство, почиталъ онъ его достойнымъ своего обхожденія. Антонию, коего онъ прежде едва зналъ, сдѣлался припомъ великимъ и разумнымъ человекомъ; ибо онъ сталъ богаче прежняго. Однакожъ не сіе побудило Феральда къ оказанію благосклонности своему сосѣду. Онъ желалъ взять участіе въ щастіи сего человека, и обогатиться съ нимъ вмѣстѣ его предпріятіями, которое намѣреніе представилось Антонию совсѣмъ въ другомъ видѣ.

Гонзалъ при такихъ обстоятельствахъ имѣлъ часто случай говорить съ Феральдомъ. Онъ видалъ любезную свою Леонору у ея отца, и Феральдо былъ столько хитръ, что вскорѣ могъ примѣтить взаимную ихъ склонность. Намѣреніе ему понравилось; ибо по всѣмъ своимъ признакамъ могъ заключить онъ, что со временемъ Антонио еще богаче будетъ, въ чемъ и самъ могъ

могъ увѣренъ быть. Онъ открылся въ намѣреніи своемъ дочери своей, которая приняла сіе съ кроткою молчаливостію и тайнымъ удовольствіемъ.

До сихъ поръ Антонію все удавалось по его желанію; но вдругъ всѣ его предпріятія рушились. Морскіе разбойники первые уничтожили его промыслы. Они опіяли у него три богато нагруженные корабли, и въ то же самое время въ Саррагосѣ и Мадридѣ, разорили до основанія два дома, что ему нанесло весьма великой убытокъ. Словомъ, Антонію приведенъ въ совершенную погибель, и долженъ былъ положитьсь на своихъ заимодавцовъ.

Никто не могъ его обвинять въ томъ, чтобъ онъ распоченіемъ навлекъ на себя сію погибель. Честное поведеніе его навсегда незагладимо оспалось. Онъ никого не обижалъ въ своемъ щастіи, и слѣдовательно не имѣлъ непріятелей. Всѣ его любили, и щитали добродѣтели его справедливыми.

Сей безщастный купецъ и среди нещастія своего сохранилъ свою честность. Онъ призвалъ къ себѣ своихъ заимодавцовъ, показалъ имъ свои книги и состояніе всего своего торгу. Сіи возымѣвъ ко всегдашнему своему любимцу сожалѣніе, согласились съ нимъ, и дали ему

знап-

внатную сумму денегъ, которая подавала бы ему случай продолжать торгъ свой. Нашлись также и друзья общавшіе ему денегъ еще больше, и Антонио скоро можетъ быть преодолѣлъ бы свое несчастіе, если бы ему не должно еще было раздѣлаться съ Феральдомъ. Сей жестокой человѣкъ не слушалъ ни мало его прозвы. Долгъ скрылъ Антоніево несчастіе передъ нимъ; онъ хотя въ немъ видѣлъ несчастнаго, но зналъ, что онъ ему долженъ, и слѣдовательно хотѣлъ съ нимъ поступить по всѣмъ законамъ строгости. Тщешно было покорное къ нему убѣжище Антоніево, происшедшее отъ несчастія. Онъ представлялъ ему несчастіе свое чувствительнѣйшимъ образомъ. Потеря, говорилъ онъ, претерпѣнная мною, не происходитъ ни отъ моей неосторожности, ни отъ расточенія. Это такой случай, которому всѣми человѣческими силами пропывоборствовать не можно, и коюрой весьма часто случается въ торговлѣ. Сжалось надо мною, Феральдо, и опложите требованія свои на нѣскольکو времени; я навѣрно ихъ исполню. У меня еще есть друзья, которые подадутъ мнѣ руку помощи, приведутъ меня въ состояніе опять торговать; все мое счастье въ вашихъ рукахъ, докажетежь, что

вы не меньше великодушны предъ прочими моими заимодавцами. Умилосердитесь надо мною и моимъ сыномъ; намъ нужна только ваша помощь. Мы постараемся все по исполнить, чего вы отъ насъ ни потребуете.

Но что можете произвестъ милостивое предспавленіе въ томъ, кто столько мало челоуѣколюбивъ, какъ Феральдо? Онъ ошвѣчалъ ему съ необычайнымъ хладнокровіемъ: я вѣрю, что не вы виновникъ гибели своей, но какая мнѣ въ томъ нужда? У васъ есть друзья, употребите ихъ въ свою пользу и заплатите мнѣ. Болѣе мнѣ нѣчего вамъ говорить.

Хотя Антоніо весьма довольно зналъ характеръ Феральдовъ, однако никогда того не ожидалъ, чтобъ жестокость его столь далеко простиралась. Правда, онъ бы могъ ему заплатить деньгами, обѣщанными ему отъ друзей; но какъ онъ ихъ получилъ собственно только для воспавленія торгу, то почелъ себѣ за долгъ, употребить оныя въ свою пользу, или опять ихъ имъ возвратить. И такъ хотя старался склонить своего заимодавца, но тщетно было его усиліе. Онъ отпустилъ его безуспѣшна, и вскорѣ попомъ происками своими сдѣлалъ, что его посадили въ шюрьму. Во
всемъ

всемъ городъ былъ мерзокъ сей поступокъ; одинъ только Феральдо радовался, что имѣлъ во власти должника. Онъ вторично обвинялъ его, и силился всевозможнымъ образомъ его пришибнуть.

Гонзалъ по започеніи отца своего впалъ въ крайнее изумленіе. Онъ потчасъ прибѣгнулъ къ Феральду, и бросился съ величайшимъ прискорбіемъ къ ногамъ его, и всячески старался его пронуть. Но Феральдо не былъ приведенъ въ чувствительность. Онъ разсуждалъ о состояніи сего молодого человѣка съ чрезвычайнымъ равнодушіемъ, и хотѣлъ было его немедленно оставить, какъ Гонзалъ обнялъ его колѣни, и началъ слезно говорить: Когда вы не могли быть пронуты ни злополучіемъ, ни прозвобою, ни обѣщаніями отца моего, то выслушайте одно только предложеніе. Вы знаете, Феральдо, сколь нѣжно отецъ мой меня любитъ, и сколь бы онъ ревностно сталъ стараться меня освободить изъ темницы, естли бы я вмѣсто его въ оной заключенъ былъ: окажите ко мнѣ милость свою, и посадите меня вмѣсто его. Я буду заложникомъ въ его долгъ, и онъ ни одного способнаго случая къ освобожденію меня не пропуститъ. Я молодъ, и въ торговлѣ еще

неискусенъ. Все мое стараніе не приве-
 детъ опять наши дѣла въ порядокъ;
 онъ есть одинъ, который можетъ спо-
 спѣшествовать моему щастію. Я отъ
 васъ ничего такого не желаю, чтобъ мо-
 гла сдѣлать опаснымъ ваше пребываніе.
 Я хочу быть плѣнникомъ вашимъ, и
 если вы не будете удовольствованы,
 то я онымъ вѣчно останусь. Не лишайте
 меня, Милостивой Государь, случая ока-
 зать должной любви родителю своему.
 Онъ слабъ, и если въ такой великой
 поскѣ скончаетъ жизнь свою, то я буду
 себя вѣчно пѣмъ укорять. Видя горкія
 слезы мои, позвольте мнѣ искупить
 родителя своего, любящаго меня поль-
 нѣжно, который можетъ быть не былъ
 бы столько несчастливъ, если бы не
 крайне старался объ учиненіи меня
 щастливымъ. Я съ охотою ожидаю,
 чтобъ вы позволили мнѣ итти въ тем-
 ницу, и сіе ваше позволеніе почту за осо-
 бенную, обязующую меня вамъ, милость.
 Внемлите моленію оставленнаго сына,
 могущаго несчастному отцу своему по-
 собить не инымъ чѣмъ, какъ любовію
 своею. Позвольте мнѣ быть примѣромъ
 всего города въ томъ, коль много дѣ-
 ти обязаны родителямъ своимъ. Раз-
 сѣянная въ немъ повсюду слава, бу-
 детъ приписываться ни кому иному,
 какъ

какъ только вамъ, Милостивой Государь; и всѣ наши сограждане воздадутъ вамъ за то должную благодарность. Феральдо никогда не ожидалъ сего предложенія. Жестокость сердца его начала умягчаться, и напоминала ему о чело-вѣчествѣ. Онъ почувствовалъ нѣкоторыя такія движенія, копорья ему до сего времени совсѣмъ неизвѣстны были. Текущія слезы сего благороднаго сына, смиренной его видъ, на лицѣ его начертанная печаль, и неожиданное совсѣмъ предложеніе привели его въ ужасъ, а вскорѣ потомъ и въ изумленіе. Столько добродѣтели не воображалъ онъ бытъ ни въ какомъ челоуѣкѣ; но она имѣла всѣ свои дѣйствія. Феральдо, полагавшій до сего времени преимущество свое въ жесточайшей строгости, облобызалъ Гонзала, и повелѣлъ ему встать. Присупите ко мнѣ, сказалъ онъ, добродѣтель ваша меня пронула, и я ее пошчасъ награжу. Вашъ отецъ сего же дня освобожденъ будетъ безъ ссылки васъ на его мѣсто. Знайте, что я добродѣтель высоко почитаю. Вы меня побѣдили. Хотя кромѣ вашего отца вы ничего инаго не требовали, но сего не довольно. Мнѣ не безъизвѣстна ваша любовь къ моей дочери. Не безъизвѣстно также и то, что и она къ вамъ склонна. Почему намѣре-

ніе мое есть васъ обоихъ соединить, и избрать своимъ зятемъ васъ, имѣющаго полико благородный духъ. Леонора ваша; и я дѣлаю васъ сей же часъ владѣтелемъ всего моего имѣнія. Се дѣйствія производимыя истинною добродѣтелію! справедливо, что власти ея и самый жестокосердый духъ противиться не можетъ.

Гонзалъ отъ радости не зналъ что и дѣлать. Онъ не только увидѣлъ освобожденна отца своего, но и досталъ любовницу свою Леонору. Онъ ничего болѣе не могъ дѣлать, какъ только опять повергнувшись къ стопамъ своего благодѣтеля. Ручьями текущія изъ глазъ его слезы мѣшали ему говорить, но взгляды его открывали Феральду все дѣйствіе его души. Онъ впорично просилъ его вспасть, лобызалъ его нѣжнѣйшимъ образомъ, и въ ту же минуту пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ темницу.

Антонію тотчасъ возвращена была свобода, и радость его не меньше умножилась, когда онъ узналъ отъ Феральда, кому онъ обязанъ своею вольностію. Дружескія увѣренія были снова повторены и Антонію долгое время держалъ въ объятіяхъ сына своего, благодаря его чувствительнѣйшими выраженіями за дарованіе вольности.

Бракъ

Бракъ совершенъ въ непродолжительномъ времени, весь городъ бралъ участіе въ сей радости. Всѣ жестокіе поступки Феральдовы преданы были забвенію, и говорили о немъ всюду съ почетомъ. Гонзалъ получилъ награжденіе за свою добродѣтель, и отецъ смотрѣлъ на сына не иначе, какъ на своего избавителя. Оба, Феральдо и Гонзалъ, суть такіе примѣры, подражаніе которыхъ можетъ приносить истинную честь.

(Перепелъ съ нѣмецкаго языка ученикъ Василій Еропкинъ.)

VII.

Краткія поѣсти.

I.

Аршукъ де Коссе Графъ Сегондинскій весьма знашнаго чина человекъ, былъ взятъ подъ караулъ по нѣкоторому подозрѣнію, по повелѣнію Екашерины Медицисъ въ 1574, и въ Ввинценесѣ отвезенъ, гдѣ онъ пробылъ блиско года. Генрихъ III. при его освобожденіи далъ явныя письма, подтверждающія его невинность, но онъ ему на то отвѣтствовалъ: позволте, Ваше Величество, чтобы я оныхъ Коссе не осмѣли-

вается думать, чтобы его ктонибудь почиталъ за виноватаго.

2.

Генрихъ III. намбренъ былъ весьма заслуженнаго дворянина, при первомъ производствѣ въ Кавалеры въ 1578, сдѣлашь Кавалеромъ Святаго Духа, чего ради и желалъ онъ отъ него, чтобы онъ описалъ свои учиненныя военныя заслуги: дворянинъ сдѣлалъ. Я нахожу, сказалъ Принцъ ему, здѣсь только осажденія и сраженія, на которыхъ вы присутствовали подѣ правленіями моего опца и дѣда. — Ваше Величество, отвѣпствовалъ оной, мы сражались тогда противъ Испанцовъ и Агличанъ, попомъ противъ кого мы еще сражались? какія были сраженія, и кто такіе наши непріятели были, при городѣ Денисѣ, Дреиксѣ, Іарнакѣ и Мыконшурѣ? тамъ видѣлъ я 80000. Французовъ на двухъ партіяхъ подѣ предводительствомъ искуснѣйшихъ, и проворнѣйшихъ полководцовъ изъ Европы, другъ противъ друга идущихъ и дивящихся! можно ужѣ смерть своихъ родспвенниковъ, друзей и земляковъ внести въ число учиненныхъ заслугъ? Принцъ удивился се-
му

му отвѣшу, пожаловалъ его Кавалеромъ, и всегда почиталъ его особенно.

3.

Людвигъ Фонъ Астасъ Капитанъ полку Ивергейскаго стоялъ въ послѣднюю войну въ Октябрѣ съ своимъ полкомъ у города КластеФелденъ; вышедши онъ въ ночное время мѣсто для лагеревъ осмотрѣть, былъ поиманъ Агличанами въ засадѣ бывшими, дабы Французскую армию разорить. Ихъ гранадеры окружили его, и грозили убить его на семъ же мѣстѣ, ежели хопя малой крикъ произведетъ. Кавалеръ Астасъ не могъ удержаться, хопя и зналъ точно, что свою жизнь потеряетъ въ ту же минуту, однако же приносилъ оную на жертву великодушно для спасенія своего войска; онъ закричалъ сколько силъ было, *сюда солдаты, здѣсь непріатели* и въ самую ту же минуту былъ заколотъ пиками. Но полкъ Ивергейской прибѣжалъ, сдѣлалъ нападеніе, отогналъ ихъ, и произвелъ мнѣ щастливымъ образомъ въ дѣйство.

Извѣстно, что въ Англии всякаго обвиненнаго судятъ двенадцать человѣкъ по его состоянiю, которыхъ рѣшенiе должно быть согласно. И оныхъ, дабы судъ долго не продолжился, держатъ до тѣхъ поръ въ заперти, пока они всѣ на одно согласятся. Два благородные человѣка, жившие на нѣскольکو миль отъ Лондона, имѣли ссору въ присудствiи свидѣтелей: одинъ грозилъ другому, и присовокупилъ къ тому, что онъ будетъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ прежде прошествiя сутокъ. Около вечера нашли сего дворянина застрѣленнымъ; подозрѣнiе пало натурально на грозившаго. Взяли его подъ караулъ, произведенъ былъ надъ нимъ судъ, нашли еще болѣе доказательствъ, и 11 изъ судей осудили его на смерть, но двенадцатой въ томъ упорно стоялъ, и не хотѣлъ согласиться, понеже онъ его за невиноватаго щиталъ. Его товарищи требовали на то доказательствъ, по какой причинѣ онъ такъ думалъ; однако онъ не соглашался, и твердо стоялъ въ своемъ мнѣнiи. Уже было въ полночь, а голодъ тѣмъ болѣе угнѣталъ судей; одинъ наконецъ вспалъ и просилъ, что лучше будетъ одного виноватаго освободить, неже-

ли

ли и пропасть отъ голода; и такъ освободили его, и привели къ тому обстоятельству, по которымъ принужденъ былъ судъ сіе сдѣлать. Вся публика воспала противъ того упрямаго; дѣло тотчасъ дошло до Короля, которой велѣлъ ему къ себѣ прийти; дворянинъ явился, и какъ Король сказалъ, что онъ его проститъ, ежели онъ причину откроетъ чистосердечно; по рассказу онъ Монарху, что какъ онъ въ темношѣ съ охоты ъхалъ, выстрѣлилъ свое ружье и несчастнымъ образомъ сего дворянина стоявшаго закустомъ убилъ.

„И какъ я, продолжалъ онъ, имѣлъ дѣло ни противъ свидѣтелей моего дѣла, ни моей невинности, по вознамѣрился я наблюдать молчаніе: но услышавши, что невиннаго обвиняютъ, приложилъ я всѣ силы сопротивляться, и твердо вознамѣрился, прежде отъ голоду умереть, нежели обвиненному дать погибнуть „. Король сдержалъ свое слово, и простилъ его.

Филиппъ III. Король Испанскій плакалъ при взорѣ на авто-да-Фе, когда онъ увидѣлъ многихъ людей казни;

нимыхъ; Президентъ Инквизиціи вмѣнилъ то ему въ грѣхъ, и пакую на него поску навелъ, что слабой Король приказалъ себѣ кровь пуспитъ, и свою кровь отдалъ палачу, дабы оную къ примиренію съ Богомъ при первой Авто-да Фе сжечь.

6.

Молодая крестьянская дѣвушка бѣжала на ослѣ въ городъ находящійся въ землицѣ Геводанѣ. Не въ далекомъ распояніи отъ города оселъ остановился и скинулъ съ себя сидѣвшую на немъ. Крестьянинъ увидѣлъ это, но вмѣсто чтобъ дѣвкѣ помочь, взлѣзъ онъ на осла, и убѣжалъ отпуда. Бѣдное дитя кричало и плакало, но это ничего не помогло; она должна была итти пѣшкомъ даже до ближайшей деревни, гдѣ она свою жалобу донесла судѣ. Сей велѣлъ вора нагнать, которой и былъ пойманъ. Но онъ утверждалъ неустрашимо, что оселъ его собственной. Обѣ партіи имѣли великой споръ, но правды не могли добиться. Наконецъ выдумала крестьянка средство: она сняла свой передникъ, покрыла голову осла, и сказала судѣ: „Съ позволенія, господинъ судья, мой

мой оселъ одноглазый, по приказише этому плушу, чшобы онъ потчасъ и безъ остановки сказалъ, какимъ онъ глазомъ слѣпъ: — Правымъ! отвѣтствовалъ воръ. Тотчасъ сняла дѣвица свой передникъ и закричала: „вылжете, мой оселъ обоими глазами смопришъ хорошо! и такимъ образомъ нашлось дѣло. Потомъ отдалъ ей осла, и приказалъ вора отвести подъ караулъ.

7.

Кавалеръ Буфлеръ имѣющій значное достоинство, чрезъ свои письма и стихи между Французскими стихотворцами, сдѣлалъ у господина Фольбесенваль, гдѣ онъ прочелъ рѣчь о голодѣ, вдругъ безъ приутоповленія слѣдующее четверостишіе:

De mon discours sur la famine,
 Qui mieux que vous pourra juger,
 Puisqu'il fut fait dans notre cuisine
 Et dit dans notre salle à manger?

Нѣкоторая Графиня Мансфельдская рожденная въ Лиховѣ, ѣздила въ оной поспѣшить своихъ. На своемъ пути по Линебургскимъ степямъ, будучи она въ концѣ нѣ котораго лѣса, услышала жалостный крикъ человѣка на помочь зовущаго. Она испугалась и приказала одному изъ своихъ служителей шуда побѣжать и спросить. Но ей было прискорбно дожидаться, покуда лакей возвратится, и приказала кучеру прямо на то мѣсто ѣхать, откуда происходилъ крикъ; съ великимъ ужасомъ увидѣла она тамъ стараго спарика, у котораго руки связаны были, и кричащаго жалостно, чтобы и каменное сердце имѣющій человѣкъ пронудся, и просящаго своей жизни. Возвѣ онаго же увидѣла она другаго человѣка припомъ спящаго и занятаго вырытіемъ ямы. Будучи симъ особливимъ зрѣлищемъ устрашена, желала добрая Графиня отъ молодаго человѣка узнать, что онъ намѣренъ дѣлать съ симъ старымъ человѣкомъ? Крестьянинъ не переставалъ своего дѣла отправлять при прибытіи странствующихъ и копая яму отвѣтствовалъ, что старой это отецъ, но какъ онъ теперь весьма старъ, несносенъ и во все неспособнымъ сдѣ-

сдѣлался промышлять хлѣба; того ради намѣренъ онъ его, понеже онъ бесполезное бремя на земли, въ землю зарыть, изъ которой онъ произшелъ. — Графиня ужаснулась, какъ легко можно узнать, симъ безчеловѣчнымъ словамъ; представила ему его безбожное дѣло во всей обширности; научила его, какъ оное прямо слову божію прошивное, нарочно человѣку жизнь прекратитъ. Подумай, что это такое отца и мать умертвить; которыхъ мы должны почитать и любить! На что ей отвѣчаетъ смотря пристально ей въ глаза: такъ, милоспивая Государыня, это все справедливо; однако что я долженъ дѣлать? я имѣю весь домъ наполненный дѣтьми, я долженъ съ великимъ трудомъ и стараніемъ оныхъ прокармливать, и едва я въ силахъ оное исполнять. Ну, то теперь (хотѣлъ плакать) долженъ ли я моимъ дѣтямъ хлѣба не давать и ихъ голодомъ уморить, дабы сего стараго прокормить, коего должайшая жизнь ни намъ, ни ему самому болѣе не полезна. Графиня вздохнула; смотрите вы бѣдность сихъ бѣдныхъ крестьянъ! какая нужда, какая печаль! они должны собственныхъ своихъ отцовъ умерщвлять, дабы жизнь своихъ дѣтей продолжитъ. Вельможи и богатые грѣшатъ, естли

они

они затворяютъ свое сердце смотря на бѣдность своихъ подданныхъ, и вмѣсто того, чтобъ имъ помочь милосливо, по дѣлаютъ еще оную дню отъ дня несноснѣе налаганіемъ податей на нихъ тиранствомъ и угнѣщеніями. При сихъ словахъ полѣзла она въ карманъ, и дала сему человѣку довольное число денегъ, съ тѣмъ, чтобы онъ пощадилъ своего стараго отца жизнь. Крестьянинъ благодарилъ и обѣщался искренно и честно, до тѣхъ поръ его кормить, пока деньги будутъ вестися. Надобно уже думать, что Графиня обѣщалась покровительствовать, какъ скоро нужно будетъ.

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяць Февраль.

МОСКОВСКОЕ
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ.

I.

ЖИЗНЬ

ЕДУАРДА ВОРТЛЕЯ.

Кавалеръ Монтегю родился не въ Константинополѣ, какъ по ошибкою думали. Уповательно что ложное мнѣніе сіе, произошло отъ слуха, по всей Европѣ распространившагося, будто бы Магомедъ V. пользовался отличными ласками Лади Монтегю, въ то время, когда супругъ ея былъ посланникомъ при Портѣ, и она съ нимъ при дворѣ Императора сего находилась.

Кавалеръ Монтегю родился въ Лондонѣ, и еще прежде путешествія матери его въ Левантъ. Вотъ что самъ онъ о семъ ко мнѣ пишетъ.

Часть I. мѣс. Февр.

Е

„ Благо-

„Благодарю васъ за ласкательныя
 „предразсужденія, которыя вы въ рассу-
 „жденіи меня имѣете. Есть справедли-
 „вое, также и ложное въ томъ, что вы
 „обо мнѣ писали. — Я родился не въ
 „Константинополѣ, но моя сестра Лади-
 „Бупше, родилася въ ономъ . . . По-
 „койный Султанъ любилъ меня, но самъ
 „онъ былъ двумя или тремя годами
 „меня моложе.

Сколь ни сильна была страсть, ко-
 порую Кавалеръ Монтегю къ женщинамъ
 и путешествіямъ чувствовалъ, однако
 же она не препятствовала ему прилагать-
 ся къ наукамъ, къ которымъ имѣлъ
 онъ страсть еще того сильнѣйшую.

Сія страсть родилась въ немъ въ
 такое время, и между такими обстоя-
 тельствами, когда весьма немногія лю-
 ди о томъ помышляютъ: то есть по-
 среди шума воинскаго и веселостей
 путешествій.

Кавалеръ Монтегю, какъ по извѣстно,
 служилъ въ походѣ подъ командою по-
 койнаго Герцога Кумберландскаго. Онъ
 снискалъ себѣ похвалу при арміи, и въ
 дѣлахъ, къ которымъ употреблялъ его
 Герцогъ. Время остававшееся за сими
 должностями, употреблялъ онъ на на-
 уки, и часто на самыя глубокомыслен-
 нѣйшія и друднѣйшія изслѣдованія. Въ
 сіе

сіе по время выучился онъ Еврейскому, Халдейскому, Арабскому и Персидскому языкамъ, на которыхъ потомъ съ такою же удобностію говорилъ, какъ и на Англинскомъ. Кавалеръ Монтегю говорилъ съ такою же твердостію по Латинъ, по Гречески, по Италиански, какъ по Французски и по Нѣмецки.

Когда Епископъ Варбуртонъ издалъ въ свѣтъ книгу свою, полико же славную для разсѣяннаго въ ней ученія, какъ и для сомнительныхъ положеній, которыя также тутъ находятся, въ то время Кавалеръ Вортлей Монтегю совершенно углубленъ былъ въ наукахъ своихъ. Извѣстно, что Епископъ въ сей книгѣ хочеть доказатьъ преимущество Христіанскаго закона нѣкоторыми надписями, находящимися при подошвѣ горы Синайской.

Одна часть ученыхъ утверждала истолкованія Доктора Варбуртона, а другая ихъ опровергала. Споръ сей началъ бытъ продолжительнымъ, тогда Кавалеру Монтегю пришло на мысль ъхать въ означенное мѣсто и изслѣдовать оныя надписи.

Въ семъ по намѣреніи искалъ онъ совершеннаго познанія древнихъ и новыхъ восточныхъ языковъ.

Какъ скоро заключили миръ въ Европѣ, испросилъ онъ позволеніе, сѣлъ на корабль и отправился въ Египетъ.

Онъ основалъ свое жилище по близости горы Синайской. Оттуда часто разѣжжалъ онъ по Палестинѣ; имѣя позволеніе выкапывать, сдѣлалъ онъ наирѣдчайшія и достопамятнѣйшія открытія. Онъ изъяснилъ упомянутыя надписи такимъ образомъ, что уже ничего прошиву сказать не оставалось.

Здѣсь то найдены тѣ достопамятныя монеты, которыя не такъ сами по себѣ славны, какъ ради справедливаго исполкованія учиненнаго имъ Кавалеромъ Монтегю. Сии исполкованія принесли ему столь много чести, что Королевское общество въ Лондонѣ, куда онъ ихъ отослалъ, восжелало принять его въ свои сочлены.

Сколько ни рачительно упражнялся Кавалеръ Монтегю въ выкапываніи древностей, во чтеніи и изъясненіи преисполненныхъ таинства надписей, и въ собираніи монетъ: однако еще рачительнѣе старался онъ, вездѣ, гдѣ только останавливался въ своихъ путешествіяхъ, собирать пригожихъ дѣвочекъ, коихъ онъ всѣхъ бралъ себѣ въ замужство, и крайнее о нихъ прилагалъ попеченіе.

Ворплей имѣлъ чрезвычайную любовь къ обрядамъ, законамъ и нравамъ восточныхъ жителей. Ему не довольно было что онъ вездѣ, гдѣ ни жилъ, въ Константинополѣ, Смирнѣ, въ палестинѣ и пр. содержалъ многочисленную сераль; но еще и одѣвался по Турецки и жилъ по ихъ обыкновению.

Не трудно себѣ представить, что при такихъ склонностяхъ малаго ему стоило принять Магометанской законъ. Однакожъ сей послѣдній пунктъ совершенно не доказанъ, а основывается только на внѣшности. Правда, что Кавалеръ Монтегю не въ единой Туреціи слѣдовалъ модѣ Музульмановъ, но и во время прочихъ его путешествій, а особливо въ послѣднихъ годахъ жизни его въ Венеціи, не ходилъ иначе, какъ съ чалмою на головѣ, въ восточномъ кавпанѣ и съ длиною бородою.

Что до сего касается, то писалъ онъ ко мнѣ въ 1775 году: „Вы говорите о челмѣ? подлинно; я люблю оную, и не оставляю во всю жизнь мою. Или она не столь хороша какъ пластырь составленный изъ муки и сала?“

Я такого мнѣнія, писалъ ко мнѣ Кавалеръ Монтегю въ томъ же письмѣ, что надписи, которые находятъ въ

каменистой Аравіи, легко было разобрать, только это не стоить труда.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ получилъ я отъ Кавалера Воршлей письмо. „ Это справедливо, что стараніе „ описать особу мою свѣшу, самому мнѣ „ предоставили. Я здѣлаю сіе, коль скоро „ почту нужнымъ - - - - - что до слѣд- „ ствій моего путешествія касается, то „ не долженъ я въ томъ отдавать нико- „ му отчета, какъ только Королевскому „ обществу; къ которому я принадлежать „ честь имѣю. Сему пересылаю я иногда „ листъ, никогда не удерживая для себя „ списка съ онаго

Воршлей имѣлъ обыкновеніе запечатывать свои письма премою различными Арабскими печатями, содержащими нѣкоторыя изреченія изъ Алкорана.

Не одни здѣсь объявленныя обыкновенія причиною были, что Кавалера Монтегю подозрѣвали быть Турецкаго закона. Его чрезвычайно странное поведеніе утверждало свѣстъ во мнѣніи, что онъ одинъ изъ наипорочнѣйшихъ Музульмановъ.

Онъ имѣлъ при себѣ молодого Арапа. Образъ обхожденія его съ нимъ былъ весьма подозрительнымъ.

Всякое утро вставалъ Воршлей предъ восхожденіемъ солнца. Онъ начиналъ день, какъ истинной Музульманинъ, употреб-

ляя многія омытія и чпеніе молитвъ изъ Алкорана. Часъ спустя будилъ онъ своего молодаго Арапа, наисквернѣйшее и нечистѣйшее твореніе, которое сухая Абессинія когда нибудь производила. Его повелитель говорилъ ему длинную рѣчь о преимуществѣ и изящности Магометанскаго закона.

Во время сей рѣчи Арапъ положи руки свои крестообразно на грудь, слушалъ съ почтительнѣйшимъ видомъ не говоря ни единого слова. Около десятаго часа по утру садился Воршлей на софу весьма важнымъ образомъ по Турецки, съ положенными на крестъ ногами и Арапъ ставилъ предъ нимъ пустой столъ.

Вскорѣ попомъ приходило время обѣдать, Воршлей бѣлъ въ глубочайшемъ молчаніи. Нѣсколько пониже на подушкѣ сидѣлъ Арапъ, и ожидалъ остальныхъ крошекъ.

Его столъ былъ весьма умѣренный и всѣ кушанья, которыя въ Алкоранѣ признаются нечистыми не поспавлялись на ономъ.

Склонность Кавалера къ Арапу была такъ нѣжна, что Венеціане явно подозрѣвали, будто онъ имѣлъ томъ наказанія достойный вкусъ, кокорымъ Греки Анакреона упрекали. Что болѣе всего

мнѣніе сіе утверждало, эпо было больше, нежели обыкновенное попеченіе молодого Арапа о своемъ Господинѣ. Онѣ бѣгалѣ за нимѣ вездѣ неотступно; никогда его не оставлялѣ; старался быть рачительнымѣ, и нося безпрестанно поднятѣй долиманѣ Кавалера.

Воршлей, прохаживаяся вѣ самый полдень приказывалѣ двумѣ Гондольщикамѣ носить предѣ собою двѣ горящія восковыя свѣчи.

Никогда не находили его днемѣ, что бы онѣ не имѣлѣ во ртѣ трубки. Онѣ курилѣ родѣ травы, подобной Беталу.

Часто курилѣ онѣ пустую трубку, держа во ртѣ длинной Турецкой чубукѣ. Такѣ дѣйствительна была сила привычки, напоминающая мускуламѣ о семѣ движеніи.

Онѣ ни съ кѣмѣ не обходился. Англичане, его земляки, пребывавшіе вѣ Венеціи, были ему равны, какѣ Италіянцы.

О своей бородѣ, которую онѣ опростилѣ, великое прилагалѣ стараніе. Сіе побудило самого его Арапа сказать, что его Господина почишаютѣ вѣ Аравіи за щеголя, понеже онѣ весьма влюбленѣ вѣ красоту и пригожество своей бороды.

Госпожа Фонѣ Роколина, была одна особа, которую Кавалерѣ Воршлей удостоилѣ своимѣ посѣщеніемѣ. Сія

Дама

Дама есть одна изъ любви достойнѣйшихъ женщинъ ради пріятнаго ума, различныхъ дарованій, и особливо ради рѣдкихъ знаній, пріобрѣтенныхъ ею во время достопамятныхъ ея путешествій. Госпожа Рокколина предложила Кавалеру Монтегю великолѣпное жилище въ своемъ домѣ.

Воршлей принялъ предложеніе сіе. Онъ переѣхалъ съ своимъ Арапомъ. Спустя нѣсколько дней преобразено было сіе прекрасное жилище въ пресквернѣйшую конюшню.

Госпожа Рокколина была весьма недовольна нечистою гостя своего. Она принуждена была призвать ремесленниковъ, которые бы опять полъ вычистили, нечистоту вынесли, столы вновь позолотили, и мебели отъ несноснаго табачнаго смрада очистили, которыми они заражены были.

Арапъ крѣсла и буфетъ совсѣмъ изгадилъ.

Госпожа Рокколина не могла удержаться, чѣобы не жаловаться Кавалеру о чрезвычайной нечистотѣ его любимца. Воршлей принялъ его съ гордостію въ покровительство свое и не хотѣлъ наказывать; онъ досадовалъ, что мало его уважали, и для того оставилъ домъ сей.

Съ сего времени такъ онъ былъ недоволенъ Венеціянами, что вознамѣрился ни съ кѣмъ уже болѣе не имѣть обхожденія. Послѣ сего пробылъ короткое время въ Венеціи.

Отсюда отправился онъ на корабль, и основалъ свое жилище въ Розеттѣ, 40 миль отъ Александріи. Тамъ жилъ онъ съ послѣднею своею женою, дочерью одного практирщика изъ Ливорны, принудивши ее принять тотъ же странный законъ, въ которомъ онъ самъ жилъ, и которой клялся онъ хранить во всю жизнь свою.

Извѣдавъ всѣ законы, сказалъ Монтегю, отдаю я сему преимущество. — Не извѣстно, дѣйствительно ли онъ всѣ прочіе законы испыталъ. То однако же справедливо, что онъ родился въ Люперанскомъ законѣ, а потомъ сей оставилъ и воспріялъ Римско-каполической.

Кавалеръ Ворплей жилъ по крайней мѣрѣ по видимому своимъ состояніемъ довольнымъ. Въ самомъ дѣлѣ обстоятельство его были не весьма цвѣтущія, когда ихъ сравниваютъ съ тѣми, въ которыхъ онъ находится могъ, еслибы получилъ несчетныя богатства, которыхъ лишенъ онъ опцемъ своимъ.

Онѣ имѣлъ ежегоднаго доходу 6000 піаспровѣ, которые Лади Бутте его сестра пересылала ему изѣ Англїи и 4000 піаспровѣ ежегодно отѣ Порты ему производимые.

Его родѣ жизни вѣ Розеттѣ не много различествовалѣ отѣ того, которой онѣ велѣ вѣ Венеціи. Онѣ весьма рѣдко выходилѣ. Во весь день запирался онѣ съ своимѣ Арапомѣ и препровождалѣ оной вѣ куренїи табаку отѣ утра даже до вечера. Тѣ же самые сундуки, на которыхѣ онѣ днемѣ сидѣлъ, были ночью его постелью.

Ворпелей чрезвычайно былѣ гордѣ, а припомѣ изѣ всѣхѣ смертныхѣ наискупѣйшїй.

Сѣ давныхѣ лѣтъ упражнялся онѣ единственно вѣ истолкованїи одной Арабской книги, которую онѣ предѣ своими глазами перевестѣ велѣлъ на Италїанской.

Онѣ ложился весьма рано спать и хотя бы то было зима или лѣто, вставалѣ за часѣ ранѣе до восхожденїя солнца.

Вѣ самую жестокую зиму, какѣ и вѣ самое жарчайшее лѣто мылся Ворпелей точно по закону Магометову безпрестанно, весьма холодною водою. Припомѣ терѣ себя пескомѣ отѣ головы даже до ногѣ. Вѣ продолженїе сего,

сего, держалъ его Арапъ чашу съ водою въ рукѣ и вспрыскивалъ ему голову и бороду.

По прошествіи сего упражненія перемѣнялъ Кавалеръ должность свою и вспрыскивалъ и мылъ Арапа съ своей стороны.

По окончаніи всей набожной церемоніи падалъ Воршлей на колѣни, лицомъ къ солнцу и бормоталъ нѣкоторыя Турецкія молитвы, потомъ опять вставалъ, ходилъ на полчаса прогуливаться, зажигалъ трубку и пилъ кофе.

Въ семъ состоялъ его наивеличайшій расходъ, ибо ничего не было скупѣе его стола. Супъ съ рѣпою или другими кореньями, кусокъ баранины и весьма бѣдная похлебка, за которыми слѣдовало нѣсколько сыраго луку, составляло весь обѣдъ его. Три или четыре сельди да салатъ составляли его ужинъ. Впрочемъ никакого другаго питания въ его дворѣ не было, какъ чистая вода.

Особенно онъ принималъ своего обыкновеннаго гостя. Сей былъ Турецкій купецъ, одинъ изъ набожнѣйшихъ почитателей Алкорана. Воршлей приглашалъ его всякую недѣлю ко столу одинъ разъ, и сей Турокъ имѣлъ къ нему такое

безразсудное подобострастіе , какъ къ самому Магомету.

Въ сей только день , бывшій обыкновенно въ пятницу , казалось , что Вортлей позабывалъ скупость свою ; онъ прибавлялъ на столъ наираспощительнѣйшимъ образомъ или четверть кладенаго барана , или Индѣйскаго пѣтуха , или гуся . Правда что остатки были рачительно собираемы и сохраняемы до ближайшаго воскреснаго дня .

Вся челядь Кавалера Монтегю состояла изъ весьма безобразной старой домашней дѣвки , которая въ иное время отправляла должность поварихи , управителя и камердинера .

Расходъ его дому въ величайшій праздникъ ограниченъ былъ на шесть паоли .

Вортлей пробывши почти два года въ Розеттѣ , вздумалъ возвратиться опять въ Венецію . Онъ жилъ по пержнему особливому образу , и такъ себя ограничилъ , что его земляки , находившіеся въ Венеціи , ничего о немъ не знали . Сіе заставило думать , что Кавалеръ Монтегю умеръ , отъ чего родственники его вознамѣрились завладѣть его имѣніемъ .

Едва лишь только узналъ о семъ Кавалеръ , то вознамѣрился онъ бѣжать въ

въ Англію. Онѣ писалъ о семѣ намѣреніи нѣкоторымъ старымъ своимъ друзьямъ, которыхъ онѣ имѣлъ въ Лондонѣ, прося ихъ чтобы они разрушили надежду сродниковъ, а ! припомѣ приготовилибъ ему жену сходную съ описаніемъ которое онѣ послалъ имъ, т : е : чтобы она была молода, пригожа и сколько возможно полста пѣломъ.

Сія прозьба показалаь его корреспондентамъ такъ рѣдкою, что они за достойное почли внести сію въ вѣдомости. Сверхъ чаянія случилось, что многія персоны объявили себя. Выбрали пѣхъ, которыя наибольше сходствовали съ предписанными свойствами.

Увѣдомили о семѣ Кавалера. Онѣ подтвердилъ выборъ и уставилъ день къ свадьбѣ.

Въ самое то время какъ намѣрялся онѣ выѣхать изъ Венеціи и свадьбу совершить, схватила его сильная лихорадка, отъ которой онѣ не смотря на всѣ употребляемыя лекарства чрезъ нѣсколько дней умеръ.

Венеціяне, которые не по чему иному о Кавалерѣ Монтегю, какъ по странному его поведенію, и которые его въ самомъ дѣлѣ за дурака признавали, оказали ему умершему мало чести. Они почитали его отдѣлившимся отъ святой цер-

церкви; и такъ погребли его трупъ безъ всякой церемоніи въ сторонѣ возлѣ пустынниковъ.

На камнѣ его труппа сдѣлали слѣдующую Венеціанскую надпись:
 Col culo in zu cola lo barba in su
 In Sepolto nel chiostro ai remitani
 L' Anglo - Turco Bastardo Montaigu
 Accio ghe daga l' aqua santa icani.

Между прочимъ да не забываемъ, что сей за дурака почитаемый человѣкъ, имѣлъ истинныя, рѣдкія и полезныя дарованія; да не предадимъ и того припомъ забвенію, что кромѣ достопамятныхъ надписей, присланныхъ имъ Лондонскому Королевскому обществу наукъ, имѣетъ еще свѣтъ два наиважнѣйшія сочиненія его о началѣ и паденіи Римской Имперіи, и о причинахъ землетрясенія.

II.

Модная проза.

Мое отечество Парижъ и моя жизнь походитъ на Романъ. Безъ хвастовства сказать, то моя судьбина юношеская принесла мнѣ, какъ и многимъ такія преимущества, которыя причиняли въ глазахъ юношей великія прелести. Припомъ припворялась я иногда такъ суровою, какъ будто бы я почитала ихъ оказыванія любви за наивеличайшее оскор-

оскорбленіе ; иногда же измѣняла я взоромъ , скрывавшимъ маленькое припворство за сею суровостію , чрезъ что въ ономъ иному удавалось быть побѣдителемъ надъ моими спрасъями , и сіе плѣненіе мало труда стоило послѣ.

Какъ госпожа знавшая жизнь , вдалася я по смерти моего мужа въ любовныя шушки для препровожденія времени , и сія модная добродѣтель должна была проводить меня до глубокой моей старости. Я хотѣла опять выйти за мужъ ; но какъ слышала охотно о вольности говорящихъ , и при томъ разсуждала о трудности замужства ; по дарила я свои склонности по тому , по другому.

Въ Парижѣ находилось довольно любовниковъ , которые сдѣлались достойными оныхъ , одинъ подарками , другой обязательными словами , напрошивъ того и нѣкто своимъ любви достойнымъ видомъ ; однимъ словомъ , всякой зналъ своей услужливости получить нѣкоторое званіе.

Въ моемъ вдовственномъ состояніи почитала я себя наищасливѣйшею персоною въ свѣтѣ. Любовникъ одинъ за другимъ прогонялъ мою скуку и говорилъ при томъ только о такихъ дѣлахъ , которыя отчасти мое честолюбіе , отчасти мое пристрастіе къ любви подкрѣпляли

пляли и возжигали. Да позволятъ мнѣ мои любовники изчислишь ихъ по порядку, какъ они другъ за другомъ слѣдовали, и перемѣнялись ежегодно. Сіе увѣритъ моихъ читашелей какую я играла въ Парижѣ роль, и какъ старались они о моей любви другъ предъ другомъ.

Мой мужъ былъ старый купецъ, а я дочь танцмейстера, имѣвшая много способности, а мало денегъ. Онъ удивляясь нѣкогда моей проворности въ танцовальномъ искусствѣ на балѣ и моему сановитому стану, старался поговорить о семъ съ моимъ опцемъ. Вашу дочь, говорилъ онъ, хочу я сдѣлать богатою женою, и она найдетъ во мнѣ такого мужа, которой не взирая на его старость будетъ любить ее нѣжно, а она всю его жизнь ошастливитъ. Моему опцу понравилась сіе намѣреніе, и великое его имѣніе сдѣлало его молодымъ въ глазахъ моихъ. Зговоръ сдѣланъ былъ и вскорѣ свадьба совершена. Но честный мужъ умеръ проживши два года отъ мучащихъ его обстоятельствъ, прождавшихъ наше супружество отъ свадьбы.

Еще при жизни моего мужа имѣлъ нѣкоторой Кавалеръ со мною дружбу. Сей зналъ свою любовь такъ скрыть превосходно, что я не могла догадаться, кого точно онъ любилъ, меня, или мой

деньги. Онъ имѣлъ посредственное имѣніе, откуда и выводила я нѣкоторое подозрѣніе, открывшееся мало помалу. Я подкрѣпляла его долгое время, и считала себѣ за великую честь быть ему на моихъ издержкахъ въ знатныхъ компаніяхъ. Симъ образомъ промотала я почти половину имѣнія, полученнаго мною въ наслѣдство отъ моего мужа. Наконецъ упопреблялъ онъ возло мое благодѣяніе и сдѣлалъ меня по моей воли себѣ оброчною. Я отказала ему и никогда не допускала къ себѣ, когда онъ посѣтитъ хотѣлъ меня. Наконецъ узнала я, что онъ вездѣ меня неправеднымъ образомъ поносилъ. Такъ должныствовали награжденными быть мои благодѣянія и съ величайшею неблагодарностію, сдѣлавшеюся наконецъ моему благосостоянію и моей чести опасною. Того ради напоминаю я моему полу ограничивать свою щедрость къ мужчинамъ, и лучше принимать подарки, нежели дарить.

Съ сего времени любила я уединеніе и вознамѣрилась угождать вдовственно моему соспоянію въ совершенномъ цѣломудріи до конца моей жизни. Но какъ я не могла жить совсѣмъ безъ утѣшителя, то и взяла я молодаго кандидата Богословіи въ свой домъ, которой бы пѣлъ и молился со мною. Сей

юноша былъ красивъ, и посвященъ трижды, а въ четвертой разъ я общалась ему сама помочь, дабы его посвятили. Въ его внутренности часто изъясняла я свое сердце и оному открыла, что мнѣ является злой духъ часто въ видѣ пригожаго юноши. Онъ давалъ мнѣ знать мою слабость своею улыбкою, и сіе меня побудило вступить съ нимъ въ любовной союзъ. Мы жили другъ съ другомъ наинѣжнѣйшимъ образомъ, но мое щастіе во всякое время долженствовало быть завиднымъ. Упомянутый дворянинъ измѣнникъ моего добраго сердца оклеветалъ моего любезнаго предъ его начальниками, отъ чего и долженъ былъ шуже минути оставить мой домъ и убѣгать со мною обхожденія. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль родила я дитя, которое окрестить велѣла по имени сего благороднаго. Меня потребовали на судъ, для чего я безъ всякаго дѣла бѣднаго дворянина дитяти моему почитала опцемъ. Мое краснорѣчіе одержало щастливо побѣду, и я получила для моего дитяти благородство его отца. Такъ опмщается часто непримѣтно хитрость женщины за огорченіе невиннаго любовника.

Младенецъ умеръ спустя 6 недѣль по моемъ разрѣшеніи, и съ нимъ кончи-

лось также и все препровождение моего времени. Какъ госпожа, не имѣющая уже болѣе охоты къ замужству, влюбилась я въ судью, которой совершенно былъ по моему вкусу. Наслаждение его дружескаго обхожденія прервалось скорымъ сочетаніемъ съ богатою дворянскою дочерью, и мнѣ казалось, что я родилась одна несчастливою изъ вдовъ.

Вскорѣ потомъ предложилъ мнѣ свою любовь сынъ богатаго купца. Сей заслужилъ мое особенно вниманіе; ибо онъ изъ всѣхъ казался мнѣ болѣе достойнымъ моей благосклонности. Онъ дарилъ меня наищедрѣйшимъ образомъ, когда я его въ гости просила; и ставилъ себя за великое удовольствіе, когда я съ нимъ бывала въ знатныхъ компаніяхъ. Какъ госпожа, которая на свое убранство и домашные расходы третью часть своего имѣнія уже принесла на жертву, то и знала сей полезнѣйшій случай употребить въ пользу. Я употребляла предъ симъ молодымъ и не знающимъ ничего предметомъ всѣ роды лицемѣрствъ, которые мнѣ весьма свойственны были. Въ нѣсколько недѣль имѣла я уже 15 тысячъ ливровъ, полученныхъ мною въ подарокъ отъ него. Изъ сего можно видѣть, что склонность я къ нему

му оказывала не понапрасну. Въ одинъ разъ лишившись я его компаніи на нѣсколько дней, не могла отгадать пому причины ни коимъ образомъ, пока наконецъ пришелъ ко мнѣ магистратской приставъ и позвалъ меня передъ судъ. Тамъ должна была я дать отчетъ о деньгахъ молодого человека, который онъ мнѣ перешаскалъ во время моего съ нимъ дружества. Я припворилась, что будто бы о семъ дѣлѣ ничего не знала, однако сіе припворство на худой щепъ было принято, и я должна была нѣсколько недѣль просидѣть въ шюрмѣ.

При моемъ освобожденіи долженствовала я заплашить 2000 ливровъ, и при томъ запретили мнѣ подъ строгимъ наказаніемъ не имѣть обхожденія съ молодыми людьми. Однако привычка сдѣлалась у меня, какъ у прочихъ впрочемъ натурою, и я принимала посѣщенія отъ многихъ учащихся. Сіи молодые люди изъ коихъ пять были изъ знатной Фамиліи промотали со мною свои вексели, а я ихъ наставляла за то въ правилахъ любовныхъ дѣлъ. Во всякой часъ говорила я съ ними о особой матеріи. Въ сей наукѣ весьма они успѣли, которую я со временемъ продолжала. Ибо какъ я имъ открыла тайности женскаго

Ж 3

серд-

сердца, то оставили они меня, и пробовали на новыхъ предметахъ свою выученную науку. Привезли ли они съ собою домой, пробывши въ Академіи, многія знанія, о томъ можетъ всякой разсудить.

Въ другой разъ испытала я уловить во время моего панцованія одного прапорщика, Щасливо попался онъ въ мои сѣпи. Онъ дѣлалъ мнѣ честь почти всякой день своимъ посѣщеніемъ и утѣшалъ меня въ моемъ вдовствennomъ состояніи увѣреніемъ, что онъ хотѣлъ на мнѣ жениться, ежели бы я только къ тому вознамѣрилась. Все лучше снесу отвѣчала я, нежели быть невольницею того мужа, которой такъ охотно преимущества натуральныя въ нашей слабости во зло употребляетъ. Какъ жена, которая ужѣ съ спрогимъ мужемъ жила, то могла предвидѣть изъ опыта свое несчастіе. Потомъ увѣрила его, что я давно ужѣ сіе дурачество оставила, которое день отъ дня изъ моды выходитъ. Я его симъ пристыдила, отъ чего онъ и просилъ у меня прощенія. Но какъ онъ послѣ посѣщалъ меня нѣсколько разъ безъ подарковъ, то сдѣлалась мнѣ его дружба омерзительною, и я влюбилась въ молодого

даго часовщика, имѣющаго старую и хворую жену.

Тогда уже я приблизилась къ тому году моей жизни, когда хотя находились еще любовники, но во мнѣ оставалось мало прелестей. Упомянутой часовщикъ подарилъ меня при первомъ своемъ посѣщеніи золотыми часами съ репетиціею, за которые я ему воздала тысячью ласкапельствами. И послѣ не проходило ни одно посѣщеніе безъ подарка. Но его ревнивая жена въ краткое время помѣшала моему полезному расположенію, и обвинена я была опять предъ судомъ. Я ходила туда и оправдалась какъ надобно было, но не тронуло меня прежнее тюремное наказаніе. О я несчастная вдова не опредѣлено мнѣ никакого щастія! я отдамъ еще болѣе прилѣпленію и пропитаюсь прелестями, данными мнѣ отъ природы.

Цирюльникъ, подъ честнымъ именемъ отправляющій должность лекаря, полюбилъ меня также. Понеже я годъ отъ году болѣе въ старость приходила и ежедневно теряла свои прелести, то отдавалась я еще болѣе своему своенравію и должна была довольствоваться малымъ плѣненіемъ, понеже я большимъ льстить себя не могла. Мои румяны начали менѣе соотвѣтствовать ихъ дѣй-

ствію; понеже уже болѣе старость нельзя было украсить. Хотя онѣ еще и другихъ имѣлъ товарищей, которые всѣ однако же были гражданскаго состоянія, въ мастерствахъ и ремеслахъ. Изъ сего легко можно заключить, что мои доходы весьма сдѣлались малыми. Сія потеря не такъ была важна, какъ другая, чрезъ которую я свое здравіе потеряла и навлекла на себя хворую жизнь. Благопріятствуя цирюльникъ, могшій легко узнать состояніе моей болѣзни, запретилъ мнѣ распустную жизнь вести, которую хотя онѣ мнѣ и не ясно запрещалъ, однако я понять могла.

Тутъ научилась я во первыхъ знать достоинство чести, и желала своего умершаго честнаго старика, котораго богатство и благороднѣйшее сердце такъ пошло я во зло употребляла.

Съ юношествомъ моимъ щастіе мое исчезло, и сдѣлалась я въ глазахъ человѣчества спрашилищемъ. Мои любовники меня оставили. Никто не приходилъ, кто бы меня утѣшилъ. Я больна и пропадаю почти отъ болѣзни; я ожидаю избавителя, но оной не приходитъ.

Однако нѣкто пришелъ; сей былъ чести достойный старикъ, изъ его лица примѣтила я, что онѣ хочетъ меня утѣ-

утишить. Онъ утишалъ меня и совѣтовалъ чтобы я въ госпиталь пошла, гдѣ бы обо мнѣ имѣли хорошей присмотръ. Но какъ госпожа жившая уже прежде въ столь великомъ почтеніи, то и вознамѣрилась прежде въ моей скудости умереть, нежели шуда ийти. Но угнѣтающая скудость и продолжительная болѣзнь угашаютъ наконецъ въ душѣ спрадающаго всякую искру честлюбія; и изъ любви къ своему пропитанію преодолѣваютъ наконецъ всякія препяпсвія. Меня шуда опвели и я находилась въ больницѣ, гдѣ многихъ нашла себѣ подобныхъ товарищей. Ежедневно чувствовала я болѣе опасныя слѣдствія моей распустной жизни, и болѣзнь становилась всегда опаснѣйшею. Я велѣла призвать духовника и открыла мои грѣхи. При томъ изъяснила я во первыхъ всеобщее признаніе о моихъ любовныхъ дѣлахъ, и просила чтобы онъ ихъ записалъ и свѣту открылъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ сіе благодѣяніе и прочелъ при томъ тихо предо мною всю мою распустную жизнь. Я прибавила къ оной слѣдующее нравоченіе.

Нѣжные юноши! не ослѣпляйтесь вы въ своемъ юношесствѣ манящимъ чудовищемъ любви, которое ваши юношескія лѣта и ваше здравіе снѣдаетъ, не

принесши никакой пользы отечеству. Убѣгайте того рода женщинъ, которыя заразительной ядъ въ своихъ устахъ носятъ, и продаютъ свои сердца за гнусное корыстолюбіе. Любовь естли она чистою и дѣйствительною должна быть, то должна основаніемъ имѣть два другъ къ другу пылающія сердца, имѣющія въ щастіи и несчастіи согласіе. Сего ради ощущаетъ мужъ щастіе и несчастіе жены, питаетъ и утѣшаетъ оную, и затворяетъ ей со слезами глаза при смерти. Я далеко отстою отъ сего блаженства, понеже я онаго не заслужила. — И также и вы мои подруги! водрузите въ сердца ваши мои поученія, дабы не только ни единого юношу не ослѣпляютъ продажными прелестями, но его оправащаютъ разумными представленіями. Наблюдайте вашу честь, какъ величайшее богатство, которымъ вы сіяете въ глазахъ истинно любящаго мужа. Разсудите припомъ, что вы сами чрезъ свои собственныя подаянія себѣ хулу навлекаете, которую хотя вы и не изъ вашихъ устъ слышите, однако оная глубоко на ихъ чувствѣ написана. Не будьте вдовою модною, но любите единственно своихъ мужей въ жизни, и не забывайте оныхъ по смерти, по можете вы жить щастливѣе нежели я, и умереть

реть смертію блаженной жены, которая въ своей жизни и смерти была цѣлоумудренною.

III.

О языкѣ животныхъ.

Что не всѣмъ животноымъ употребленіе языка отрицать можно въ нынѣшнія времена почитается неопровергаемою истинною. Но въ чемъ языкъ человѣковъ предъ скотскимъ преимуществуетъ? вопросъ сей гораздо труднѣе для рѣшенія. Обыкновенно отвѣчаетъ такимъ образомъ: языкъ человѣческой состоитъ изъ частицъ, а скотскій оныхъ не имѣетъ. Говорятъ, что Гомеръ утверждалъ уже различіе сіе. И изполкователи за то его наиболее хвалили, что онъ для человѣка славное изобрѣлъ нарѣчіе, когда оныхъ во многихъ мѣстахъ называетъ *μέσσηται ἀνθρώποις*, то есть людьми, которые голоса свои раздѣлять могутъ. Слѣдовательно опровергающъ, чтобы животныя имѣли способность раздѣлять свои голоса.

Не огранича ни чемъ мнѣніе сіе, понятъ его невозможно потому, что противорѣчитъ тому явно ежедневной опытъ, которой намъ показываетъ, что жи-

животныя многообразнымъ образомъ свои голоса раздѣляютъ. И такъ должно здѣсь разумѣть о голосахъ несложныхъ, то есть, что голоса животныхъ не способны къ раздѣленію на слоги и буквы, какъ то слова человѣческія раздѣляются.

Но и сіе положеніе можетъ имѣть двоякой смыслъ. Оно можетъ означать: что голоса животныхъ суть по естеству ихъ не способны къ раздѣленію на слоги и буквы. Но оно также можетъ означать: что люди не знаютъ какъ сдѣлать себѣ вразумительными голоса животныхъ помощію извѣстныхъ имъ слоговъ и буквъ. Когда мы послѣднее означеніе примемъ за справедливое, то изъ того ни что менѣе не слѣдуетъ, какъ преимущество человѣческаго языка предъ языкомъ животныхъ. А слѣдуетъ только то, что люди не разумѣютъ языка животныхъ, что имъ больше приноситъ стыда, нежели животнымъ; а языкъ столько же мало тѣмъ въ разсужденіи человѣческаго языка унижается, какъ наилучше сочиненная Арія бываетъ помрачена отъ простонародныхъ пѣсней, потому что она слуху неразумнаго меньше послѣдней нравится.

И такъ если языкъ человѣческой въ томъ долженъ имѣть истинное преиму-

имущество предъ языкомъ живопныхъ, что шомъ составленъ изъ частицъ, а сей ихъ не имѣеть: по первое означеніе справедливо; по есть, должно утверждать, что голоса живопныхъ по ихъ свойству не способны раздѣляемы бытъ на буквы и слоги.

И въ шаковомъ по разумъ можетъ бытъ Гомеръ и всѣ послѣдовавшіе его мнѣнію брали сію вещь. Не за долго передъ симъ доведенъ я былъ случайно объ ономъ подумать, и тогда мнѣ показалось, что будто бы Гомеръ и всѣ его послѣдователи въ шомъ ошиблись. Но не самъ ли я больше въ шомъ ошибся, надѣюсь отъ васъ, государи мои, извѣдать, естьли только удостоите изслѣдованіе сей вещи малаго вниманія.

Сомнѣнія мои основаны на извѣстномъ опытѣ, отъ котораго они и произошли, что часто при пѣніи, котораго содержаніе безызвѣстно, невозможно различить слова, умалчивая о буквахъ и слогахъ, до тѣхъ поръ, пока неизвѣстно содержаніе; но какъ скоро оное узнаешь, по думается намъ что слова, слоги и буквы учинились внятными. Я нарочно говорю, думается, пошому, что это кажется бытъ ложнымъ заключеніемъ, теперь учинились ему внятными. естьли бы подлинно хотѣли утверждать, что
узнавъ

узнавъ содержаніе, мы лучше прежняго слышимъ. Ибо здравой слухъ никакъ не можетъ отъ содержанія получить больше силъ слышать; но такъ, какъ око обманывается, когда оному прямая палка опущенная въ воду кривою быть кажется, такъ равнымъ образомъ и слухъ, по моему мнѣнію, обманывается, когда, узнавъ содержаніе, думаетъ что слова, слоги и буквы внятными быть ему кажутся, когда онъ прежде того только чувствовалъ одни звоны ихъ. Слухъ продолжаетъ чувствовать одни голоса, а свѣдѣніе присовокупляетъ къ тому и слова, слоги и буквы. Равнымъ образомъ бываетъ сіе при слушаніи неизвѣстныхъ, а особливо съ извѣстными несходныхъ языковъ. Послушай на пр. говорящаго Поляка, Венгерца и т. д. не зная языка ихъ: не можно будетъ различить ни слова, ни слога, ниже буквы, развѣ только случайнымъ образомъ, что будетъ чтонибудь сходно съ извѣстными намъ словами, слогами или буквами. Да и даже одинъ различной выговоръ и въ извѣстныхъ языкахъ дѣлаетъ всѣ слоги и буквы отчасти совсѣмъ непонятными, а отчасти неясными, когда онъ нѣсколько отходитъ отъ обыкновеннаго выговора, а особливо когда слова нѣсколько скоро выговариваемы бываютъ. Я бы могъ

могъ здѣсь сослаться на Жидовской выговорѣ Еврейскаго, которой и самымъ значающимъ Еврейскаго языка дѣлаесть непонятнымъ, не перемѣняя слоговъ ни буквъ. Но я приведу всеобщимъ извѣстнѣйшій примѣръ. Наши Тирингскіе мужики не понимаютъ ли же самымъ Нѣмецкимъ языкомъ говорятъ какъ и мы? однакожъ несмотря на то не вразумителенъ намъ языкъ ихъ, когда къ оному не привыкли.

Правда у меня не достаетъ здѣсь нѣсколькихъ опытовъ, но я не думаю ошибиться, когда буду такого мнѣнія, что найдутся въ языкѣ Тирингскихъ Нѣмецкихъ мужиковъ такіе голоса, въ которыхъ непривыкшей слухъ не можетъ разпознать ни слоговъ, ниже буквъ. Развѣ сіи люди говорятъ языкомъ животныхъ т. е. произносятся одни звоны нераздѣленные на частицы?

Извѣстно всеобщимъ изъ описаній путешествій, что есть такіе языки, для выраженія коихъ употребляемая нами буквы будутъ недостаточны; и для сего по многія путешественники, желая единоземцамъ своимъ дать нѣкоторое понятіе о языкахъ сихъ, уподобляютъ его съ языкомъ какого нибудь животного, на примѣръ Индѣйскихъ пѣшуховъ.

Наконецъ могутъ также, по моему мнѣнію, нѣкоторые голоса животныхъ
выра-

выражены бытъ нѣкоторыми музыкаль-
ными инструментами. Слѣдовательно
должно ихъ выразить также помощію
нотъ. Слѣдовательно можно ихъ и писать;
и когда ихъ можно написать, то не при-
ведетъ ли на мысль всякой знающей но-
ты, когда ихъ увидитъ, всѣ наименова-
нія нотъ тому подобныхъ; и еслили
ему заблаго разсудится, то не можетъ
ли онъ другому прочесть? но языкъ
способный для чтенія и писанія, можетъ
ли бытъ на частицы не раздѣльный?
столько же мало думаю я, какъ и му-
зыка, которая, когда она порядочно и
правильно расположена, не можетъ быть
нераздѣленною на частицы.

Можетъ бытъ мнѣ скажутъ, что му-
зыка не есть языкъ: я согласенъ, что язы-
комъ человѣческимъ бытъ она не можетъ;
но слѣдуетъ ли изъ сего, чтобы сіе было
невозможнымъ въ разсужденіи живописныхъ?

Развѣ помощію тактовъ, состоя-
щихъ изъ одинаковыхъ нотъ, менѣе
понятій соединяется, нежели помощію
словъ составленныхъ изъ слоговъ и
буквъ? по крайней мѣрѣ, говоритъ Ци-
церонъ, никакая музыка не можетъ сра-
вниться съ хорошорасположенною рѣчью,
которой подперою наипончайшій выго-
воръ; и я ласкаю себя, что еслили бы я
хотя малое имѣлъ свѣдѣніе въ музы-
каль-

кальномъ искусствѣ, то бы не трудно мнѣ было подтвердить сіе положеніе твердымъ доказательствомъ. Ибо мы имѣемъ весьма извѣстную исторію, что одинъ искусный органистѣ разговаривалъ помощію органовъ съ славнымъ Бахомъ, которой скрывая себя его слушалъ, когда онъ такъ искусно умѣлъ выразить играніемъ сіи голоса *Bach*, что сей великій музыкантѣ тотчасъ понялъ. Что же тому причиною, что мы голоса животноныхъ не можемъ раздѣлить на слова, слоги и буквы? вѣроятно, что сія невозможность происходитъ не отъ свойства голосовъ животноныхъ, но отъ нашего незнанія, или паче отъ наименованій, которыя бы мы имѣ приписать должны или могли. Если бы я былъ при упомянутомъ случаѣ вмѣстѣ съ великимъ Бахомъ, труднобъ было меня увѣрить, органы ли его имя выговаривали. Но для сего было ли бы оно не выговорено органами, или не услышалъ ли бы я тоже самое, что *Bach* слышалъ?

При заключеніи сего, прошу я позволенія приложить только одинъ вопросъ, которой можетъ быть покажетъ мое незнаніе въ музыкѣ, мнѣ же весьма великимъ бытъ кажется; онъ слѣдующій: не возможно ли и не стоитъ ли сіе труда испытать, чтобы голоса животноныхъ,

Часть I. мѣс. Февр. 3 ныхъ,

ныхъ, копорыхъ мы не можемъ выразить помощію извѣстныхъ намъ буквъ, по крайней мѣрѣ какимъ бы нибудь способомъ можно было чипать, слѣдовательно и писать хотя помощію намъ уже извѣстныхъ или еще какихъ нибудь къ симъ изобрѣтенныхъ нотъ. Если бы сіе было возможно, то бы я съ моей спороны никакъ не сомнѣвался, чптобы не возможно было языкъ животнохъ на арпикулированные голоса раздѣлить, оныя почне опредѣлить и въ несравненно большихъ случаяхъ, какъ до того возможно было научиться, узнавать.

IV.

САЛАГЪ,

или

Опасность отъ привычки,
ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА.

Безпечность есть дщерь слабости, единоупробная сестра порока, и мать несчастій. Какъ скоро сія склонность природы ушвердился привычкою, то честолюбіе бытъ полезнымъ исчезаетъ, и надежда успѣть въ какомъ либо родѣ жизни погасаетъ: премудрость есть плодъ размышленія, преобрѣтаемый трудами;
потѣ

потѣ кто никогда не зрѣлъ лучей восходящаго солнца, умираетъ не слыжавъ о ней разглагольствія.

Часто развращенія! чти, и будь премудръ: Салагъ къ тебѣ сіе вѣщаетъ, пустынный Левантской, по пятидесяти седми лѣтахъ своего отъ свѣта удаленія, оставившій поученіе сіе роду человѣческому.

Я поже самое прежде былъ, что ты еси нынѣ, странникъ на земли, соглядатай звѣздъ, поржникъ и собиратель безсчетовныхъ сокровищъ, носившей ризу чести и слушавшей сладкое пѣніе ласкаательства. Любочестіе овладѣло моимъ сердцемъ, и я достигъ до знатныхъ чиновъ; но все сіе насыщая меня, не дѣлало довольнымъ: я позналъ мѣру нещастія и удалился отъ свѣта. Долгое время искалъ я того, что наконецъ обрѣлъ въ сей пустынѣ; то есть: пребываніе мало имѣющее нуждъ, желаній и заботъ, состояніе въ коемъ не обязанъ я плащись за людскія глупости, и покупать ихъ помощь. Въ семъ мѣстѣ сыскалъ я плоды, травы и воду, и на немъ намѣренъ ожидать часа смерти, коей пришествіе ни мало меня не устрашаетъ.

Сорокъ девять лѣтъ препроводилъ я въ разлукѣ съ смертными, не имѣя ни малой охоты къ ихъ сожитію. Въ нѣкоторый день взирая на висящую надъ келією моею каменную гору, почувствовалъ я желаніе взойти на оную; и побужденіе сіе хотѣлъ потчасъ уничтожить, не для того что оное было опасно, но по причинѣ его новости, а болѣе потому, что искусившійся разумъ не долженъ полагаться ни на какую переменну, не приносящую очевидно лучшей судьбины. Я опасался не предастъ ли меня сердце мое, не происходитъ ли любопытство сіе отъ скуки, и не скрываетъ ли въ себѣ любви къ міру. Тако размышляя, обратился я мгновенно мысли къ своему жилищу; но изступленіе мое часъ отъ часу возрастало, и я наконецъ почувствовалъ нѣкое угрызеніе совѣсти, вообразивъ себѣ не лѣность ли можетъ быть препятствуетъ мнѣ взойти на вершину Ливана.

И такъ возставъ прежде явленія зари, предпріялъ я трудное путешествіе по твердой сей горѣ; лѣта и бремя пищи чинили восходъ мой весьма медлительнымъ. Съ первыми лучами рождающагося дня подавшими мнѣ способность различать предстоянія, видѣлъ я, что скалъ горы становился часъ отъ часу утесистѣе, а песокъ безпрестанно обру-

обрушался подЪ моими ногами. Наконецъ по многотрудномЪ подвигѣ достигъ я на малую долину, окруженную каменными горами, съ одной полькою восточной стороны разверстую; обрѣвши сіе успокоеніе сълѣ желая собрать утраченныя силы. А по нѣкоемЪ отдохновеніи хотѣлѣ еще продолжати путь мой; но опасеніе, дабы совсѣмЪ не измощдишь тѣлесную крѣпость, вѣшви сплетенныя надъ моею главою составляющія зеленую сѣнь, и нѣжныя дхновенія весеннихъ вѣтровъ приносящія въ сіи прекрасныя мѣста прохлажденіе отъ водъ, и ароматы благоухающихъ цвѣтовъ, удержали меня на семъ мѣстѣ.

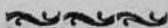
При размышленіи продолжати ли мнѣ свой путь, или положити ему путь предѣлѣ, внезапно нѣкая непонятная стѣсность объяла мои чувства; я приклонилъ главу на зеленый дернѣ, и палъ въ объятія сна. Мнѣ казалось будто слышу я шумѣ крилъ орлихъ, и будто вижу нѣкое существо превосходнѣйшее человека. Куда идешь ты Салагъ? рекло оно ко мнѣ, взоромъ и гласомъ внушающимъ довѣренность. Я отвѣтствовалъ, что желаніе побуждало меня посѣтити вершину горы, дабы съ оной насладити зрѣніемъ прекраснѣйшихъ позорищъ природы. Не иди далѣе, про-

должало оно, я изъясню тебѣ то, что предстанетъ твоему взору, до чего однакожъ простое твое понятіе достязать вѣчно не восстояніи. Я есмь одно изъ тѣхъ благихъ существъ, бдящихъ надъ чадами праха, охраняющихъ ихъ отъ злополучій, коихъ они не заслужили. Зри, внимай и изучись.

Я повиновался его велѣнію, и зрѣлъ гору, высящуюся паче горы Ливана, коей вершина шерялась въ облакахъ, а основаніе въ мрачной безднѣ. Ужаснувшись видя ее безъ подножія, висящу въ неизмѣримой пустотѣ, очи мои заблудились. Не устрашайся, сказалъ мнѣ Ангелъ, взведи паки взоръ твой и вникни.

Я усмотрѣлъ потомъ что низъ горы украшался пологимъ, покрытымъ цвѣтами скапомъ, средина ея была гораздо утесистѣе, исполненна дикими камнями и стремнинами, но насажденна плодоносными деревьями, и преукрашена великолѣпными черпогами какъ будто внезапно возникшими, а самая вершина являлась неплодоною и взору непріятною, однакожъ сквозь раселинъ каменныхъ зрѣлись вѣчно зеленѣющіяся лѣторасли, могущія давать помощь скользящимъ ногамъ пупника и сѣдалищи для успокоенія.

Примѣчая оное съ глубокимъ вниманіемъ, увидѣлъ я безчисленное множество срывающихъ цвѣты, рѣзвыхъ младенцовъ, подъ присмотромъ цѣломудренной дѣвы, одѣянной въ бѣлую ризу. Она позволяла имъ бѣгать вездѣ ни мало не препяшствуя, ибо на томъ мѣстѣ земля была гладка и они не могли ни упасъ ни заблудиться. Когда случалось имъ сорвать перніе вмѣсто крина, что и весьма часто бывало, то Нимфа сія смѣялась ошибкѣ ихъ. Щасливѣйшее соборище, говорилъ я самъ въ себѣ, препровождающее дни свои въ безопасности подъ толико пріятными и блаженными законами! — Однако сія дѣва не долго имѣла ихъ при себѣ: она отвела ихъ на возвышеннѣйшее предъ симъ мѣсто, гдѣ другая Нимфа, имѣя строгой взоръ и повелительный голосъ, отъ прежней оныхъ приняла. Они весьма не желали оставить свою родительницу; иные уходили прочь отъ новой своей повелительницы, которая вела ихъ по узкой и негладкой стезѣ; но бѣглецы сіи вмѣсто того чтобы ступать по первой своей дорогѣ, заблуждались въ горахъ между пины и пропастей.

Бойтесь привычки, твердила безпрестанно строгая Нимфа: она то дѣлаетъ страсти опасными; страсти раж-

даютъ преступленія, а привычка производитъ пороки; спрасъ заставляетъ себя ненавидѣть за собственныя свои чрезвычайности, но привычка напротивъ того угашаетъ угрызеніе совѣсти, и заграждаетъ путь къ премудрости. Узы ея далече проспирающіяся укрѣпляются, а человѣкъ живетъ и умираетъ въ невольничествѣ. — Спрашитесь привычки!

Вскорѣ Нимфа приблизилась къ срединѣ горы, гдѣ ужасной величины камни являли совсѣхъ споронъ спремныны и пропасти. Она вручила предводимыхъ ею другимъ двумъ величественнаго возраста и почтеннаго зрака женамъ, казавшимся снисшедшими съ неба. Одна повелѣвала народами, но повелѣніи получала отъ другой, и молчала внемля ея приказы.

Отшедшая Нимфа не была ни сожалѣема, ни возблагодарена отъ своихъ питомцовъ: они казались упрекающими ея за собственное незнаніе, и многія погрѣшности, о коихъ извѣстились они въ просвѣщеннѣйшей сей области.

Подначальствуемая Нимфа тако рекла имъ: я подаю вамъ одни только наставленія; ибо я не больше какъ путе-
водительница ваша, долженствующая препроводить васъ къ моей обладательни-
цѣ.

цѣ. Мы никакой не хотимъ другой имѣть кромѣ тебя, вскричало все собраніе. Берегись, я сотворена не для ради великаго числа: ахъ, сколько находится таковыхъ, коихъ не могла я сохранить отъ жестокости сильныхъ страстей? привычка, овладѣвшая ими въ мятежной странѣ побужденій, ввергнула ихъ въ бездну отчаянія. Мнѣ не должно васъ укорять, а только преподать вамъ наставленіе: здѣсь шествуя по стезѣ опасностей съ толкимъ безсиліемъ, имѣете вы нужду въ уздѣ и помочахъ, дабы послѣдовать за моими стопами. Видите ли вы крутящійся сей вихрь, затмѣвающий ваше зрѣніе? позади его воздвигнуты храмы блаженства, въ коихъ странники вѣчно успокояются отъ подъятыхъ ими въ путешествіи своемъ трудовъ. Страна сія мнѣ неизвѣстна, а отведу я васъ токмо въ ту, которая покажетъ вамъ путь къ предлежащей: я увидѣлъ все множество раздѣлившееся на двѣ части, изъ коихъ многочисленнѣйшая приклонилась къ первой Нимфѣ.

Довольно ли ты внялъ Салагъ, сказалъ мнѣ тогда небесный посланникъ? сія гора, кою ты видишь, есть гора существованія, представляющая жизнь чело-вѣческую; прежде нежели смертные достигнутъ до познанія добра и зла,

скипаются они по симъ испещреннымъ цвѣтами спезямъ, подѣ руководствомъ непорочности. Но по мѣрѣ какъ лѣта ихъ распускаютъ корень порока и добродѣтели, воспитаніе, а собливо сами они должны бдѣть за всѣми своими поступками. Какъ же скоро приближашся къ возрасту мужескому, къ трудамъ и опасности, то тогда разумъ и вѣра ведетъ ихъ тѣснымъ и неровнымъ путемъ жизни. Видишь ли ты какъ они безпрестанно въ семъ маломъ округѣ мучимы съ одной стороны побужденіями, а съ другой страстями? нападеніе первыхъ бываетъ гораздо стремительнѣе, а война послѣднихъ жесточае. Побужденія увлекаютъ ихъ съ усиліемъ съ прямой дороги; страсти шествуютъ сперва въ равномъ пущи съ разумомъ и вѣрою, и нечувствительно отворачаютъ въ лѣво, дабы потеряли путь къ возврату. Побужденія обыкновенно нападаютъ на непросвѣщенные души, а страсти покоряютъ благородныя сердца. Сильнѣйшее изъ всѣхъ побужденіе; а жесточайшая изъ страстей, сладострастіе, опаснѣйшее самое нападеніе есть то, когда побужденіе и страсть соединяютъ вмѣстѣ взаимныя свои силы, но гораздо лучше слѣдуютъ по спезѣ разума, когда страсть клонитъ въ одну сторону, а побужденіе въ другую. Воз-

Воззри сколь обширна ихъ область ; ибо узскія ихъ степи наполнены завсегда народомъ, а большія дороги разума и вѣры остаются пусты; особливо, взгляни какое преимущество имѣютъ они надъ разсудкомъ. Тѣ, коихъ похищаютъ у вѣры, вскорѣ призываются назадъ совѣстью, ея посланницею , которая безпрестанно предлагаетъ предъ глаза ихъ ученіе воспитанія ; вмѣсто того что разумъ будучи подкрѣпляемъ единымъ самимъ собою , часто надменностію предается обладающей имъ довѣренности и лишаясь въ скоромъ времени своей державы, уступаетъ привычкѣ. Видишь ли ты сію мучительницу , видишь ли какъ влечетъ она за собою обремененныхъ цепями, тѣхъ, коихъ обольстила, и заграждаетъ имъ слѣдъ къ надеждѣ возвращенія.

Дѣйствительно видѣлъ я сихъ заблуждшихъ смертныхъ, кои возвращаясь вспять при каждомъ гласѣ совѣсти, простирали къ вѣрѣ руки, проливали слезы о томъ, что оставили стезю правды, горѣли желаніемъ на оную паки вступить , усиливались прервать узы привычки, и оставались безжалостно мучимыми въ семъ зломъ плѣненіи.

Привычка гордясь своими побѣдами, дерзала вступать съ разумомъ въ условія, копорой завсегда проигрывалъ въ своихъ переговорахъ; онъ не могъ получить отъ нея кромѣ самаго крапчайшаго перемирія и весьма малой корысти; но никогда совершенной побѣды и швердаго мира. Въ самое то время когда полагался онъ на вѣрнѣйшую надежду, привычка похищала у него подданныхъ, и опводила ихъ въ шоржествѣ плѣнными. Вѣра гораздо повелительнѣйшая, не хотѣла вступать ни въ какое условіе; она имѣла также свои цепи какъ и привычка; и дабы болѣе искусить своихъ воиновъ, пріучала она ихъ къ труднымъ и мучительнымъ упражненіямъ; должно было быть весьма отважному, чтобы принять на брѣно за нею слѣдовать, но трудными ея подвигами удалялись весьма далече отъ привычки.

Отврати взоръ твой Салагъ, вѣщаль мнѣ духъ, и виждь не хотящихъ послѣдовать ни разуму ни вѣрѣ. Разсмотри прилѣжнѣе ихъ заблужденія и будь премудръ.

Однихъ видѣлъ я заблуждающихся отъ честолобія, показующаго имъ безпрестанно великолѣпныя чертоги, стоящія на вышинахъ; они за нимъ слѣдовали, а любочестіе вело ихъ изъ пропасти

сти въ пропасть, гдѣ многія изъ оныхъ погибли, и болѣе уже не являлись. Тѣ кои спаслись, по долговременномъ переходѣ и опасныхъ паденійхъ попадались въ руки сребролюбія, которое налагало на нихъ позлащенные желѣзные цепи; а они любуясь цѣловали оныя до тѣхъ поръ, пока низверглись въ хляби отчаянія.

Другіе ведомы невоздержностью стремились за благоуханіемъ чтобъ рвать плоды, висящіе съ каменныхъ горъ; но большая часть изъ оныхъ едва прикасалась къ визящымъ симъ произрастеніямъ, тогдажъ вѣшви, за кои они держались, опламывались; а несчастныя сіи поглащались пропастью, кою смерть подъ ногами ихъ ископала.

Прочіе же отвращались съ пупи разума къ лабиринту безпечности; но оглядываясь безпрестанно на оставленную ими спезю, всегда намѣрялись возвратиться, и отлагали сіе до завтра. Распустный пѣлъ и хохоталъ продолжая свою дорогу; горделивый торжествовалъ паденіемъ своего совмѣстника; но невольники безпечности не вкушали ни радости ни забавы. Пасмурны и непрворны влеклись они воздыхая до сада макомъ насѣннаго, въ коемъ задумчивость зашворяла за ними врапа, и безпокоила оныхъ

оныхъ безпрестанно во время сна ихъ, до дня опчаянія и гнѣва.

Помни Салагъ о всемъ помъ, что ты видѣлъ, и будь премудръ.

При сихъ словахъ я возбудился, и ощутилъ себя посреди горы Ливана въ самое то время, какъ малые пернатые взвѣспили, повпоряемыми своими глазами, явленіе первыхъ лучей солнца.

V.

ПРАВОСУДІЕ

и

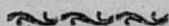
ОТЕЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Одинъ купецъ именемъ Ямесъ Линхъ Фицстефенъ избранъ былъ въ 1526 году Бургомистромъ въ Ирландіи въ городѣ Галваѣ, въ которомъ онъ родился, и имѣя у себя одного только сына отправилъ его для покупки вина въ Испанію въ городѣ Бильбоа, начальникомъ на одномъ изъ своихъ кораблей. Въ семъ городѣ онъ уже за долго предъ симъ производя торгъ снискалъ себѣ великую отъ всѣхъ довѣренность. Молодой Линхъ вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ. Онъ утаилъ деньги ввѣренныя ему опцомъ его для закупки вина. Испанской купецъ, который оное ставилъ, послалъ съ нимъ племянника своего въ Ирландію.

Ирландію для полученія за то денегъ и для нужнаго договору о будущей перепискѣ. Оба сіи молодые люди бывшіе почти одинакихъ лѣтъ, отправились изъ Испаніи, какъ казалось, съ такою пріятностію и удовольствіемъ, каковое чувствуютъ согласныя сердца находясь совершенно въ одинакомъ состояніи. Въ молодомъ Испанцѣ видно было ужè напередъ безпритворное и благородное чувствованіе всей радости отъ тѣхъ щасливыхъ дней, которые доставитъ ему дружба чрезъ короткое съ его знакомцемъ обращеніе. Между тѣмъ корабль ихъ плылъ безъ всякаго помѣшательства и не задерживаемъ будучи никакою опасностію, ежедневно приближались они къ назначенному мѣсту; но поелику обманъ молодаго Линха долженъ былъ выпти наружу, то для отвращенія сего принялъ онъ злой умыслъ, чтобъ друга своего лишитъ жизни. На сей конецъ онъ испрашивалъ согласія отъ корабельщиковъ, и склонилъ большую часть изъ нихъ обѣщаніями, а другихъ угрозами на свою сторону. Такимъ образомъ ночью на пятой день ихъ пути спавивъ несчастнаго Испанца съ постели бросили въ море.

Спустя нѣсколько дней присталъ корабль къ берегу. Молодой Линхъ пріятъ

нятъ былъ съ радостію отъ отца и друзей своихъ, и вскорѣ послѣ того получилъ значной капиталъ къ возстановленію собственнаго своего торгу. Онъ прикрывъ учиненное смертоубійство пришелъ въ совершенную безопасность. Одинъ изъ его сосѣдей имѣлъ у себя дочь, которая была красавица; онъ спалъ искалъ ее въ супружество, почему отецъ ея и сговорилъ за него. Уже день къ свадьбѣ былъ назначенъ, какъ одинъ изъ мажорсовъ соучаствовавшихъ съ нимъ въ злодѣйствѣ занемогъ, и видя себя при смерти велѣлъ позвать къ себѣ отца его, и рассказалъ ему подробно ужасный поступокъ его сына. Бѣдный отецъ стоялъ долгое время неподвиженъ и отъ ужаса и горести не могъ промолвить ни одного слова; — „Правосудіе долженствуешь бытъ удовлетворено, вскричалъ онъ наконецъ, и велѣлъ немедленно сына своего съ прочими сообщниками его преступленія взять и заключить въ темницу. При мучительномъ допросѣ всѣ признались, и нѣсколько дней спустя послѣ того малой городъ въ Ирландіи увидѣлъ такое позорище, какого рѣдко можно найти въ исторіи: отецъ дѣлаетъ приговоръ надъ своимъ сыномъ и осуждаетъ его на смерть, говоря: еспьлибъ кто другой, а не твой несчастный отецъ былъ

былъ

былъ надъ тобою судьей, то бы я со слезами его просилъ о дарованіи тебѣ живопа, хотя оный и оскверненъ смертоубійствомъ; но я занимаю мѣсто судьи и ты долженъ умереть! — Изъ глазъ моихъ льются теперь послѣднія слезы; они должны потушить плающую еще искру родительской моей къ тебѣ любви; — Моли небо, да не зашворитъ двери милосердія своего предъ тѣмъ, который отнялъ жизнь у своего ближняго.

Потомъ молодого Линха опять опрели въ темницу и малый срокъ былъ опредѣленъ до совершенія надъ нимъ казни. Всѣ жители города, которыхъ число простиралось около трехъ тысячъ человекъ, наполнены были ужаса и горести. Всѣ сродники сего преступника окруживъ отца заклинали его пощадить своего сына. Мать его прибѣгнувъ къ значнѣйшимъ изъ своей фамиліи, подъ именемъ *Блаке*, преклонила ихъ наконецъ къ тому, что они изъ любви къ чести своего поколѣнія обѣщались его избавить. Они вооружились было для освобожденія его изъ темницы, но отецъ узнавъ то, приказалъ привести его въ свой домъ, окруженный приставами. Палачу велѣно было при его глазахъ надѣть на шею его веревку. — „Тебѣ еще остается

жизнь нѣсколько минулъ, мой сынъ! употреби ихъ для спасенія души твоей; и наконецъ — прими сіи обѣщанія, прими еще въ послѣдній разъ — отъ несчастнаго и неутѣшнаго отца твоего. „ — Веревка была прикрѣплена къ окну, и палачамъ приказано замянуть шею его. — Въ мгновеніе ока сынъ его былъ уже мертвъ. — Подъ тѣмъ окномъ въ Ломбард-Шпреестѣ видны еще и понынѣ черепъ и кости, которые неупросимый отецъ повелѣлъ вѣшать въ черный мраморъ.

*Перепелъ съ нѣмецкаго языка
Василей Еропкинь.*

VI.

АВЛА ПЕРСІЯ

Сатира пторая.

Почти сей день, Макринъ, изъ дней твоихъ глас-
(шливымъ,

Онъ жизни твоея печенье умножаетъ.

Излей вино передъ Хранипелемъ твоимъ;

Не любишь жершвы пы богаты приносишь,

И какъ бы подкупляешь въ мольбѣ боговъ безсмертныхъ.

Ты не спыдишься въ слухъ молитвы возсылаши.

Большая часть людей устами шевелятъ,

Чтобъ не слышали безспыдныхъ ихъ молитвъ;

Не можно перевести молильщиковъ шепшанья,

И шрудно возносишь молитвы ошкровенны.

„ Чтобъ здравый разумъ, честь, довѣренность имѣшь,

То яснымъ голосомъ, и въ слухъ всѣмъ говоряшь.

Но всякой внушренно объ инномъ помышляетъ:

„О Еспылибѣ поскорѣй изъ дяди духъ вонъ вышелъ!
 „Дождусь ли я того, чшобѣ мнѣ найши гдѣ кладъ?
 „Увижуль, чшобѣ испылъ когда мальчишка пошѣ,
 „По смерти коего мнѣ слѣдуетъ наследство.
 „Да! можетъ бышь дождусь; ужъ добрая чесотка
 „Онѣ ногѣ до головы являешся на немѣ.
 „О а) Нерій счастливый! шы прешью взялъ жену,
 „И прешіе шебѣ приданое досталось.

Чшобы свяшо сіе у Бога испросити,
 По шрижды моешся шы въ Тибрѣ поушру.
 Послушай! опвѣчай! о Богѣ какъ шы мнишь?
 По мнѣнью швоему Онѣ спомшѣ ли шой чести,
 Чшобѣ предпочешъ Его кому нибудъ изъ смершныхъ?
 Комужѣ? хошь б) Стаію? или сумнишся шы?
 Кто лучший судья бышь можетъ сиротамъ?
 Скажижѣ шо Стаію, чшо Зевсу говоришь,
 Онѣ сѣ гнѣвомъ воскричитѣ; о Боже, сильный Боже!
 Но самъ Зевесѣ, шы мнишь, себя не воззоветѣ?
 Ты думаешъ, чшо онѣ забылъ швои грѣхи,
 Чшо сѣ прескомѣ дерево онѣ спрѣлъ его разишся,
 А не швой домѣ, иль шы? или шы мыслишь,
 Чшо какъ шы не лежишь поверженѣ на земли,
 То ужѣ шебѣ Зевесѣ дастѣ бороду чесать.

Какою вещію умилоспивишь Бога,
 Ты мыслишь? легкимѣ иль другимѣ чѣмѣ? о безумный,
 Вотѣ бабушка, или бояшся боговѣ,
 Усердна пешушка младенца взявѣ къ себѣ,
 Успа его и добѣ чистишельною слиной
 Сѣ великимѣ шщаніемѣ середнимѣ пальцемѣ мажетѣ;
 Искусна будучи въ опгнаніи уроковѣ,
 Ни лба, ни мягкихѣ усшѣ, ни слины не щадитѣ.
 Потомѣ прешія рукой надеждѣ просшираетѣ
 То въ (в) Лициніевы богатшыя поля,

И 2

То

- (а) Нерій былѣ шребеззаконный человѣкѣ, который
 обогатившиш послѣ многихѣ женѣ приданымѣ здѣ-
 лался откупщикомѣ.
 (б) Стай Албій Опіанинѣ былѣ шребеззаконный че-
 ловѣкѣ и мздоимной судья во времена Цицероновы.
 (в) Лицинѣ былѣ Августовѣ брадобрей, и оппущеникѣ,
 которой по милоспи своего Государя здѣлался наи-
 богатшійшимѣ человѣкомѣ.

То въ Крассовы зѣло украшенны чершогн.
 „ Да пожелаешъ Царь съ Царицею своей,
 „ Чшобъ онѣ быль зятемъ ихъ; невѣсты на расхвашъ
 „ Да щдася женихомъ своимъ его имѣшь.
 „ Да будущъ розы шамъ, гдѣ онѣ ногой наступилъ.
 Но я кормилцѣ такъ не велю молишья;
 Опринь сію мольбу всевидящій Зевесъ,
 Хошябъ тебя о томъ съ обрядами просижи.

Ты просишь здравія, и крѣпости на старость;
 Пусть такъ: но жирная съ свиной сочной пища
 Все щдешнымъ дѣлаешъ моленіе швое,
 И вышнему велишъ совсѣмъ тебя презрѣшь.
 Желючи свой домъ наполниши богатшвомъ
 Къ Меркурію несешъ богатую пы жершву
 И молишь: „ Боже! дай мнѣ щдасіе во всемъ,
 „ Дай, чшобъ водился скотъ, чшобъ множились спада.
 Безумный! щдешная швоя сія молитва,
 Когда шшликое число шельцевъ сжигаешъ.

Однакъ печенокъ онѣ сжигашъ не прешаешъ.
 „ (г) Ужъ множашя поля, прибавилось овецъ.
 „ Ужъ будешъ вошъ, уже не долго дожидашся.
 Дошоль онѣ суешной себя надеждой шѣшилъ,
 Доволь не ишощилъ имущество швое.
 Какъ чашу я тебѣ злашую подарю,
 То съ радости швое, все сердце возшрепещешъ,
 По ешому пы мнишь, чшо равно шакъ и боги
 Взираюшъ съ радостью на приносимы дары,
 За чѣмъ мы не несемъ въ даръ вышнимъ боже-
 (спвамъ,
 (Чего д) Мессалины принесъ не могушъ внуки)
 Правдивость, искренность и чисту съ сердцемъ мысль.
 Подайте ешо мнѣ; я въ храмы понесу
 И съ горшю муки милѣ Богу буду,
 Какъ нежели бы ешо принесъ шельцевъ на жершву.

VII.

(г) Говорилъ приносящій жершвы.

(д) Родъ Мессалиновъ былъ въ Римской Имперіи наи-
 богатѣйшій.

VII.

Празднаго прѣмени упражненіе.

О бѣднѣйшій человѣкъ! состояніе твое по истиннѣ жалости достойно, потому что ты дѣйствительно глазами своими слѣпъ, и ушами своими глухъ; да и всѣми прочими своими чувствами еже-часно въ заблужденіе приводимъ бываешь.

Помысли о своемъ скорѣй гиблющемъ бытіи; и увѣдай изъ онаго, что весь твой вѣкъ ежеминутно на одной ниткѣ виситъ; а сколь скоро та прервется, то неминуемо и жизнь твоя прекращена будетъ.

Гдѣжъ дѣнется тогда твоя пышность, честолюбіе, сладострастіе и прочія многія твои спраси, въ ровъ погибели тебя ведущія? Воспользуется тогда неблагодарной наслѣдникъ твой, а иногда и самые вѣщшіе враги твои, тѣмъ имѣніемъ, что ты столь рачительно ломая свою совѣсть, и губя свою душу разными образами накоплялъ; имъ въ жертву доставнешся.

Одна капля студеной или горячей воды, одинъ кусокъ соленого или кислаго вещества; одна ложка чего либо нибудь во внутреннихъ нашихъ частяхъ, возбуждающая вѣтры, или воспаляющая

шая нашу кровь минуша сквознаго или проноснаго вѣтра, можетъ тебя въ жилище мертвыхъ преселить; а ты еще дерской своею бытностію годишься? Войди въ себя заблаговременно, и припомни что ты ничто иное какъ прахъ, по краткомъ времени возвращающійся въ землю, изъ которой ты взятъ.

Но, о бѣдный человекъ! Коль ты тщетно обольщаешься своими сокровищами, а паче пучнымъ своимъ здравіемъ; въ мигъ все то можетъ погибнуть. Сложеніе твоего тѣла, по наружнымъ и внутреннимъ своимъ частямъ, ежечасному разрушенію твоего бытія подвержено.

Просмотримъ скоробѣжно сперва наружныя наши части, разрушеніе нашего плѣннаго состава по приключеніямъ могущимъ имъ быть о ничтожествѣ нашемъ ежечасно насъ угрожающими. Сподкнувшійся человекъ не легко ли можетъ руку или ногу переломить; вотъ и случай анпонову огню опворяющему двери гробницы нашей. Но что я говорю? Бездѣльная, но неосторожно вырѣзанная мозоль можетъ насъ во гробъ положить. Нечаянное уколоніе каковой либо ядовитой самомалѣйшей несѣкомой слѣдствіемъ своимъ прервать вѣкъ нашъ достапочно.

Есть-

ЕстьлижѢ мы теперь обратимѢ взорѢ нашѢ на внутреннїя наши части , то есть : на легкое, дыханїе наше во всегдашнемѢ умѢренномѢ движенїи содержащее ; на сердце наше, принимающее сѢ одной стороны кровь нашу, а сѢ другой равномерно испускающее ; на печень нашу, по размѢрности своей нужное количество кѢ сваренїю вѢ желудкѢ нашемѢ пищи приспойную часть желчи подаваемую ; на селезенку нашу, вспомошествовая и соотвѢтспивуя легкому нашему своимѢ содѢйствиемѢ ; на самой нашѢ желудокѢ, варящїй или лучше сказать истирающїй нашу пищу, и на пузырь нашѢ, излишнюю влажность нашу ко испушенїю приготавлиющїй : то коль щасливы мы и благополучны вѢ тѢ времена пребываемѢ, когда всѢ сіи вѢ назначенномѢ ихѢ дѢйствии вѢ исправности состоятѢ.

Но еслии изѢ сихѢ внутреннихѢ нашихѢ частей наималѢйшая чѢмѢ либо нибудь отѢ пищи или питїя повредится, то гдѢ мы найдемѢ вѢ свѢтѢ врача, которой бы могѢ узнать насоящую причину внутреннихѢ нашихѢ болѢзней, и вѢрной способѢ насѢ отѢ оной излечить ? Не все ли ихѢ искусство на одной догадкѢ состоитѢ и основано ?

Сїе то есть самое наше обольщенїе. И часто случается, что Медики лечатѢ

насъ отъ печенки тогда, когда страждетъ у насъ во внутренности или легкое, или селезенка.

По симъ по точно правиламъ нѣтъ ничего вѣрнаго въ Медицинѣ; но Хирургія въ похвалѣ своей на вѣки предостанется потому, что она не внутренняя невидимая, но наружная и весьма явныя скорби и раны излечиваетъ.

Есть на землѣ нѣкоторыя Богомъ избранныя Альхимистскіе адепты могущіе внутреннія наши болѣзни и пороки поправить универсальнымъ, или всеобщимъ лекарствомъ. Но то несчастіе наше, что таковыхъ праведныхъ весьма мало находится. И хотя бы оныя и сыскались могли, но пока до главной всеобщей Медицины они дойти не могутъ, находясь уже всѣ въ крайнемъ изнеможеніи и бѣднѣйшемъ состояніи, потому что правительство или лучше сказать общество воспѣщается таковымъ отъ Бога избраннымъ людямъ помогать, а въ самомъ дѣлѣ есть то, что сказалъ и самъ Господь: *Утаилъ еси отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцамъ, то есть невѣждамъ, ей отче за не тако бысть благополеніе предъ тобою.*

Спрашисъ же всякъ смертный сего Господня изрѣченія; и знай, что вѣкъ твой

твой отъ дня до дня только длится; оставь же всѣ свои неправды, и прибѣгни ко Творцу Спасителю твоему, возопій къ нему съ сердечнымъ гласомъ умиленія. Авва, отче помилуй и спаси мя.

Совсѣмъ тѣмъ не опчаявайся милости его и щедротъ, коихъ есть неисчерпаемая бездна. И онъ и въ двенадцатомъ часу возвратившихся къ нему съ сокрушеннымъ сердцемъ равнобѣрно награждаетъ съ понесшими трудъ и варъ цѣлаго дня.

VIII.

Рѣчь Исократа къ Демонику.

Любезной Демоникъ, естли ты разсуждая и размышляя во многихъ дѣлахъ находишь, что великое различіе есть между добрыми и худыми людьми: то несказанно большее еще несходство достойно порицанія во взаимныхъ ихъ обожденіяхъ. Ибо одни только въ присудствіи почитаютъ друзей; а другіе, хотя бы въ отдаленнѣйшихъ находились мѣстахъ, должную къ онымъ хранятъ любовь. Но порочныхъ людей дружество въ короткое время разрушается. Напрощивъ того, дружество добродѣтельныхъ

ныхъ никакое время загладить не можетъ. И такъ я разсуждая, что желающимъ прославиться и пріобрѣсть похвалу въ наукахъ, должно въ подражаніе принять добрыхъ, а непорочныхъ людей: то послалъ тебѣ въ подарокъ сію рѣчь, въ залогъ моей къ тебѣ любви и въ знакъ взаимнаго нашего съ Гиппоникомъ опцемъ твоимъ дружества. Ибо кажется что дѣти, какъ оставшагося послѣ родителей богатства, такъ и опеческой дружбы наслѣдниками быть должны.

Я вижу, что намъ въ томъ и счастье вспомошествуетъ, и самое время способствуетъ. Ибо ты склоненъ къ наукамъ; а я въ обученіи другихъ тружуся: ты же нынѣ весьма стараешься о Философіи; а я пекущимся объ оной путь показываю. Но хопя тѣ, кои къ друзьямъ пишутъ убѣжденія, по справедливости славное предпріемлютъ дѣло: однако не въ томъ обращаются, что въ снисканіи мудрости есть самое лучшее; а которые юношамъ совѣтуютъ, чтобъ не столько упражняться въ сказываніи краснорѣчивыхъ рѣчей, сколько въ старались о украшеніи себя честностію: то сіи тѣмъ больше приносятъ слушателямъ пользы, что исправляютъ нравы, а оныя научаютъ ихъ только краснорѣчію.

рѣчию. Сего ради я не столько пишу къ тебѣ убѣжденіе какъ совѣтованіе, и хочу тебѣ совѣтовать: чего юноши должны желать и отъ чего воздерживаться, также съ какими людьми обращаться, и какимъ образомъ разумно жизнь расположить должны. Ибо которые по сей дорогѣ жизнь свою препровождаютъ будутъ, тѣ одни достигнуть могутъ добродѣтели, которой нѣтъ ничего превосходнѣе и постояннѣе. Потому, что красота тѣла или отъ долгошны лѣтъ портится, или отъ болѣзни увянуть можетъ, а богатство больше бываетъ орудіемъ пороковъ, нежели добродѣтели: ибо какъ юношамъ къ лѣности подаетъ способъ, такъ и искашь различныхъ увеселеній побуждаетъ, силы же съ благоразуміемъ соединенныя полезны: но если не имѣютъ онаго, то нѣмъ же самимъ, кои ими одарены, вредны: и какъ тѣла Ироевъ украшаютъ, такъ они же самые покрывая мракомъ мысль препятствуютъ ея излеченію. Обладаніе же добродѣтели въ которыхъ сердцахъ съ лѣтами вмѣстѣ возрасло, ни въ самой старости жилище свое не оставляетъ, и есть превосходнѣе богатствъ и полезнѣе знатности. Ибо чего сдѣлать другіе не въ состояніи, то посредствомъ ея во власть получаютъ. Что простому

народу наводитъ страхъ, то она одна великодушно сноситъ; въ праздности бытъ считаетъ за порокъ, а трудиться за похвалу себѣ вмѣняетъ: что легко можно видѣть какъ изъ Геркулесовыхъ сраженій, такъ изъ Фезеевыхъ дѣлъ, которые превосходствомъ нравовъ такую присоединили себѣ похвалу, что никакіе вѣки дѣла ими учиненныхъ забвенію предать не могутъ; также естли вспомнишь жизнь отца твоего, то собственной прекрасной будешь имѣть примѣръ изъ пѣхъ, которые я тебѣ представляю: ибо онъ не въ лѣности и въ нерадѣніи о добродѣтели препровождалъ жизнь свою, но пѣломъ трудился, а душой нещастія сносилъ: ниже былъ сребролюбивъ, но имѣніе свое употреблялъ какъ смертный, а о богатствѣ старался какъ безсмертный. Ниже жилъ презрѣнно, но былъ славенъ, знаменъ и благосклоненъ къ друзьямъ своимъ, больше же любилъ старающихся о честности, нежели сродниковъ своихъ. Ибо онъ думалъ, что для дружбы гораздо лучше природа, нежели законъ; нравы, нежели родъ; воля, нежели нужда. Не достанетъ мнѣ времени естлибъ я захотѣлъ исчислять всѣ славныя его дѣла. Но въ другое время щастельнѣе объ оныхъ предложу: между пѣмъ для виду упомянулъ я сердце Иппо-

никово, по которому ты такъ какъ по образцу жить долженъ: дабы опеческой добродѣтели подражать и удивляться, и нравы его имѣть за законъ. Ибо когда живописцы стараются изображать красоту живописныхъ; то безчестно для дѣтей не подражать въ честности своимъ родителямъ. Почему будь увѣренъ, что ни одинъ аплетъ не долженъ столько дѣлать приуготовленія противъ своихъ соперниковъ, сколько тебѣ стараться чпобъ быть подражателемъ своего отца. Не возможно такъ думать, естли кто не будетъ многими и хорошими правилами изобиловать. Ибо какъ тѣла умѣренными трудами, такъ умъ нашъ честностию возрастаетъ.

Сверхъ того я тебѣ постараюсь вкратцѣ показать, что чрезъ какое ты ученіе достигнуть добродѣтели и тѣмъ отъ другихъ славу и похвалу заслужить можешь. Почему во первыхъ ты свято почитай боговъ: не однимъ только приношеніемъ жертвъ, но и сохраненіемъ клятвы. Ибо первое естъ знакъ изобилія богатствъ; а послѣднее доказательство непорочности нравовъ. Естли когда честь воздавать богамъ надлежитъ, то особливо когда совершается общенародное молитвъ приношеніе. Ибо симъ образомъ откроятся предъ народомъ дѣла

дѣла твои, что и богамъ жертвуешь, и законы сохраняешь. Противъ родителей будь ты такимъ, какими желаешь имѣть къ себѣ дѣтей твоихъ. Упражняйся не въ тѣхъ трудахъ, которые силѣ надобны, но въ тѣхъ, которые здоровью полезны, и сіе получишь тогда, когда трудиться престанешь, прудиться же еще можешь. Никогда безразсудно не смѣйся; и не хвали дерзновенныхъ рѣчей, ибо одно есть знакъ глупости, а другое безумія. Что дѣлать безчестно, то не думай чтобъ и говорить было пристойно. Привыкай чтобъ днемъ не быть угрюмымъ а важнымъ; ибо первое относятъ къ гордости, а послѣднее благоразумію приписываютъ. Почитай великимъ себѣ украшеніемъ стыдливость, правосудіе и воздержаніе; ибо въ сихъ вещахъ юношей нравы познаются. Если что нибудь когда сдѣлалъ порочное, то не надѣйся чтобъ сіе сокрылось навѣки тайно; ибо хотя ты отъ другихъ утаишь, но самъ будешь объ ономъ извѣстенъ. Бога бойся, родителей почитай, друзей, законамъ повинуйся. Увеселеніямъ слѣдуй такимъ, которыя соединены съ честностію; ибо забава соединенная съ честностію, есть вещь добрая: но безъ оной худая. Сберегись оговоровъ и самыхъ ложныхъ; ибо мно-

гіе не зная істинны послѣдуютъ слуху. Представляй себѣ всякое дѣло твое такъ, что оно всѣмъ будетъ извѣстно, и хопя ты тогда оное скроешь: однако послѣ будетъ свѣдомо. Великую имѣть будешь отъ людей похвалу, естли узнаютъ, что ты воздерживаешься отъ того, чѣмъ другихъ обличаешь.

Естли желаешь научиться, по многому научишься.

Чему выучился, по упражненіемъ береги, а чему еще не научился, по посредствомъ науки достигь старайся. Также не похвально, слышавши полезную рѣчь, не пользоваться ею; и когда что нибудь доброе даютъ друзья не принимай.

Естли сколько нибудь имѣть будешь празднаго времени, по оное употребляй на ученіе. Отъ чего произойдетъ то, что другіе великими трудами пріобрѣли, ты пому легко научишься.

Разсуждай такъ, что похвальнѣе многому научишься, нежели великое множество собрать имѣнія. Ибо имѣнія легко лишиться можемъ, а по, чему мы обучились, на вѣки при насъ останется. Единая премудрость между прочими владѣніями безсмертною почитается. Не спрашись по причинѣ дальнаго

наго пути ишти кѢ шѢмѢ, о которыхѢ думаютѢ, что изучены чему нибудь полезному. Ибо когда купцы для умноженія имѢнїя пространнѢйшія проходятѢ моря: то стыдно бы было юношамѢ для украшенїя разума нейти сухимѢ пушемѢ.

Нравами старайся быть ласковымѢ, а вѢ словахѢ учпивымѢ. До ласковости же надлежитѢ, встрѢчающихся сѢ собою поздравлять: а до учпивости, кропко сѢ ними разговаривать. СнисходителенѢ будь ко всѢмѢ, но дружеское обращенїе имѢй только сѢ людьми добрыми. ТакимѢ образомѢ шѢхѢ избѢгнешь ненависти, а сихѢ снищешь дружество. Часто сѢ одними не разговаривай обѢ одной и той же вещи.

Налагай на себя своевольные труды, дабы и необходимые сносить могѢ. Старайся воздерживаться отѢ всѢхѢ шѢхѢ страстей, которыхѢ рабству покорить душу безчестно; они суть слѢдующїе: желанїе прибытковѢ, гнѢвъ, роскошь, печаль; а надѢ ними получишь побѢду такимѢ образомѢ, естли вѢ разсужденїи выгодѢ искать будешь того, чтобы могло славу, а не богатство швое умножить. ВѢ разсужденїи гнѢва, естли сѢ раздражающими себя поступишь такѢ, какѢ желаешь чтобѢ сѢ тобою раздраженнымѢ дру-

другіе поступали, а въ увеселеніяхъ, ешьли за порокъ будетъ считать повелѣвать рабами, не токмо служишь сладострастіямъ. Въ несчастіи ешьли возришь на бѣдность другихъ, вспомни, что и ты самъ родился человекомъ. Старайся прилѣжнѣе беречь слова, нежели деньги; ибо честнымъ людямъ надлежитъ бытъ вѣрнѣйшими въ словахъ, нежели въ клятвѣ.

Какъ порочнымъ вѣришь не должно, такъ напропивъ слова добрыхъ всякаго вѣроятія почидай бытъ достойными. Никому не открывай твоихъ тайностей, развѣ какъ тебѣ сказывающимъ, такъ равно и слушающимъ; извѣстно, что ты ихъ скрываешь.

Ешьли тебя будутъ принуждать къ клятвѣ, то для двухъ причинъ прибѣгай къ оной, или чтобъ самому свободиться отъ безчестнаго оговора, или чтобы друзей избавить отъ бѣдствій. А для денегъ никакимъ божествомъ не клянися, хотя бы ты и справедливо клялся, ибо однимъ вѣроломнымъ, а другимъ сребролюбивымъ покажешся.

Дружествомъ ни съ кѣмъ не соединяйся прежде, нежели узнаешь его друзей; какъ онъ поступаетъ съ ними, таковъ и къ тебѣ будетъ.

Не скоро старайся возстановлять дружество, сдѣлавшись же другомъ старайся такимъ навсегда оспаться; равномерно безчестно никого не имѣть другомъ и многихъ друзей перемѣнять.

Старайся испытывать друзей со вредомъ ихъ и показатъ на самомъ дѣлѣ, что ты ихъ другъ: учини оное тогда, когда никакой не будешь имѣть нужды, а притворися, что имѣешь оную; говори съ ними о не тайныхъ дѣлахъ, такъ какъ бы о тайныхъ. Ибо естли и обманутъ будешь, никакого изъ того вреда не получишь, естли же вѣрность сохраняешь, по нравы ихъ узнаешь; истинныхъ друзей испытай какъ въ нещастіяхъ жизни, такъ и въ общихъ опасностяхъ; ибо какъ золото огнемъ, такъ друзей нещастіями испытujemy. Также весьма хорошо будешь поступать съ друзьями, естли не будешь ждать, чтобъ они отъ тебя просили помощи, но добровольно въ опасностяхъ имъ помогай. Равномерно безчестно отъ непріятелей побѣждену бытъ злодѣяніями, а отъ друзей благодѣяніями.

Друзей хвали не тѣхъ только, которые соболѣзнуютъ о твоихъ нещастіяхъ, но и тѣхъ, кои благополучію твоему не завидуютъ. Ибо многіе о нещастіяхъ

щастіи друзей своихъ сожалѣютъ, въ благополучіи же находящимся завидуютъ.

Объ отсудствующихъ друзьяхъ дѣлай напоминовеніе при присудствующихъ, дабы тѣмъ показать, что ты оныхъ не пренебрегаешь.

Въ одеждѣ наблюдай изрядство, а не роскошь, ибо изрядство познается въ великолѣпіи, а не въ роскоши.

Никому не вмѣняй въ порокъ бѣдности. Ибо счастіе есть всѣмъ общее, и будущаго никто предвидѣть не можетъ.

Добрымъ людямъ благодѣтельствуй, ибо знатное есть сокровище милость, копорюю тебѣ долженъ доброй человѣкъ. Еслили злымъ будешь благодѣтельствовать, то тоже надъ тобою случится, что и надъ тѣми, кои кормятъ чужихъ собакъ. Ибо сіи животныя какъ на всѣхъ, такъ равно и на тѣхъ лаютъ, кои имъ хлѣбъ даютъ, а злочестивые столько же причиняютъ вреда своимъ благодѣтелямъ, сколько и вредящимъ ихъ. Ласкателей не меньше гнушайся какъ и обманщиковъ. Ибо какъ тѣ, такъ и другіе наносятъ вредъ тѣмъ, кои имъ вѣрятъ. Въ разсужденіи богатствъ люби не изобиліе, но умѣренное употребленіе.

Презирай тѣхъ, кои всегда стараются о умноженіи богатствъ, употребленіяжъ онаго не знаютъ. Ибо съ онимъ то же почти случается, что и съ тѣмъ, который бы купилъ хорошаго коня не умѣя управлять онимъ.

Старайся, чтобъ отъ богатства собрать плодъ и пользу; плодъ извѣстенъ тѣмъ, кои имъ наслаждаются умѣютъ: а пользу знаютъ употребляющіе оное. Богатство хвали для двухъ причинъ, первая, чтобъ въ случаѣ убытокъ снести могъ, вторая, чтобъ вѣрному другу помочь подать въ бѣдности; чтожъ до прочихъ случающихся въ жизни расходовъ касается: то не весьма богатство люби. Посредственно тѣмъ, что имѣешь, будь доволенъ: ищи вещей превосходнѣйшихъ.

Если ты изберешь такихъ друзей, которые твои худыя дѣла выхваляютъ: то повѣрь мнѣ, что ни одного такого не будешь имѣть, который бы твою ненависть принялъ за вещь добрую; къ тебѣ приходящимъ будь снисходителенъ а не гордъ, ибо и самые рабы гордость господъ своихъ едва могутъ снести; но кажется кротость всѣмъ пріятна и прекрасна; оная состоитъ въ томъ, чтобъ не быть сварливымъ, грубымъ и во всѣхъ дѣлахъ прошивнымъ: не надобно гнѣву пріятелей сурово прошивиться, хотя не-
спра-

справедливо гнѣваются: но имѣ во время гнѣва уступай, когда же гнѣвъ пройдетъ, ты долженъ ихъ увѣщевать. Въ дѣлахъ смѣшныхъ не будь важнымъ и въ важныхъ смѣшнымъ; ибо все что не къ статѣ употребляется, несносно: не заслуживши, не старайся припсти въ милость, которому пороку многіе причастны, кои хотя друзьямъ повинуются, однако принужденно по дѣлаютъ: не будь склоненъ къ ссорамъ, и другихъ не обличай, ибо къ гнѣву будешь побуждать. Весьма бы похвально ты учинилъ, естли бы удаляться сталъ товарищества въ пированіяхъ. Но естли обстоятельства тамъ бытъ требуютъ, выходи отсюда прежде нежели овладѣетъ тобою пьянство. Ибо когда у кого затѣмится мысль виномъ: то съ тѣмъ тоже случится, что и съ колесницами, потерявшими своихъ правителей, ибо какъ сіи безразсудно спремются, лишась оныхъ: такъ душа многимъ подвергается заблужденіямъ, когда умъ поврежденъ бываетъ. На безсмертіе взирай съ великодушіемъ: тлѣнное же люби съ умѣреннымъ онаго употребленіемъ; науку тѣмъ больше предпочитай невѣжеству, чѣмъ болѣе прочіе пороки получаютъ какой ни естъ плодъ: но она только одна отсюда терпитъ. Ибо ча-

сто потѣ, котораго озлобили словами; въ самой вещи наказывается.

Съ которыми установить хочешь дружество, объ оныхъ говори честно при очахъ тѣхъ, кои имѣ въ случаѣ пере-сказать могутъ. Ибо начало дружества есть похвала, а вражды поношеніе.

Когда разсуждаешь, изъ прошедшаго заключай о будущемъ; ибо что само по себѣ темно, то весьма ясно изъ прошедшаго усматриваютъ. Въ разматриваніи будь медлительнѣ: а въ исполненіи предпріятія поспѣшенѣ. Разсуждай что боги ничего превосходиѣ не даровали, какъ шастіе: а мы не имѣемъ ничего лучшаго, какъ благоразуміе. О которыхъ вещахъ открыто говоришь тебѣ покажется стыдно, но сообщить кому нибудь изъ друзей желаешь: то о такомъ дѣлѣ предлагай, какъ бы о поспороннемъ. Симъ образомъ ихъ мнѣніе узнаешь, своего же не откроешь.

Но когда въ твоихъ дѣлахъ желаешь отъ другаго совѣта, то во первыхъ ты разсмотрѣть долженъ, какъ онъ своими дѣлами управляетъ. Ибо кто свои управляетъ худо, тотъ никогда не можетъ въ чужихъ нуждахъ дать хорошаго совѣта; и такъ естли будешь помышлять, какой вредъ слѣдуетъ за безразсудностію, то научишься благоразумно при-

принимать совѣты. Ибо не малое пріемлемъ попеченіе о здоровьѣ, когда воспоминаемъ жестокость болѣзней. Подражай обычаямъ Государей, и ихъ прилѣжно разсматривай. Старайся, дабы показаться, что ихъ подтверждаешь и имъ послѣдовать хочешь; почему и народъ лучшаго о тебѣ будетъ мнѣнія и благосклонность ихъ къ себѣ утвердишь. Царскимъ законамъ повинуйся и ихъ волю почидай за твердѣйшей законъ. Какъ живущему въ народномъ обществѣ должно почипать народъ: такъ и тотъ, которой въ особѣ Царской отправляетъ дѣла, на Царя съ удивленіемъ взирать долженъ.

Получивши правительство, никакого порочнаго человѣка услугъ въ исполненіи дѣлъ не пріемли, ибо онъ какіе пороки сдѣлаетъ, то вину оныхъ на тебя возложитъ.

Отъ правленія публичныхъ должностей отходи не съ пріобретѣніемъ богатства, но съ полученіемъ славы; ибо похвала отъ народа приписанная превосходитъ всѣ богатства.

Не желай никакого порочнаго дѣла быть или помощникомъ, или покровителемъ: ибо подумаютъ, что и ты тоже дѣлаешь, если будешь защищать то, что другіе сдѣлали.

Такъ себя веди, чшобъ твое могущество было больше другихъ : однако живи съ прочими справедливо, дабы видѣли, что ты любишь правосудіе, не по малой власпи, но по праводушію.

Убожество съ правдою соединенное предпочитай богатству худо пріобретѣнному. Ибо правда тѣмъ превосходитъ имѣнія, что сіе только пользу приноситъ живущимъ, а она и умершимъ дѣлаетъ славу : имѣніе не рѣдко имѣютъ и злые люди, а правды порочные никакимъ образомъ достигнуть не могутъ. Никому изъ тѣхъ не подражай, кои несправедливыми прибытками обогащаются, но тѣхъ наипаче почитай, которые защищая правду претерпѣваютъ вредъ. Ибо естли люди праведные ничѣмъ не превосходятъ неправедныхъ, то по крайнѣй мѣрѣ хорошею надеждою упѣшаются. Какъ о всѣхъ вещахъ, кои къ житію надлежатъ, такъ наипаче о просвѣщеніи разума своего спарайся, ибо большая вещь содержится въ малой, и здравой разумъ заключается въ тѣлѣ человѣческомъ. Спарайся, чшобъ тѣло было способно къ трудамъ, а душа къ премудрости, дабы однимъ ты могъ исполнять опредѣленные дѣла, а другимъ предусматривать то, что для тебя будетъ полезно.

Что

Что ни намъ риваешься говорить, прежде самъ въ себѣ разсуди. Ибо много такихъ находится, которыхъ языкъ предупреждаетъ умъ. Ничего въ дѣлахъ человѣческихъ не почитай вѣчнымъ; почему въ щастіи не радуйся, а въ нещастіи не унывай. Для разговоровъ изъбери два время; одно о дѣлахъ тебѣ совершенно извѣстныхъ, а другое о такихъ, о которыхъ необходимо говорить должно. Въ сихъ только двухъ случаяхъ рѣчь превосходитъ молчаніе, а впрочемъ всегда похвальнѣе молчать, нежели говорить. Радуйся о щастливомъ успѣхѣ дѣлѣ, и терпѣливо также сноси, естли что прошивно случится; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, не будь открытъ, ибо стыдно богатство скрывать въ дому, мысли же души своей всѣмъ объявлять.

Берегись больше обличенія, нежели бѣдствія. Ибо какъ порочнымъ конецъ жизни, такъ добрымъ безчестная жизнь страшною казаться должна.

Старайся, чтобъ жить въ безопасности. Но естли когда будетъ такое время, что необходимо труды сносить должно, то ищи на войнѣ славы, соединенной съ честностію, но не съ безславіемъ, ибо судьба всѣмъ смерть опредѣлила, но честно умереть собственно

добродѣтельными людьми натура желаетъ.

Не долженъ ты удивляться, что много въ сказанномъ мною найдешь не сходнаго съ твоимъ возрастомъ. Ибо мнѣ сіе не безвѣстно; но мое намѣреніе было такое, чптобы въ сей моей рѣчи вмѣстѣ дать тебѣ совѣтъ и о способѣ настоящей жизни и оставить правила будущей. Ибо употребленіе сихъ правилъ легко уразумѣешь; но върнаго и благосклоннаго наставника не найдешь въ скоромъ времени. Я здѣсь ничего не пропустилъ, въ чемъ только совѣтовать могъ, дабы тебѣ самому не искашь иныхъ правилъ у другихъ, и чптобы ты опсюда, какъ бы изъ сокровища, добыть могъ. Великую Богу приносить буду благодарность, естли меня не обманетъ надежда, которою я о тебѣ себя ласкалъ. Ибо какъ многіе другіе увеселяются больше пріятною, нежели здоровою пищею; такъ точно видимъ и здѣсь, что лучше желаютъ имѣть друзей такихъ, которые согласны на всѣ ихъ склонности, нежели тѣхъ, кои обличаютъ ихъ пороки. Но о тебѣ увѣренъ я, что ты совсѣмъ противныхъ мыслей, имѣя доказательствомъ неуспѣшное твое стараніе, которое ты полагалъ, когда обучался другимъ знаніямъ.

Ибо

Ибо кто самъ себѣ опредѣлилъ заниматьса всѣми добрыми дѣлами, о томъ можно думать, что онъ и въ слушаніи другихъ, увѣщающихъ къ добродѣтели, можетъ быть вяшенъ. Великое имѣть будешь поощреніе къ упражненію въ честныхъ дѣлахъ, естли узнаешь, что мы изъ оныхъ получаемъ чистѣйшія увеселенія. Ибо изъ лѣности и неумѣреннаго употребленія вещей, касающихся до тѣла, скоро раждается болѣзнь, но старайся о добродѣтели и благоразумно управлять жизнь свою, естъ истинное и постоянное удовольствіе. Ибо въ первомъ случаѣ съ начала радуемся, но послѣ же печалимся: а въ послѣднемъ по трудностяхъ вкушаемъ веселіе. Но во всѣхъ дѣлахъ не столько помнимъ начало, сколько конецъ чувствуемъ. Ибо мы въ жизни много стараемся не для самыхъ вещей, но для того, что послѣдуемъ обыкновенно изъ оныхъ; разсуждай и о семъ, что просымъ людямъ все прилично дѣлать, что имъ нравится; ибо такое съ начала жизни положили основаніе: напротивъ того, честнымъ мужамъ не дозволено пренебрегать добродѣтель, естли не хотятъ многихъ имѣть обличителей; понеже всѣ не столько порочныхъ ненавидятъ, сколько тѣхъ, кои видѣ на себя приемлютъ добродѣтельныхъ,

ныхъ, однако ничѣмъ отъ подлаго народа не разнятся, и сего они достойны. Ибо мы когда хулимъ только обманывающихъ словами: то сколь тѣхъ негодныхъ людей поносить должны, которые чрезъ всю жизнь никакого достойнаго своего званія дѣла не учинили? По чему такіе люди справедливо почитаются не только собственными врагами, но и щастія своего измѣнщиками: ибо оно имъ и богатство, и славу и друзей даровало, но они сами дѣлаютъ себя не достойными настоящаго ихъ щастія. Если позволительно смертному волю боговъ, доходя понкостію мыслей, испытывать: то думаю, что они въ самомъ тѣснѣйшемъ вещей союзѣ показали, сколько люди, прославившіе жизнь свою добрыми дѣлами, имъ пріятны, и сколько напропивъ опорочившіе ее дѣянїями отвратительны. Ибо Юпитеръ, которой (какъ говоритъ баснословіе и всѣ тому вѣрятъ) родилъ Геркулеса и Танпола, и одному за славныя его дѣла даровалъ безсмертіе, а другаго за его порочную жизнь наказалъ жестокими казнями: то должно взирая на сіи примѣры искать добродѣтели и честности: и не только храни то, что я тебѣ сказалъ, но и хорошія стихотворческія сочиненія учи на память, и прочихъ разумныхъ людей

книги, естли что полезное пишутъ ;
читай. Ибо какъ пчела садится на
всѣхъ цвѣткахъ и съ каждаго лучшее
только собираетъ: такъ и старающимъ
о мудрости ни въ какихъ вещахъ не
должно быть не знающимъ, но оп-
всюду собирать лучшее. Ибо едва и си-
ми трудами поврежденное наше есте-
ство исправить будемъ въ состояніи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стран.
I. Жизнь Едуарда Ворплея -	81
II. Модная вдова -	95
III. О языкѣ животноныхъ -	107
IV. Салагѣ, или опасность отъ привычки, восточная сказка -	114
V. Правосудіе и опеческая любовь	126
VI. Авла Персія сапира вторая -	130
VII. Празднаго времени упражненіе	133
VIII. Рѣчь Исократѣ кѣ Демонику.	137

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Мартъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
СВЯТѢЙШАГО
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА
ЧЛЕНУ,
ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ,
САМУИЛУ,
АРХІЕПИСКОПУ
РОСТОВСКОМУ
И
ЯРОСЛАВСКОМУ:

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО!

Чувствополаніе милости, которой я по сіе время Вашимъ Высокопреосвященствомъ былъ удостоенъ, давно уже требовало отъ меня засвидѣтельствованія моего благодарности. Громкое пѣ ученое спѣтѣ имя, и любовь, которую Ваше Высокопреосвященство исполните оказывать ко всѣмъ учащимся, напомнили мнѣ, что находясь при учебномъ мѣстѣ желанія своего исполнить способнѣе не могу, какъ естьли предстаплю Вашему Высокопреосвященству, яко любителю и покровителю наукъ опытѣ малаго моего пѣ нихъ упражненія и успѣховѣ.

хотѣ. Почему употребилъ остальные
отъ моего ученія часы, перепелъ я сіе, одно
изъ прекраснѣйшихъ Сенекиныхъ сочиненій,
которое нѣ знакъ моего глубочайшаго
къ Вашему Высокопреосвященству почтенія
и преданности честь имѣю посвятить.

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Всенижайшій и покорнѣйшій слуга

Даврентій Давидовскій.

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ
ВЕЛИКАГО ФИЛОСОФА СЕНЕКИ

О

КРАТКОСТИ ЖИЗНИ.

ГЛАВА I.

Любезной Павлинѣ! Большая часть смер-
тныхъ ропщетъ на несправедли-
вость природы, что мы недолговѣчны-
ми раждаемся, да и сіе данное намъ вре-
мя такъ скоро и спремительно пропе-
каетъ, что исключивъ очень не многихъ,
прочихъ, въ самомъ приуготовленіи къ
жизни, оныя лишаетъ. И сіе, по ихъ
мнѣнію, общее несчастіе не однихъ
только простолюдиновъ заставило воз-
дыхать; но оно и въ великихъ также
людяхъ произвело жалобы. Сіе то по-

нудило перваго въ врачебной наукѣ Иппократа сказать, что жизнь коротка, а наука долговременна. По сей причинѣ Аристотель разсуждая о природѣ выговорилъ сіи непристойныя разумному мужу слова: природа пріятствуя только неразумнымъ живошнымъ позволила имъ жить чрезъ пять, или и десять вѣковъ, а человеку для произведенія столь великихъ дѣлъ рожденному, шѣмъ ближайшій положила предѣлъ. Нѣшъ, мы никакъ не мало времени имѣемъ, но много онаго теряемъ. Жизнь довольно долга, и для совершенія самыхъ величайшихъ дѣлъ довольно бы доставала, естли бы вся порядочно употребляема была. Но когда въ роскошахъ и нерадѣніи протекаетъ безъ всякаго творенія добрыхъ дѣлъ, то наконецъ при послѣднемъ издыханіи уже почувствуемъ только окончаніе, прежде не чувствовавъ печенія оныя. По истиннѣ мы жизни не получаемъ краткою; но дѣлаемъ ее таковою: и не только не имѣемъ въ ней недостатка, но и распочаемъ. Подобно какъ великое и государское богатство, когда достанется худому хозяину, въ мгновеніе бываетъ распочено: напротивъ того хотя умѣренное въ рукахъ бережливаго съ употребленіемъ умножается: такъ и жизнь наша для распо-

ла-

лагающаго оную хорошо, очень доста-
точна.

Г Л А В А II.

Для чего намъ жаловаться на при-
роду? она къ намъ очень благосклонна.
И жизнь, естли ее хорошо употреблять,
долга. Однимъ овладѣла ненасытимая
скупость: другой изнуряется прилѣжа
къ излишнимъ трудамъ: а иной упо-
паеетъ въ пьянствѣ: иной коснѣетъ въ
нерадѣнїи: инаго мучитъ основанное
на чужихъ мнѣнїяхъ славолюбіе: иной
имѣя спремительное желаніе къ торго-
влѣ и надѣясь получить прибыль, обе-
каетъ всѣ земли и моря. Нѣкоторыхъ
мучитъ склонность къ войнѣ, по копо-
рой они завсегда или другихъ стара-
ются ввергнуть въ опасность, или сами
оня страшатся: а есть еще и такіе,
которые будучи принужденны противъ
своей воли отдавать почтеніе вышшимъ,
добровольнымъ рабствомъ измучиваются.
У многихъ или зависть къ чужемущастію,
или ненависть къ собственному, время
отняла. А не меньше того, все извѣ-
стное презирающихъ вѣпреное, непосто-
янное и самому себѣ противное легкомы-
сліе новыми и разными предпрїятїями
изнурило. Нѣкоторые же ничего не нахо-
дятъ достойнаго своего вниманїя; но въ
К 4 ску-

скукѣ и дремотѣ ожидаютъ своей судьбины: такъ что я не могу сумнѣваться о справедливости божественно произнесеннаго первѣйшимъ изъ Пимѣ:

Мы очень малую часть жизни проживаемъ. Прочее же оныя теченіе не есть жизнь, но время. Со всѣхъ сторонъ обстоитъ пороки и не попускаютъ восставать, или поднимать глаза для разсмотрѣнія истинны; но погруживъ въ роскоши угнѣщаютъ. Никогда они не могутъ приходиться въ себя, хотя иногда случайно и пользуются чрезъ нѣкоторое время покоемъ: они, какъ бы въ глубинѣ морской котлорая и послѣ въщровъ волнуется, колеблется, и страсти не даютъ имъ никогда покоя. Ты думаешь, что я о тѣхъ говорю, кои отъ бѣдности погибаютъ? нѣтъ, посмотри на тѣхъ, коихъ щастіе отъсюду къ себѣ привлекаетъ: ихъ собственное свое добро лишаетъ дыханія. Сколь многимъ богатство въ тяжесть? сколь многіе для показанія своего разума пробѣгая всякой день поле краснорѣчія чахнутъ? сколь многіе изнуренны непрестаннымъ сладострастіемъ? сколь у многихъ отнимаетъ все время окружающее ихъ множество Клиентовъ? Наконецъ пробѣги сихъ отъ самыхъ нижшихъ до самыхъ вышшихъ: одинъ призываетъ,

ДРУ-

другой приходитъ, одинъ находится въ опасности, другой защищаетъ, третій осуждаетъ. Никто не спарается быть своимъ; одинъ для другаго истощевается. Спроси сихъ Кліентовъ: что увидишь между ими различіе только въ томъ, что тотъ одного, другой другаго, а своего ни кого нѣтъ. При томъ преглупо нѣкоторыя негодуютъ, что вышшіе съ презрѣнія, когда они ихъ посѣщаютъ желаютъ, не оставляютъ дѣла. Всякъ отваживается жаловаться на гордость другихъ, кто себя никогда не разсматривалъ? вышшій, кто бы онъ ни былъ, хотя съ презрительнымъ видомъ и не вдругъ, однако оглянулся на себя и свои слова выслушалъ: онъ позволилъ тебѣ приблизиться къ себѣ; а ты самъ себя никогда не удостоивалъ своего воззрѣнія и вниманія.

Г Л А В А III.

И такъ не для чего требовать отъ другихъ визитовъ; поелику сіе дѣлалъ бы ты не отъ желанія быть съ другимъ; но отъ того, что не могъ бы быть во уединеніи. Всѣ, сколько когда ни было великихъ умовъ, въ томъ согласны, что они сему человѣческому безумію не могли и не могутъ довольно надивиться. Деревнями своими овладѣть никому не

попускаютъ, а о опредѣленіи границъ
 еслии хотя малой споръ произойдетъ,
 то за камни и оружія принимаются: на-
 прошивъ того наступать на свою жизнь
 другимъ не только позволяютъ; но еще
 желающихъ оною овладѣть сами приво-
 дятъ. Никого такого нѣтъ, который
 бы желалъ раздѣлить свои деньги: но
 жизнь всякъ сколь многимъ раздѣляетъ?
 дрожатъ какъ бы сохранить наслѣдство:
 но какъ только дѣло дошло до времени,
 то и бережливость вся погибла; хотя
 въ разсужденіи одного только времени
 скупымъ быть честно. И такъ воз-
 мемъ когонибудь изъ стариковъ: мы
 видимъ, что ты уже достигъ самыхъ
 позднихъ дней человѣческой жизни. Тебѣ
 уже сто, или и больше лѣтъ. Давай же
 расчетъ своей жизни. Скажи, сколько се-
 го времени кредиторъ, сколько любов-
 ница, сколько Государь, сколько Клиен-
 ты у тебя опияли: сколько ссоры съ
 женою, сколько укрощеніе рабовъ, сколь-
 ко визиты. Прибавь къ сему еще болѣз-
 ни, въ которыя мы сами себя повер-
 гаемъ; прибавь сколько ты прогулялъ:
 то увидишь, что ты гораздо меньше
 лѣтъ имѣешь нежели щипаешь. Вспомни
 когда ты спокоенъ былъ духомъ въ
 твоихъ предпріятіяхъ, сколько дней
 протекло такъ, какъ ты располагалъ;

когда ты собою наслаждался; когда твое лицо было въ природномъ своемъ расположеніи; когда ты духомъ былъ спокоенъ; что ты чрезъ столь долгой вѣкъ сдѣлалъ; сколько многіе безъ ощущенія твоего расхитили твою жизнь; сколько безполезная печаль, безумная радость, сколько невоздержная похопливость, и прелестное обращеніе у тебя времени унесло? сколь мало тебѣ собственно твоего осталось: то узнаешь, что ты еще гораздо нездѣлымъ умираешь.

Г Л А В А IV.

Какаяжѣ сему причина? та, что вы такъ живете, какъ бы ваша жизнь была вѣчна, и никогда не приводите себѣ на мысль вашей слабости. Не примѣчаете сколько уже времени прошло. Вы его такъ какъ бы изъ чего съ лишкомъ наполненнаго расточаете, не вѣдая, что можетъ быть тотъ самый день есть для какого челоука, или вещи, послѣдній. Вы все имѣете, какъ смертные, и всего желаете, какъ безсмертные. Услышишь у многихъ: я отъ пятидесяти лѣтъ спану жить въ покоѣ: шестьдесятое лѣто меня разрѣшитъ отъ моихъ должностей. Но кто наконецъ ручается, что ты будешь жить долго? Кто позволитъ сему быть по твоему расположенію? Не стыдно ли ко-

нецѣ

нецѢ своей жизни оставяя для себя, и то одно время посвятивъ на размышленіе, которое ни къ чему другому не годится? Сколь поздно тогда начинать жить, когда надобно кончить? Сколь безумно позабывъ смерть оплагать свое здоровое разсужденіе на пятидесятой и шестидесятой годѢ, и желая съ того времени начинать свою жизнь, до котораго не многіе дожили. Ты увидишь, что самыя великіе и высочайшей степени достоинствѢ достигшіе люди, спокойной жизни желаютъ, похваляютъ, и предполагаютъ всему своему счастью. Они не рѣдко желаютъ, если бы только безопасно было, съ оныя высоты сниси. Поелику и безъ наружныхъ ударовъ счастье само въ себѢ падаетъ.

Г Л А В А V.

Божественный АвгустѢ, прошивъ котораго никому больше благодѣяній боги не оказали, для препровожденія спокойно жизни, не отступно увольненія отъ республики просилъ. ВсѢ его рѣчи изображали чаяніе спокойствія. Симъ хотя ложнымъ, однакожъ пріятнымъ утѣшеніемъ, услаждалъ онъ всѢ свои труды, что когда нибудь станетъ жить для себя. Въ нѣкоторомъ письмѢ, писанномъ

номъ имъ въ Сенатъ, въ которомъ онъ общалъ и въ спокойствіи, не ниско, но сходно съ прежнею своею славою жизнь вести, я сыскалъ сіи слова; но сіе прекраснѣе на дѣлѣ нежели на словахъ быть можетъ. Однако ожиданіе того вождь-леннѣйшаго для меня времени еще меня поддерживаеиъ, дабы я, хотя разговаривая о немъ, могъ нѣсколько улаждаиъся, когда на самомъ дѣлѣ не скоро имъ пользоваться могу. Толико за великое дѣло почиталъ онъ спокойную жизнь, что не въ состояніи будучи въ самомъ дѣлѣ наслаждаиъся, мысленно пріятности ея вкушалъ. Тотъ, отъ котораго все зависѣло, который не нѣкоторыхъ людей, но цѣлыя народы щастливыми дѣлалъ, тотъ день щиталъ для себя пріятнѣйшимъ, въ который бы онъ могъ съ себя сложить великость своего достоинства. Онъ видно узналъ, сколько многаго поту стоишь простирающійся по всей землѣ достоинствъ блескъ, сколько заботъ и прудовъ онъ прикрываетъ: бывши принужденнымъ вести войны во первыхъ съ гражданами, потомъ съ поварищами, наконецъ съ сосѣдственными, и обагривъ кровію море и землю: прошедъ войною Македонію, Сицилію, Египетъ, Сирію, Азію и почти всѣ страны, упомянутыя убій-

ствомъ

спвомѢ РимлянѢ войска обращаетѢ къ
 вѣшнимѢ бранямѢ. ВѢ самое по время,
 когда онѢ усмирялѢ АлпійскихѢ жите-
 лей и укрощалѢ ворвавшихся вѢ безпеч-
 ное свое владѣніе непріятелей, когда за
 РенѢ, ЕФратѢ и Дунай переносилѢ гра-
 ницы: тогда вѢ самомѢ городѢ Муре-
 на, ЦепіонѢ, ЛепидѢ и Егнапій изо-
 спряли для него свои мечи. Не успѣлѢ
 сихѢ ковѢ избѣжать: дочь и полико благо-
 родные юноши прелюбодѣяніемѢ, какѢ
 бы ядомѢ, будучи усупремленны дряхлую
 ужѢ его старость устпашали, а еще
 больше приводила его вѢ ужасѢ жена сѢ
 АнтоніемѢ. Сіи раны сѢ цѣлыми чле-
 нами когда онѢ обрѣзывалѢ, другіе вы-
 ходили: и по подобію излишне наполнен-
 наго кровію тѣла всегда какія нибудь ча-
 сти прорывались. И такѢ онѢ желалѢ
 спокойствія: вѢ сей надеждѢ и размы-
 шленіи погружалѢ всѢ свои пруды. Сіе
 желаніе имѣлѢ потѢ, который другихѢ
 желанія могѢ исполнять. МаркѢ Ци-
 церонѢ отѢ Капилины, Клодія, Пом-
 пѣя и Красса частію явныхѢ непріятѣ-
 лей, частію же сомнительныхѢ друзей
 многія гоненія претерпѣвѢ во время
 волненія республики, оную упадающую
 поддерживалѢ, недавно самѢ побѣжденѢ,
 будучи какѢ вѢ щастіи неспокоенѢ,
 такѢ вѢ нещастіи малодушенѢ, колико-
 крат-

кратно самое по свое Консульство, не безъ причины, но излишне превознесенное, проклиналъ? Сколь печальныя онъ слова изображаетъ въ нѣкоторомъ своемъ писмѣ къ Апшику, по одержаніи уже побѣды надъ Помпеевымъ опцемъ, и когда сынъ его въ Испаніи наклоненное свое оружіе вновь подымалъ? Спрашиваешь ты, говоритъ онъ, что я здѣсь дѣлаю? провождаю время полусвободнымъ въ моемъ Тускуланѣ (*); къ сему другое еще придаетъ, чѣмъ прежнюю свою жизнь оплакиваетъ, на настоящую жалуется, и о будущемъ опчаевается. Цицеронъ себя назвалъ полусвободнымъ. Но по истиннѣ мудрой никогда такъ подлаго имени на себя не приметъ, никогда не будетъ полусвободнымъ, но всегда совершенно и постоянно вольнымъ, ни чему не подлежитъ, и поступая по своей волѣ всѣхъ прочихъ превосходитъ. Ибо что выше того, кто выше щастія?

Г Л А В А VI.

Говорятъ, что Ливій Друзъ за-
тѣйчивъ и горячъ, при восстановленіи но-
выхъ законовъ о отведеніи слободъ, бу-
дучи окруженъ спекшимся почти со
всей

(*) Загородной Цицероновъ домъ.

всей Италіи народомъ, и не предвидя, чѣмъ дѣло кончится, котораго ни производить, ни оставить было не лзя, проклиная свою съ самаго младенчества неспокойную жизнь, сказалъ: одинъ я ниже въ юношество спокойствія не имѣлъ. Поелику онъ и въ малыхъ еще своихъ лѣтахъ отваживался находящихъся подъ судомъ рекомендовать судьямъ, и милость свою въ судъ такъ удачно употреблять, что безъ сомнѣнія многія рѣшенія перемѣнилъ. Къ чему бы неуспремилось такое безвременное о себѣ мечтаніе? но знай, что сіе бы дерзновеніе послужило къ великому какъ частному, такъ и общему несчастію. И такъ поздно уже онъ жаловался, что и въ молодыхъ лѣтахъ не имѣлъ покоя; будучи съ младенчества зашѣчивымъ и на судъ важнымъ. Многіе о томъ спорятъ, самъ ли онъ себя жизни лишилъ? Поелику онъ отъ нечаяннаго удара въ пахъ упалъ: нѣкоторые только сомнѣваются, самъ ли онъ былъ причиною своея смерти; а благовременно ли, никто. Излишне бы было здѣсь приводить многихъ, которые когда за благополучнѣйшихъ другими были почитаемы, сами познали истинну, проклиная всѣ дѣянія своей жизни. Но сими жалобами ни другихъ, ни себя, не пере-
мѣ-

мѣнили. Поелику по произнесеніи словѣ, спраспи ихъ вѣ прежнее состояніе приходили. Ваша жизнь по справедливости хопя бы далѣе тысячи лѣтъ продолжилась, короткою для васъ покажется. Сіи пороки всякой вѣкѣ пожрутъ, сіе же поприще, котораго печеніе отъ природы, а распросстраненіе отъ разума, зависитъ, по необходимости скоро должно изъ глазъ вашихъ исчезнуть. Поелику вы его не берете, не удерживаете, и само скорѣйшей вещи не пріостанавливаете, но какъ бы ненадобную и удобно возвращимую вещь упускаете. А особливо я о пѣхъ говорю, которые ни о чемъ больше, кромѣ вина и похоти, не спаряются. Ибо никто гнуснѣйшимъ какъ они не занимается, и хопя прочіе суешною чести тѣнью прельщаются; однако заблужденіе ихъ благороднѣе. Хопя бы мнѣ кто предспавлялъ скупыхъ, гнѣвливыхъ, злобныхъ и кровожаждущихъ: то всѣ сіи погрѣшаютъ извинительнѣе. Рабы своихъ прихотей и спраспей мерзски. Разсмотри всю ихъ жизнь: подумай, сколько они размышляютъ, сколько времени они теряютъ на составленіе другимъ ковъ, сколько отнимаютъ спрахъ, сколько онаго проходитъ вѣ свидѣльствованіи отъ нихъ другимъ и отъ другихъ имъ почтенія, сколько вѣ дачѣ

и пріемъ росписокъ, сколько въ пирахъ, что уже самое почитается усердіемъ: то увидишь, что имъ по свой, по чужой интересъ не даетъ и отдыху. Наконецъ всѣ въ томъ согласны, что чело-вѣкъ разсѣянной мыслями ни въ чемъ благоуспѣшно упражняться не можетъ, ни въ краснорѣчіи, ни въ свободныхъ наукахъ, поелику въ занятой многимъ духъ ни что крѣпко не вкореняется, но все какъ бы насильно вбиваемое опскакиваетъ. Человѣкъ занятой ничего такъ мало не имѣетъ, какъ жизни, и нѣтъ для него труднѣе науки, какъ наука жить.

Г Л А В А VII.

Другія науки очень многіе Профессоры преподаютъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ многіе еще въ ребячествѣ такъ научаются, что и другимъ оныя изъяснять могутъ: но жить чрезъ цѣлую жизнь надобно учиться; и что можетъ быть удивительнѣе покажется, цѣлую жизнь надобно учиться умереть. Столь многіе и столь великіе мужи, оставивъ всѣ препятствія, богатство, должности и роскоши о семъ единственно до послѣдняго издыханія старались, чтобъ знать умереть: однако большая изъ нихъ часть

сознавши, что они еще сего знанія не достигли, умерли, а о таковыхъ уже и думать не лъзя. Будь увѣренъ, что великаго и превышающаго человѣческія слабости мужа есть не допустить ни кого пользоваться своимъ временемъ: и потому того только жизнь есть должайшая, который сколько ни имѣлъ времени, все употребилъ въ свою пользу, который не провелъ ни одного часа безъ упражненія и въ праздности: и не употребилъ на постороннее. Ибо таковой рачительнѣйшій его страхъ и нессыскиваетъ ничего такого, на чтобы онъ свое время согласился промѣнять. Такимъ образомъ времени для него было довольно. Къожъ свое время съ другими раздѣлялъ, тому конечно его не достало. И сему не удивляйся, что они своего вреда не понимаютъ. Ты безъ сомнѣнія услышишь, что тѣ, которыхъ великое щастіе отягчаетъ между своими Клиентами, или разбирая судебныя дѣла, или въ подобной честной бѣдности находясь, часто проговариваютъ, моя жизнь не жизнь; да почему такъ? Потому, что призывающіе тебя уносятъ у тебя время. Тотъ находящійся подъ судомъ сколько у тебя похитилъ дней? Сколько извѣстной Кандидатъ? Сколько женщина, старающаяся лишить наслѣдника

ковъ наслѣдства? Сколько для раздраженія скупости припворявшійся большимъ? Сколько наконецъ почтенный достоинствами швой другъ, который почитаетъ тебя составляющимъ его свипу, а не дружество? Разбери, говорю, и изчисли дни швоея жизни, то увидишь, сколь мало ихъ у тебя останетса. Одинъ получивъ желанное собою Преторское достоинство, желаетъ ужè съ нимъ растаться, и потому говоритъ: когда сей годъ пройдетъ? Другой устроая игры, которую должность получить прежде за шастіе почиталъ, говоритъ: о когда я сихъ безпокойствъ избавлюсь? Третьяго ищутъ всѣ на судъ себѣ въ спрячїе, и окруживъ больше мѣста наполняютъ, нежели его голосъ доходить можетъ. О когда, говоритъ, мое дѣло станутъ разбирать: всякъ старается сократить свою жизнь и о будущемъ всегда печалится, настоящимъ будучи не доволенъ. Но тотъ, кто все свое время употребляетъ въ свою пользу, всѣ свои дни располагаетъ какъ жизнь, о упрѣ не печется, ни опасается. Ибо какое ему время можетъ удовольствїе принестъ? Когда онъ все знаетъ, и всѣмъ довольно ужè наслаждался: правда, что прочее еще въ произволенїи судьбы и шастїя; но жизнь ужè въ безопасности.

сти. Таковому только придать можно, а опнять ничего. Да и придано чтонибудь можетъ быть такъ, какъ сыпому пища, которую онъ безъ всякой жадности употребляетъ.

Г Л А В А VIII.

И такъ не думай, что бы всякъ покрытый сѣдинами и морщинами долго на свѣтѣ жилъ; поелику онъ не жилъ, но только былъ. Можно ли почестъ, что шотъ долго плавалъ, котораго свирѣпая буря похитивъ изъ пристани во всѣ стороны носила и свирепѣющими со всѣхъ сторонъ вѣтрами на одномъ мѣстѣ обращала? никакъ. Онъ не долго плавалъ, но долго былъ носимъ. Я обыкновенно удивляюся, видя, что нѣкоторые просятъ времени, и шѣ, у которыхъ они просятъ, охотно имъ позволяютъ. Какъ шотъ, такъ и другой сморитъ на то, для чего кто времени проситъ: а на самое время ни одинъ. Первой проситъ какъ ничего, другой даетъ за ничто; и симъ образомъ вещь дороже всего, проигрываютъ. Обманываются же они въ томъ, что время есть вещь ни осязаемая, ни видимая: и по сей причинѣ ея очень за мало или лучше сказать за ничто почитаютъ. Самые

великіе люди берутъ всякой годъ жалованье и за оное всѣ свои силы и пруды истощеваютъ: съ пропивной же споры времени никто не цѣнитъ, и употребляютъ его роскошнѣе даровой вещи. Но посмотри на ихъ въ печали, когда приблизится смерть, тогда они припадаютъ къ ногамъ лѣкарей: а въ опасеніи казни гошовой они все, что ни имѣютъ, истощитъ, только бы живымъ остаться. Толико они обуреваются страстями. Если бы всякъ по подобію прошедшихъ лѣтъ могъ будущія щитать, съ коликою бы опасностію и бережливостію свое время употребляли тѣ, которые бы видѣли, что имъ ужè немного лѣтъ осталось? И поелику извѣстное удобно можно раздѣлить: то тѣмъ бережливѣе надобно употреблять то, коего окончаніе не извѣстно. Однако не надобно думать, будто бы таковыя расточители времени не знали его цѣны. Поелику они обыкновенно своимъ любимцамъ говорятъ, что охотно соглашаются часть своихъ лѣтъ для нихъ опредѣлить. Опредѣляютъ, и сами не разумѣютъ что. Ибо они другимъ удѣляютъ своего времени такъ, что у тѣхъ, которымъ удѣляется, не увеличивается, а удѣляющіе теряютъ. Но и сего самого, теряютъ ли, не знаютъ: и по сему не очевидная потеря для нихъ сносна. Ни-
кто

кто не возвратитъ лѣтъ, и никто тебѣ тебѣ же самому не отдастъ. Помечетъ, куда начало швое время и ни возвратится, ни оспановится, безъ шуму, и не напоминая о своей скорости пролетитъ. Не продолжится оно ни по Государеву приказу, ни по пріятству народа. Какъ съ начала пошло, такъ и продолжатъ будетъ свое теченіе: никогда не склонится, и никогда не станетъ медлить. Чпожъ наконецъ? ты занятъ, жизнь проходитъ, а между тѣмъ приближается смерть, къ коей хопя и не хопя, надобно быть готовымъ.

Г Л А В А IX.

Но можетъ ли кто, изъ людей говорю, кичащихся благоразуміемъ и занимающихся великими дѣлами, иначе пріуготовиться къ смерти, какъ не постарався прежде поправить свою жизнь! теряя жизнь, желаютъ еяжъ самую учинить благополучіе и мысли свои вдаль располагаютъ не зная, что самая сія отсрочка служитъ намъ наибольшою потерею жизни. Она всякой находящейся и еще въ нашей волѣ день похищаетъ, и отнимаетъ настоящее, обѣщая будущее. Самое большее препятствіе въ жизни дѣлаетъ ожиданіе утра. Ты теряешь

сегоднишнее, располагаешь то, что еще въ рукахъ судьбы, а что у тебя пропускаешь. Куда смопришь, куда простираешься? Все будущее не извѣстно: те-перь живи. Се взываетъ великій Пѣппа, и какъ бы Богомъ вдохновенъ воспѣваетъ спасительной стихъ:

Что самы лучшіе у смертныхъ дни бываютъ,
Тѣ прежде всѣхъ у нихъ несчастныхъ улешаютъ.

За чѣмъ мѣшкаешь, говоритъ онъ, за чѣмъ медлишь? Если ты времени не держишь, то оно убѣгаетъ, да хотя и станешь держать, убѣжитъ. И такъ сколь скоро время протекаетъ, столь скоро надобно его и упопрелять. И какъ изъ быспропекущаго и не имѣющаго навсегда продолжать свое печеніе родника надобно скоро черпать: также можно порицать простирающіяся до безконечности мысли и за то, что онѣ не способное къ чему нибудь время, но день опредѣляютъ. О чемъ ты при по-ликой стремительности временъ безпечно и медлительно мѣсяцы, годы и цѣлыя вѣки по своему произволению распоряжаешь? О днѣ, и то убѣгающемъ дѣло идетъ. По сему нѣтъ сомнѣнія, что несчастные, то есть разсѣянные мыслями смертные всякой принадлежащій се-

бѣ

бѣ день теряютъ, коихъ младенческой еще духъ обременяетъ старость, которой они безъ должнаго приуготовленія достигаютъ. Ибо они ничего не промыслили, и не примѣчая повседневно, что старость людямъ случается, нечаянно и противъ чаянія въ оную впади. Подобно какъ разговоръ, или чтеніе, или внутреннее нѣкоторое размышленіе путешествующихъ обманываетъ, что они прежде усматриваютъ предметъ, нежели расстояніе своего пути, такъ и непрестанное печеніе нашей жизни, по которому мы въ дреманіи и бдѣніи равно шествуемъ, занятымъ не иначе какъ при окончаніи показывается.

Г Л А В А X.

Если бы мнѣ разсудилось свое предложеніе на части и доказательствъ раздѣлить, то премного бы можно сыскалъ ко увѣренію, что жизнь занятыхъ очень коротка. Фабіанъ обыкновенно говорилъ, что не у проповѣдниковъ, но у истинныхъ и древнихъ Философовъ надобно искать пособія противъ страстей, нападеніемъ, а не замыслами сражаться, и не слегка, но набѣгомъ отвращать ихъ брань.

Скверной обманъ надобно исправлять, а не пересмѣхать. И для показанія ихъ погрѣшности надобно ихъ научить, а не оплакивать только. Жизнь наша раздѣляется на три времена: на настоящее, прошедшее и будущее. Изъ сихъ настоящее кратко; будущее сомнительно: а извѣстно только прошедшее. Ибо надъ симъ уже щастіе не имѣетъ никакого права, и которое ни въ чьей власти быть не можетъ. Но его по многодѣльные теряютъ. Поелику они не имѣютъ времени разсматривать прошедшее: а хотя бы и имѣли; по непріятно воспоминавъ вещь достойную сожалѣнія. Они съ огорченіемъ приводятъ себѣ на память худо употребленное время, и не осмѣливаются вновь обращаться къ тому, что разсматривая находятъ, хотя удовольствіемъ прежде прикрывавшіеся пороки. Никто, кромѣ совершенно порядочно жившихъ, не подвергается не обманчивому своему (то есть здраваго разума) суду, охотно повергаются въ прежнее. Тотъ, кто многого по высокомѣрью желалъ, другихъ презиралъ, подло побѣждалъ, коварно обманывалъ, съ жадностію похищалъ, и роскошно разточалъ, долженъ спрашивъся памяти. И такъ протекшая часть времени нашего есть священная и безопасная, превыше

ше человѣческаго жребія , и испоргнутая изъ области Фортуны , которую ни бѣдность , ни страхъ , ни болѣзни не обезпокоиваютъ. Ея ни попревожить , ни опясть не лзя. Владѣніе ея вѣчное и безопасное. Настоящаго времени всякой день мы поминутно имѣемъ : но прошедшіе всѣ когда тебѣ угодно , вдругъ представятъ и ты ихъ разсматривать и поддерживать можешь : чего занятымъ дѣлать нѣкогда. Безопасной и спокойной духъ можетъ пропекаеть всѣ части своей жизни ; но занятыя находятся какъ бы подъ игомъ и не могутъ ни наклониться , ни оглянуться. Слѣдовательно жизнь ихъ пропекла въ бездну , и какъ тщетно бы было лишь въ бездонное ; такъ и количество времени не составляетъ ничего , естли нѣтъ на чемъ ему остановиться. Оно пропекаетъ сквозь разслабленной и разстроенной духъ. Настоящее время столь коротко , что нѣкоторые его почитаютъ за ничто , поелику оно непрестанно течетъ. Течетъ и падаетъ : еще прежде своего пришествія кончится , и не больше медлитъ , какъ міръ или планеты , которыя безпрестанно обращаются , и никогда на одномъ мѣстѣ не стоятъ. И такъ настоящее только время надлежитъ занятымъ : которое такъ коротко , что его и схватить

питиѣ не лѣзя, да и то самое многодѣ-
лїе у нихъ похищаетъ.

Г Л А В А Х I.

Наконецъ желаешь ли ты знать, сколько коротко они живутъ? Смотри, сколько долго жить желаютъ. Преспарылые старики прибавленія не многихъ лѣтъ желаютъ. Воображаютъ себѣ, что они еще не стары: ложно себя ласкаютъ, и такъ искусно себя обманываютъ, какъ будто бы вмѣстѣ и судьбу обмануть можно. Когда же какая нибудь слабость напомнитъ, что они смертны, то съ коликимъ страхомъ съ жизни не отходятъ, но какъ бы насильно извлекаемы бываютъ? Дураками себя называютъ, что не умѣли жить; и есъли бы только, говорятъ они, свободиться отъ сей болѣзни, побѣ уже на спокойную жизнь рѣшились. Тогда то они думаютъ, сколько тщетно собирали то, чѣмъ уже больше не будутъ наслаждаться, и сколько бесполезенъ былъ ихъ весь трудъ. Но для провождающихъ свою жизнь въ покоѣ, какъ она не долга? Они не пропускаютъ ни одного часа по напрасну, не раздѣляютъ другимъ, не опредѣляютъ щастію ни мало, ничего не упускаютъ по нерадѣнію, не раздаютъ и излишняго

не

не имѣютъ: вся ихъ жизнь, такъ сказать, въ ростѣ. И такъ сколь бы она ни коротка была, для нихъ очень достаточна: по чему разумнаго мужа когда ни постигнетъ послѣдней день, то онъ немедленно извѣстнымъ путемъ пойдетъ къ смерти. Можетъ быть ты спросишь, кого я называю занятымъ? Не думай, что бы я разумѣлъ однихъ тѣхъ, которыхъ напущенныя собаки всилу выгоняютъ изъ судебныхъ мѣстъ, которыхъ ты или собственною свитою или пышными любимцами провожаемыхъ видишь, которыхъ визиты заставляють, оставивъ собственные дома, обивать чужіе пороги, которымъ Преторское копье (*) служитъ безчестною, хотя иногда и тайною прибылью. Нѣкоторые праздное время проживаютъ въ деревнѣ, или на своей кровати, и будучи во уединеніи, хотя отъ всѣхъ людей удаляются, однако сами себѣ несносны бываютъ: а нѣкоторыхъ жизнь не должно почитать праздною, но нерадивымъ упражненіемъ.

ГЛАВА

(*) Авторъ здѣсь разумѣетъ Римской Лукціонъ, который обыкновенно бывалъ изъ-подъ Преторскаго копья.

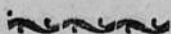
Г Л А В А XII.

Ты празднымъ называешь того, который Коринскіе для безумцовъ драгоценные сосуды съ чрезвычайнымъ раченіемъ составляютъ, и большую часть дней въ ржавыхъ бляшкахъ перяетъ, который при боевомъ мѣстѣ (ибо къ нашему несчастію мы не однимъ только Римскимъ порокамъ подвержены) сидя смотритъ на дерущихся мальчиковъ, который своихъ лакеевъ по лѣтамъ и цвѣтамъ распоряжаетъ, который самыхъ лучшихъ бойцовъ откармливаетъ? Что? ты праздными называешь тѣхъ, кои у цирюльника многіе часы просиживаютъ, очищая, что за ночь подросло, когда всякой волосокъ пересмаприваютъ, или распрепанны причесывая, или вылѣзлые со всѣхъ сторонъ на лобъ собирая, какъ будтобы сердятся, естли цирюльникъ нѣсколько нечисто обрилъ? Какъ распалаются, естли гдѣ ихъ волосовъ выщипнуто, естли гдѣ не гладко, и естли не все въ надлежащемъ порядкѣ. Кто бы изъ нихъ не охотнѣе согласился, чтобъ лучше разворяемо было общество, нежели его волосы? кто не больше старается о пригожствѣ своей головы, нежели благоденствіи? кто не лучше хочетъ быть щеголемъ, нежели

честнымъ челоѡкомъ? сихъ пы называешь праздными, что они о гребешкѡ и зеркалѡ только и думаютъ? а пѡ что дѡлаютъ, которые вѡ сочиненіи, слушаніи, и выучиваніи пѡсенѡ упражняются: преломляя на свирѡлѡ голосѡ, которому природа прямое, самое лучшее и простое печеніе дала? которыхъ пальцы всегда какъ бы нѡкоторый стихъ измѡряютъ: которые будучи употреблены кѡ важнымъ и нерѡдко печальнымъ дѡламъ внутренне играютъ? не имѡютъ они покою, но тщетныя заботы. По справедливости я бы ихъ и баловѡ не почелъ празднымъ препровожденіемъ времени, видя, сѡ коликимъ раченіемъ они распоряжатъ деньги, сѡ коликою оспороженостію погибшихъ отъ роскоши своихъ сродниковъ платьѡ надѡваютъ, сколько размышляютъ, вѡ цѡблости ли кабанѡ отъ повара выдетъ: сколь скоро услышавъ колокольчикъ слуги кѡ полученію приказовъ бѡжатъ: какъ искусно птицы по модѡ разрѡзываются на куски: сколь прилѡжно несчастные мальчики отираютъ пьяныхъ слюни. Симѡ желаютъ они прославить свою деликатность и роскошь, даже до того за всякимъ шагомъ щастія послѡдуютъ и ихъ пороки, что безъ тщеславія ни пить ни ѡсть не могутъ. Да и тѡхъ праздными не почитай,

кото-

которые на крѣслахъ и поршшезахъ носимы бывають, и какъ бы по необходимости, щипають, сколько часовъ ихъ носятъ: которымъ другой напоминаетъ, когда имъ надобно умываться, когда плавать и когда ужинашь. И даже до такой слабости съ лишкомъ нѣжныя сердца доходяшь, что сами не могутъ знать, хопяшь ли они и ѣсть. Я слыжалъ, что нѣкоторой щеголь (еслили только щегольствомъ надобно назвашь удаленіе отъ человѣчества) будучи изъ бани на рукахъ вынесенъ и въ крѣслы посаженъ, спросилъ, сию ли я уже? повѣришь ли ты, что сей незнающій, сидитъ ли онъ! знаетъ, живеть ли, видитъ ли, и въ праздности ли находится? не вдругъ могу сказать, больше ли онъ мнѣ жалокъ, еслили не зналъ, или еслили незнающимъ припворился. Таковые люди чувствуютъ, что много позабываютъ, но во многомъ и припворяются забывчивыми: они многими пороками, какъ бы признаками щастія, увеселяются. Очень за низко и подло почитають, знать о своихъ дѣлахъ. Теперь иди, и думай, что Сапирики больше вымышляютъ къ обруганію роскоши. По истиннѣ они больше пропускають, нежели вымышляютъ. И самыя скверныя пороки, въ семъ ими только и славномъ вѣкѣ, полико умножились, что

что мы уже Сапириковъ за лѣность порицать можемъ. Находится толико роскошью распроенный, что у другихъ спрашиваетъ, сидитъ ли онъ?

Г Л А В А XIII.

И такъ сего не лзя почестъ празднымъ: другимъ именемъ его назови. Онъ боленъ, или лучше сказать полумертвъ. Тотъ празденъ, который свою праздность чувствуетъ: а тотъ, которому надобно показывать положеніе его тѣла, полумертвъ. Какимъ образомъ таковой можетъ имѣть власть надъ тѣломъ другаго? Долго бы было исчислять всѣхъ, которые или въ шахматахъ, или въ мячѣ, или грѣясь на солнцѣ жизнь провели. Тѣ не праздны, коихъ удовольствія заключаютъ въ себѣ много труда. Ибо о тѣхъ никто не сумнѣвался, что они все съ трудомъ дѣлаютъ, которые въ бесполезныхъ наукахъ упражняются: каковыхъ уже и у Римлянъ не малое число. Греки имѣли сію болѣзнь, искахъ сколько числомъ Улиссъ имѣлъ гребцовъ? Прежде ли написана Иліада, или Одиссея, и припомъ одного ли они писателя. Также и другія не лучшія: которые хотя у себя удержишь, то не принесутъ удовольствія твоей

совѣсти; хотя станешь рассказывать, по неученнѣйшимъ покажется, но сучнѣе. Къ таковымъ пустымъ ученіямъ получили охоту и Римляне. На сихъ дняхъ я слышалъ, что одинъ ученый рассказывалъ и то, что изъ Римскихъ Генераловъ первой учинилъ. Дуиллій первой одержалъ побѣду на морѣ, Курій Дентатъ первой при торжествѣ велъ слоновъ. Сіе хотя и не составляетъ истинной славы, однако обращается въ примѣрахъ гражданскихъ дѣлъ. Таковое ученіе хотя и не принесетъ пользы, однако пріятною нѣкоторою тѣнію веселитъ. Мы и сіе извинимъ, естли кто спроситъ, кто первой Римлянъ уговорилъ къ мореплаванію? Онъ былъ Клавдій: по сей самой причинѣ названъ Кавдексомъ. Поелику составленныя многія доски древніе называли Кавдексомъ, отъ чего и публичныя таблицы называются кодексами: и корабли по древнему обыкновенію привозящіе чрезъ Тивръ товары, и теперь называются кавдикаріями. Положимъ, что и сіе достойно примѣчанія, что Валерій Корвинъ первой взялъ Мессану, и первой изъ фамиліи Валеріевъ, принявъ на себя имя плѣннаго собою города назвался Мессанною, котораго мало по малу переменная буквы народъ назвалъ Мессалою. Позволишь ли ты, чтобъ и о семъ

семь кто думалъ, что Луцій Сулла первой на игрищѣ велѣлъ разрѣшить львовъ, которыхъ обыкновенно привязанныхъ умерщвляли посылаемые отъ царя Бокха стрѣльцы? Оставимъ и сіе. Стоитъ ли чего нибудь, что Помпей первой представилъ на гульбищѣ правлю изъ осьмнадцати слоновъ, спустивъ ихъ на подобіе военной схватки съ людьми? Правитель гражданства, и какъ говорятъ преимущественно передъ прежними правителями, доброй, почелъ достопамятнымъ зрѣлищемъ, новымъ образомъ погублять людей. Отбиваются? не довольно сего. Расперзаемы? не довольно. Пускай великое число сихъ животныхъ въ мѣлкіе куски ихъ раздробитъ. О лучше бы сіе позабыть, дабы не было впередъ кому изъ сильныхъ примѣровъ, и не возбудило бы ревности къ безчеловѣчію.

Г Л А В А. XVI.

О сколько великое шастіе помрачаетъ человѣческой разумъ! Онъ себя тогда превыше естества почиталъ, когда толкія толпы несчастныхъ людей предъ дикихъ звѣрей повергалъ, когда между толико разными животными производилъ войну, и когда предъ лицомъ Римскаго народа много крови проливалъ,

имѣя намѣреніе его самого въ скоромъ времени принуждать къ кровопролитію. Однако послѣ самъ будучи обманутъ Алексадрійскою невѣрностію послѣднему невольнику попустилъ себя заколотъ; тогда ужѣ наконецъ узналъ пустое своего имени щеславіе. Но да обращусь опять, откуда я отошолъ, и покажу еще въ другомъ излишнее нѣкоторыхъ щаніе: тотъ же ученой человекъ повѣстествовалъ, что изъ всѣхъ Римлянъ одинъ Метеллъ побѣдивъ въ Сициліи Карвагенцовъ, велъ передъ колесницею сто двадцать взятыхъ въ добычу слоновъ, что Сулла послѣдній изъ Римлянъ вынесъ Форштапъ, которой древніе обыкновенно выносили приобрѣтши поле не въ провинціи, но въ Италіи. Сіе, какъ онъ говорилъ, полезнѣе знать, нежели что Авенпинская гора за Форштапомъ, по которой нибудь изъ двухъ причинъ; или, что чернь шуда пошла, или, что когда Ремъ смотрѣлъ, то пищцы сіе мѣсто не одобрили. Также и другія безчисленные, которыя, или вымышлены, или похожи на ложь. Ибо положимъ, что они съ достовѣрностію и для исполненія пишутъ: однако уменьшитъ ли сіе чьи заблужденія? удержитъ ли чьи страсти? и сдѣлаетъ ли кого или мужественнѣе, или справедливѣе, или чивѣе?

вѣе? Припомѣ же Фабіянѣ говаривалѣ, что онѣ сумнѣвается, лучше ли ни чему не учиться, или къ сему прилѣпиться. Одни только любители премудрости наслаждаются спокойствіемѣ: они только живутѣ. Ибо они не только своимѣ, но и всѣми вѣками пользуются. Всѣ до нихѣ пропекшія лѣта они имѣютѣ. Если мы имѣемѣ хотя нѣкоторое чувствованіе благодарности, то предшешіе намѣ преславные нравоучители для насѣ рождены, и намѣ жизнь предуготовили. Самыхѣ превосходнѣйшихѣ и изѣ тѣмы на свѣтѣ испоргни-тыхѣ вещей мы чужими трудами достигаемѣ. Ни одинѣ вѣкъ для насѣ не скрытѣ, вездѣ имѣемѣ доступѣ, и если великостію духа, за тѣсныя человѣческія слабости предѣлы вышши можно, то время намѣ великое пространство представитѣ. Можно споритѣ съ Сократомѣ, сомнѣваться обо всемѣ съ Карнеадамѣ, соглашаться съ Эпикуромѣ, съ Стоиками побѣждать человѣческое естество, съ Циниками равняясь естеству разсматривать всѣ вѣки. Да и по чему намѣ отѣ сего краткаго и исчезающаго времени не обратитѣся всею душою къ неизмѣримой вѣчности, коею наслаждаются добрые? Сіи съ визитами бѣгающіе, и какѣ себя такѣ

и другихъ своимъ безуміемъ беспокоящіе, обивая всякому повседневно пороги и не проходя ни однихъ отверстныхъ дверей для засвидѣтельствванія въ разныхъ домахъ должнаго почтенія: сколькихъ въ толико пространномъ и вдавшемся въ разныя роскоши городѣ могутъ заспать? Сколь многихъ или сонъ, или роскошь, или безчеловѣчіе отъ ихъ глазъ скроетъ? Сколь многіе по долгомъ ихъ мученіи проговоривъ какойнибудь недосугъ пробѣгутъ? Сколь многіе не желая итти чрезъ наполненныя Клиентами сѣни, чрезъ пощаенные проходы уйдутъ? Будто бы не все то же, что обмануть, что выгнать. Сколь многіе отъ вчерашняго пьянства будучи полусонны и озягчены, симъ бѣднымъ оставившимъ свой сонъ, чтобъ ожидать, пока другіе проснутся, съ прегордымъ видомъ едва проговорятъ имя, которое во время поднятія съ постели ихъ ушей, тысячу кратъ было внушаемо? Мы назовемъ тѣхъ провождающими время въ истинныхъ визитахъ, которые съ Зенономъ, Пифагоромъ, Демокрипомъ, Аристотелемъ, Теофрастомъ и другими въ наукахъ великими повседневно обращаются. Изъ сихъ всякъ будетъ звать, всякъ идущаго къ себѣ лучшимъ и съ большею къ себѣ любовію от-

пу.

пуститъ , и ни одинъ изъ нихъ не опуститъ отъ себя съ пустыми руками. Къ нимъ ночью , днемъ и отовсюду сходиться можно. Изъ нихъ никто тебя не доведетъ къ смерти , а научитъ всякъ : изъ нихъ никто не опниметъ твоихъ лѣтъ , а своихъ тебѣ удѣлитъ. Съ ними ты будешь говорить безопасно , дружбу вести безъ казни , почитать безъ распоченія.

Г Л А В А XV.

У сихъ ты все желаемое сыщешь , и черпать будешь столько , сколько тебѣ угодно. Коликое щастіе и коликое блаженная старость ожидаетъ находящихся въ ихъ покровительствѣ ? Таковой будетъ имѣть съ кѣмъ какъ о самыхъ великихъ , такъ и малыхъ вещахъ разсуждать , съ которыми всегда совѣтоваться о себѣ , которые ему истинну будущъ говорить безъ его огорченія , хвалятъ безъ ласкательства , и которыхъ примѣру послѣдовать. Мы обыкновенно говоримъ , что не въ нашей волѣ было рожденіе отъ родителей судьбою намъ опредѣленныхъ , но мы себя можемъ перерожать по нашему произволію. Есть у насъ самыя значныя Фамиліи. Любую избирай , она те-

бѣ не только дастъ имя; но и самыя блага, копорыхъ не надобно будетъ гнуснымъ образомъ хранить. Ибо чѣмъ больше ты ихъ будешь раздавать, тѣмъ больше они будутъ умножаться. Сіи покажутъ тебѣ путь къ вѣчности, и возвысятъ тебя туда, откуда тебя никто не можетъ низринуть: сіе есть единственное средство къ возвышенію смертности, или лучше сказать къ премѣненію ея на безсмертіе. Чести, монументы, и все, что славолюбіе или повелѣніями, или дѣлами ни сооружило, скоро разрушится: все долговременность разхищаетъ, и захваченное собою скорѣе обращаетъ. Но премудрости ничто поколебать не можетъ. Ничего ея не загладитъ настоящій вѣкъ, ничего не уменьшитъ будущій, и всякое отдаленіе времени приносить ей большее уваженіе. Поелику на настоящее смотримъ съ завистію: а оплаленному чистосердечію удивляемся. И такъ жизнь мудраго далеко простирается: его не ограничиваютъ предѣлы, ограничивающіе другихъ. Одинъ онъ имѣетъ право человѣческаго рода: всѣ вѣки ему какъ Богу служатъ. Протекшее своея жизни время онъ въ памяти имѣетъ, настоящее употребляетъ, грядущимъ управляетъ. Всѣ времена соединившись вмѣстѣ составляютъ ему дол-

должайшую жизнь. Тѣхъ жизнь очень коротка и бѣдна, которые прошедшее забываютъ, о настоящемъ не радятъ, будущаго боятся: приближився же къ концу, хотя видятъ, но поздно, что столь долго они были заняты, сколь долго они ничего не дѣлали.

Г Л А В А XVI.

Однако не думай, чтобы сіе доказывало, что они долго живутъ; поелику не рѣдко желаютъ смерти. Нѣтъ, ихъ мучитъ различными и встрѣтающимися съ тѣмъ самымъ, чего они боятся, страхами, ихъ безуміе. Часто страхъ смерти принуждаетъ ихъ желать оныя. Также не значитъ долгой жизни и то, что для многихъ часто долгимъ кажется день, что когда приближается время ужина, то они жалуются, что медленно идутъ часы. Поелику они когда освобождаются отъ дѣлъ, то имѣя праздное время волнуются, и не знаютъ какъ его расположить. И такъ стремятся къ какому нибудь упражненію, а между симъ протекающее время для нихъ тяжко: по истинѣ средніе дни они такъ желаютъ перебѣжать, какъ будто бы ожидали назначеннаго дня для бою, или другаго какого зрѣлища и удовольствія.

Всякая опсрочка желаемой имъ вещи долга. Но самое любезное ихъ время коротко и спремительно, а неправильность его еще сокращаетъ: поелику они отъ одного перебѣгаютъ къ другому, и въ одной страсти постоянно бытъ не могутъ. Не долги для нихъ дни, но пропивны. Напротивъ того сколь коротки кажутся ночи, которыя въ непозволенныхъ забавахъ и пьяествѣ проводятъ? сіе повергаетъ въ бѣшенство и спихотворцовъ, питающихъ баснями челоувческія заблужденія, которые взвели, что и Юпитеръ, будучи упоенъ удовольствіемъ любовныя страсти, удвоилъ ночь. Не по ли самое воспламенятъ наши пороки, что происхождение ихъ приписать богамъ, и примѣромъ божества дать позволеніе къ слабости? могутъ ли не бытъ кратчайшими для нихъ ночи, которыя они столь дорого покупаютъ? день теряютъ ожидая ночи, ночь, опасаясь дня. Самыя ихъ удовольствія опасны, и разныхъ успрашеній преисполнены. И въ самомъ большемъ веселіи нечаянно смущаетъ ихъ мысль. И сколь она сильна? отъ нея цари оплакивали свое могущество, и имѣющій нѣкогда припсти конецъ отнималъ у нихъ чувствованіе великости своего щастія. Превысокомѣрный Персидскій Государь рас-
по-

полагая свои войска по великому пространству полей, и будучи не въ состоянїи ихъ изчислить, смотря только на величину прослезился, что послѣ спалѣнїя изъ коликаго числа никто въ живыхъ не останеся. Но потѣ же самой, которой плакалъ, приближалъ ихъ судьбу, имѣя погубить, иныхъ на землѣ иныхъ на морѣ, иныхъ на сраженїи, иныхъ въ бѣгствѣ, и въ малое время погубить тѣхъ, которыхъ сопою годъ его устрашалъ.

Г Л А В А XVII.

Какаяжѣ тому причина, что они и посреди самыхъ своихъ увеселенїй трепещутъ? та, что причины ихъ удовольствїй слабы, и таже тщета, изъ которой они произошли, ихъ тревожитъ. Какіяжѣ бы ты думалъ времена и сами они почитаютъ для себя несчастными, когда и сіи, въ которыхъ они возвышаются и поставляютъ себя превыше челоуѣчества, не вѣрны? Самыя большія богатства суть опасны: и нѣтъ хуже вѣришь, какъ самому большому щастїю. Другаго щастїя къ поддержанїю щастїя надобно. И самое то, что по нашему желанїю удавалось, надобно благодарить. Ибо все, что случай ни про-

производитъ, непостоянно: чѣмъ выше что вознеслось, тѣмъ ближе къ паденію, а то, отъ чего всегда паденія надобно ожидать, никого не веселитъ. И такъ жизнь ищущихъ съ великимъ трудомъ того, что беречь, еще больше выскивается труда, не только коропка, но и очень бѣдна. Они съ великимъ трудомъ желаемое получаютъ, а получивъ съ мученіемъ содержатъ. Пропекающеежъ между тѣмъ время никакимъ образомъ возвращено бытъ не можетъ. Новыя упражненія занимаютъ мѣсто давнихъ, надежда возбуждаетъ надежду, изъ высокоумія рождается высокоуміе. Мы не ищемъ нашимъ несчастіямъ конца, но только качества ихъ перемѣняемъ. Мучилиль насъ наши чести? то мы свое время дѣлили другимъ. Перестали мы бытъ Кандидами? начали членами. Перестали обвинять? начали судить. Кончили судоустройство? сдѣлались Квесторами. Состарѣлся ли кто спряччимъ за чужія добра, то тѣ своихъ лишился. Оставилъ Марій солдатство? принялъ Консульство. Спѣшитъ Квинтій оставить Диктаторство? но его возмутъ и отъ плуга. Пойдетъ ли въ несовершенныхъ еще лѣтахъ Сципіонъ противъ Карвагенцовъ, побѣдитъ Ганнибала, побѣдитъ Антиоха, украшеніе Консульства твоего

его и поручникъ за братнее. И за малымъ только своимъ медалѣніемъ не вмѣщенъ будетъ съ Юпитеромъ? То внутреннія возмущенія на него восстанутъ за его спасеніе, и за то, что еще въ юношество не принесъ богамъ должныхъ почестей, въ старости уже сосланъ будетъ въ ссылку. Всегда или щастіе или нещастіе будетъ причиною мученія: въ упражненіяхъ протечетъ праздное время, котораго мы хощя всегда будемъ желать; но никогда не будемъ имѣть.

Г Л А В А XVIII.

И такъ любезнѣйшій Павлинъ! оставь ты общежительство, и не будучи еще носимъ по пространству жизни вниди въ безопаснѣйшую пристань. Помысли коликимъ волненіямъ ты себя подвержешь, и коликю бурей по приватныхъ, по общихъ на тебя возстанетъ. Довольно ты свой духъ показалъ въ трудахъ и безпокойствіи, такъ отвѣдай еще, каковъ онъ будетъ въ покоѣ. По справедливости большую часть жизни долженъ ты посвятить обществу: однако нѣскольکو своего времени употреби и для себя. Припомъ же я не отзываю тебя къ праздности и нерадѣнію, и не сътѣмъ, чпобъ ты всѣ свои дарованія погрузилъ

зилъ въ снѣ при пріятномъ сонѣ свирѣли. Сіе не значитъ покоя. Ты слышишь еще важнѣе дѣла, нежели ты по сіе время имѣлъ, которыя ты съ спокойнымъ духомъ будешь во уединеніи дѣлать. Публичныя дѣла ты оправдываешь такъ воздержно, какъ чужія, съ поличнымъ прилѣжаніемъ, какъ собственныя твои, съ такимъ уваженіемъ, какъ публичныя; и ищешь любви въ должности, въ которой ненависти избѣгать трудно: однакожъ повѣрь мнѣ, что гораздо лучше знать свою жизнь, нежели общеспвенное житіе. Опвлечи ты свой великой къ самымъ великимъ дѣламъ способной разумъ отъ должности, хотя и славной, но къ блаженной жизни неспособной: и подумай, что ты не съ тѣмъ отъ самыхъ первыхъ швоея жизни дней упражнялся въ свободныхъ наукахъ, чтобъ многія тысячи жита исправно принимать; большимъ чѣмъ нибудь ты себя ласкалъ. Не будетъ недостатка въ бережливыхъ и прудолюбивыхъ людяхъ. Нескорые мулы способны къ ношенію возлагаемыхъ на ихъ тягостей, чѣмъ знатныя лошади, на которыхъ когда кто возлагалъ тяжелой мѣхъ? Кромѣ сего подумай, сколь горестно подвергать себя поличной тяжести. Ты имѣешь дѣло съ чужими брюхами: го-

лод-

лодной народъ не смопритъ ни на при-
 чины , ни на справедливость , ни на
 какую прозбу . Теперь въ недавнихъ
 дняхъ , въ которые Кай Кесарь погибъ
 съ несноснымъ мученіемъ , естли
 только беззаконные имѣютъ какое ни-
 будь чувствованіе , что оставилъ по
 себѣ народъ Римской , осталось поль-
 ко на семь , а по крайней мѣрѣ на во-
 семь дней пищи ? Когда онъ будучи
 осаженъ порома соединялъ съ кораблями
 и Имперією игралъ , то ужè послѣднее
 нещастіе , т . е . недостатокъ въ пищу
 приближался . Подражаніе бѣшеному и къ
 своему нещастію прегордому Государю ,
 едва не кончилось голодомъ , и происхо-
 дящимъ изъ того всеобщимъ разруше-
 ніемъ , что тогда думали тѣ , коимъ
 препоручено было попеченіе о Фуражѣ ?
 Они имѣя намѣреніе подхватить Кая
 прикрывали мечи , камни , и огонь все-
 мѣрнымъ прикрытіемъ таящагося въ
 ихъ сердцахъ нещастія : и сіе съ разу-
 момъ . Ибо инья болѣзни такъ надобно
 лечить , чтобъ больные и не знали . Мно-
 гихъ смерть зависѣла отъ знанія своей
 болѣзни .

Г Л А В А XIX.

Прибѣгни ты къ безмятежнѣйшему, безопаснѣйшему и важнѣйшему. Развѣ ты думаешь, что все равно, спараться ли тебѣ, чтобѣ приводящіе по лукавству, или нерадѣнію не высыпали вѣ житницы испорченнаго жита, чтобѣ оно замокши не портилось и не согрѣвалось, и чтобѣ имѣло должную мѣру и вѣсѣ: или вѣ семѣ священномѣ и высокомѣ упражняться, чтобѣ узнашь, какую боги имѣютѣ матерію, вѣ чемѣ состоитѣ ихѣ удовольствіе; какое состояніе и какую форму? Что должно случиться съ твоею душою, куда насѣ природа разлучивѣ отѣ тѣла опредѣлитѣ? Что самыя тяжчайшія тѣла содержатѣ вѣ срединѣ, надѣ ними легкія, а на самомѣ верьху полагаетѣ огонь, и звѣзды вѣ надлежащее время движетѣ? И прочія преисполненныя великихѣ чудесѣ. Хочешь ли ты оставивѣ землю возвыситься къ нимѣ умомѣ? То теперь пока еще не простыла кровь, вѣ цвѣтущихѣ лѣтахѣ надобно спараться о лучшемѣ. Вѣ семѣ родѣ жизни сыщешь ты многія науки, возлюбишь добродѣтель и станешь ея пворить, позабудешь страсти, научишься жить и умереть, и будешь наслаждаться вождѣленнымѣ спокойствіемѣ. Всѣ занятыя несчастны;

не имѣющіе же никакихъ упражненій еще несчастныѣ. Они на другихъ смотрятъ, по чужимъ стопамъ ходятъ, на другихъ смотря бдятъ; и самыя вольнѣйшія дѣйствія, любовь и отвращеніе не въ ихъ волѣ. Сіи естели желаютъ знать сколь коротка ихъ жизнь; по пускай посмотрятъ съ которой стороны они могутъ ея называть своею. И такъ когда ты увидишь многожды уже бывшаго Консуломъ, и услышишь на площади славное имя, то не завидуй. Сіе пріобрѣтается съ потерею жизни, они для одного года (*) теряютъ все. А нѣкоторыхъ чрезвычайное славолюбіе, первыми волненіями жизни лишило: иные чрезъ многіе чины возшедши на высочайшій степенъ достоинства печалятся, что они прудились только для надгробной надписи; а иные въ поздней старости на подобіе малолѣтныхъ располагаясь по своей надеждѣ, при великихъ и непреодолимыхъ трудахъ ослабѣвъ умираютъ.

Г Л А В А. XX.

Мерзокъ потъ, который въ старости за неизвѣстныхъ самому себѣ соперниковъ стоя, и послѣдую голосамъ

Часть I. мѣс. Мартъ Н чер-

(*) То есть годъ ихъ Консульства.

черни на судѣ испускаетъ духъ. Гнусенъ томъ, копорой ослабѣвъ скорѣе живучи, нежели трудясь при самой должности лишился жизни. Мерзокъ томъ, котораго долго провоженной надеждою наслѣдникъ осмѣялъ, что онъ надъ тѣмъ только и потѣлъ, что дѣлалъ расчеты. Не могу оставить приходящаго мнѣ на мысль примѣра. Тураннй былъ очень прилѣжной старикъ, который по прошествіи девяноста лѣтъ оппросился отъ Каія Кесаря на спокойствіе, велѣлъ себя положить на постелѣ, и чтобъ Фамилія его обступивъ на подобіе мертваго оплакивала. Оплакивалъ домъ отставку своего господина, и не пересталъ, пока возобновленіе его труда не принесло ему другой печали. Куды какое удовольствіе занятымъ дѣлами умереть? многіе такъ думаютъ: они долѣе труда желаютъ, нежели его употреблять могутъ: сражаются съ слабостію тѣла: самую старость не по другому чему несносною почитаютъ, какъ что она съ нихъ труды слагаетъ. Законъ больше пятидесяти лѣтъ не принуждаетъ служить солдата, а далѣе шестидесяти Сенатора: людямъ скорѣе спокойствіе назначаетъ законъ, нежели они сами себѣ. Между тѣмъ, какъ то у нихъ похищаютъ, какъ одинъ другаго лишаетъ покою, тогда они взаимно

имно дѣлаютъ себя несчастливыми, жизнь протекаетъ безъ удовольствія и безъ всякихъ душевныхъ успѣховъ. Никто не видитъ смерти, а надежду всякъ простираетъ далеко. Нѣкоторые же располагаютъ и то, что далѣе ихъ смерти, какъ то: огромные гробы, посвященія публичныхъ монументовъ, обряды при сожженіи и великолѣпныя похороны. Но по справедливости таковыхъ, яко крапчайшее время пожившихъ, погребенія при факелахъ и вошаныхъ свѣчахъ (*) надобно бы отправлять.

II.

ЖИЗНЬ СЕНЕКИ.

Луцій Анней Сенека родился въ древнемъ и славномъ Бепической Испаніи Римскомъ поселеніи Кордубѣ, отъ Фамиліи Аннейской, онъ какъ бы для предзнаменованія и имя получилъ отъ лѣтъ, (***) соотвѣтствуетъ ему также и прованіе Сенека; ибо оно происходитъ отъ имени

Н 2

Се.

(*) Такимъ образомъ, то есть при факелахъ, по переменно съ вошаными свѣчами отправляемы были младенческіе и горестныя похороны.

(**) Аннусъ на Латинскомъ языкѣ значить годъ или лѣто.

СенексЪ (старикЪ). ОтецЪ его былЪ МаркЪ Анней Сенека, котораго различаютЪ отЪ сына только по имени Декламатора; а мать Элвія, родомЪ также изЪ Испаніи, жена великаго духа и разума. ОтецЪ во время Августа перешелЪ вЪ РимЪ съ женою и дѣтьми, вЪ числѣ которыхЪ былЪ и Сенека еще младенцемЪ. ТамЪ онЪ воспитанЪ вЪ наукахЪ. Краснорѣчію, какЪ кажется, учился у отца; но не довольствуясь симЪ домашнимЪ ученіемЪ, прилѣпился онЪ къ Философіи, и у славныхЪ того времени ФилософовЪ неопступно учился: а имянно, у Аптала и Сопіона СтоиковЪ, также у Папирія Фабіана; но и Димитрія Циника почиталЪ и любилЪ. ОтЪ ФилософовЪ приступилЪ онЪ къ правленію республики и во первыхЪ былЪ КвесторомЪ, а ПреторомЪ по возвращеніи изЪ ссылки посредствомЪ Агриппины: ибо при Клавдіи вЪ первое его царствованія льто, когда Юлія Германикова дочь осуждена была за прелюбодѣянне, то и она вЪ ссылку и Сенека, какЪ бы вЪ числѣ прелюбодѣевЪ, вЪ Корсику сосланы. Липсій думаетЪ, что онЪ и КонсуломЪ также былЪ, но не настоящимЪ. ВЪ прочемЪ всегдашнее его достоинство состояло вЪ томЪ, что онЪ былЪ учителемЪ Государя, которой поистиннѣ былЪ

былъ самой доброй, пока его совѣшамъ
 и наставленіямъ послѣдовалъ. Сенека
 и прежде пребыванія своего при
 дворѣ былъ богатъ : ибо отецъ его
 оставилъ по себѣ знатное имѣніе. Онъ
 при дворѣ великое, и почти царское
 богатство нажилъ, или лучше сказать,
 добровольно къ себѣ идущее, принялъ:
 поелику Государь ему много дарилъ. Но сіе
 онъ имѣлъ частію отъ природы, частію
 отъ просвѣщенія разума, частію же на-
 конецъ отъ Фортуны. Теперь какимъ
 образомъ опишу я его нравы и добро-
 дѣтели, которыя онъ въ шолікомъ сте-
 пени совершенства имѣлъ, что ни до-
 стоинствъ блескъ не возбудилъ въ немъ
 гордости, ни дворѣ не склонилъ его къ
 общему, и почти врожденному пороку
 ласкашельству, ни богатство не сдѣ-
 лало его роскошнымъ? Сколь мало и
 почти съ презрѣніемъ онъ о своемъ ща-
 стіи думалъ, сіе видно изъ того, какъ
 онъ будучи обнесенъ предъ Нерономъ съ
 геройскою рѣчью къ нему пришелъ про-
 ся отпуску, и отдавая обратно свое богат-
 ство, какъ свидѣтельствуемъ Тацитъ. Въ
 пищѣ онъ имѣлъ удивительное воздержаніе.
 За своими поступками и живнію
 имѣлъ строжайшее наблюденіе. По при-
 чинѣ сихъ превосходныхъ свойствъ, еще
 въ томъ вѣкѣ столь высоко о немъ ду-

мали, что и на высочайшую власть опредѣляли. Но сколько пріятство щастія его чистой души не возвысило, столько напрошивъ того нападеніе нещастія не унизило. Въ ссылкѣ онъ жилъ около восьми лѣтъ не только безъ всякаго унынія, но и, какъ самъ же онъ говоритъ, щастливо, упражняяся въ наукахъ и размышленіи. Съ коликимъ присуствіемъ духа онъ умеръ, отсюда явствуетъ: когда военачальникъ Нероновъ объявилъ ему смерть, то онъ никакихъ знаковъ боязни не показалъ, и ничего печальнаго въ словахъ или на лицѣ у него не примѣчено. Плачущихъ друзей, то тихою рѣчью, то съ большимъ напряженіемъ, на подобіе удерживающаго, увѣщевалъ. Въ самой часъ смерти призвавъ писцовъ съ краснорѣчіемъ о многихъ достойныхъ примѣчанія дѣлахъ говорилъ, что и въ свѣтъ вышло. Вотъ достойная Философа и при томъ Стоика смерть. Онъ съ самыми наставленіями къ премудрости лишился голосу и жизни.

*Перевелъ съ Латинскаго языка
Студентъ Лафрентій Давидовскій.*

III.

Ф И Л О С О Ф Ъ.

Сіе слово въ ученѣмъ и этимологическомъ смыслѣ значитъ любителя мудрости;

дрости; такъ прежде разумѣли, такъ должно было, и такъ и нынѣ многіе въ прямомъ смыслѣ принимаютъ. Мудрость есть всегдашнее расположеніе человѣка къ тому, что по совершенномъ разсмотрѣніи есть лучшее; она содержитъ познаніе естества, состоянія, отношенія и судебъ вещей; сіе познаніе ея просвѣщаетъ и всѣ ея положенія управляетъ. И такъ премудрость познаетъ всегда и онаго всегда желаетъ. Человѣкъ истинно мудрой, знаетъ лучшее и всегда даетъ оному дѣйствительное преимущество. Мудрецами прежде назывались тѣ, кои чрезъ руководство природы, состоянія, отношенія и предопредѣленія вещей, прилагали стараніе открыть лучшее, и познавши оному всегда давали преимущество.

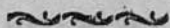
Похвально было искать сей мудрости, для того, что она есть истинный жребій человѣка, коего Создатель призываетъ къ полученію совершенства и вышшаго блаженства; но не возможно было достичь до онаго предмета, предполагающаго свободное познаніе пороковъ и добродѣтелей такъ, чтобъ не участвовала шупъ слабость человѣческая. — Ктожъ былъ истинно мудръ? — Никто. Таковыми нѣкоторыхъ прежде почитали, но, естли въ томъ вѣрить

исторіи, Пифагоръ былъ первой, ко-
рой имѣлъ довольно благоприспособленности
тому учиниться согласнымъ: и доволь-
но крепости духа, откинуть пышное
шило мудраго или мудреца. — „Пре-
мудрость, говоритъ онъ, для человѣка не
есть какимъ нибудь таковымъ опредѣ-
леннымъ количествомъ, которое онъ
можетъ точно получить, но она для
него есть въ видѣ значнаго предмета,
къ которому онъ спремиться долженъ,
такъ какъ къ такому добру, пріобрѣте-
нію котораго онъ долженъ жертвовать
своими дарованіями.“

Тѣхъ, коихъ называли мудрецами,
онъ почиталъ только любителями му-
дрости, кои чувствуя оной цѣну, ея
имѣли предметомъ своего ученія: въ
слѣдствіе чего и принялъ онъ имя Фи-
лософа.

Какъ совершенно узнали, что муд-
рость предполагаетъ познанія вещей, по-
старались о пріобрѣтеніи оныхъ, такъ
какъ способъ учиниться мудрымъ; но
къ несчастію съ одной стороны отдѣли-
ли разсужденія отъ практики, и назвали
мудрымъ того, которой былъ только
учень; а съ другой стороны желаніе
быть, или казаться ученымъ учинило,
что начали упражняться во множествѣ
безпо-

безполезныхъ разсужденій и въ пустыхъ вопросахъ, кои удовлетворяли только одно любопытство, не придавая чело-вѣку мудрости: по чему вскорѣ ученые люди, или тѣ, кои умѣли себя разумнѣе прочихъ показывать, наименованы Фи-лософами или мудрецами; и при семъ имени отъ прочихъ были опмѣнны и почитаемы; сіе столь хорошее наименованіе давали каждому, которой казался ученъ, не взирая на свойство его знанія. Отъ сего-то произошли Софисты, въ ненависть коихъ впалъ Сократъ; для того, что онъ далъ знать, что „суеш-ной разскащикъ не есть мудрецъ, ниже Философъ, что ученый только чело-вѣкъ, по его разсужденію, есть ни что иное, какъ бесполезной болшунъ, что Философія тогда только хороша, когда управляетъ нашими мыслями, мнѣніями и дѣйстві-ями. Между его и Пифагоровыми послѣ-дователями было малое число, которые бы Философію употребляли къ тому, къ чему она предопредѣлена; весьма не многіе находили настоящую истинну; еще меньше было такихъ, кои могли изыскивать оную для лучшаго понятія и исполненія всѣхъ своихъ должностей. Одни только были Споики, коихъ мнѣ-ніе, казалось, стремилось къ поправле-нію склонностей и нравовъ чело-вѣческихъ.

Удаляся отъ сего общаго начала, что Философія есть знаніе нравственной мудрости, почувствовали, что правила оной относительны къ Богу, къ прочимъ людямъ, къ самимъ себѣ и ко всѣмъ другимъ существамъ, что для преподаванія сихъ правилъ должно знать ихъ предметы, По чему знаніе всѣхъ предметовъ въ натурѣ находящихся, или только бытъ могущихъ, учинилось тѣмъ полемъ, которое философы постичь хотѣли; а какъ философъ долженъ бытъ въ состояніи доказать, что онъ утверждаетъ, и оное защищать отъ тѣхъ, кои то отвергають; то онъ долженствовалъ знать все то, что между разговорами могло бы служить какъ ко опроверженію чужихъ мнѣній, такъ и къ защищенію собственныхъ. И такъ всякая наука и художество зависило отъ философа, по чему и давали сіе имя безъ разбору Астроному, Физикъ, Нравоучителю, Астрологу, Спорщику, Діалектику, Богослову, и тому которой отвергалъ бытіе Божіе, которой признавалъ что все чинится по слѣпому случаю, которой уничтожалъ всѣ нравученія, которой отвергалъ всякую истинну, которой погружалъ человека въ сомнѣніе о всемъ, которой чрезъ то опровергалъ всякое понятіе о нравученіи; тому, которой научалъ Божеству, которой утверждалъ

далъ въ догматахъ великое множество положеній: и также наконецъ пому, которой изъ волшебства производя Системы, изъ обрядовъ богопочитанія дѣлалъ чародѣйствія, и довольно благочестиваго человѣка приводилъ въ суевѣріе и неограниченную вѣроятность даже до самой глупости; также часто, чтобъ бытъ включену въ число Философовъ довольно было воспріять родъ суровой и строгой жизни, и поступать въ противность общихъ понятій и естественныхъ склонностей человѣческихъ.

Типло Философъ вмѣсто типла мудраго для кротости воспріятое вскорѣ учинилось весьма пышно, и оказало въ тѣхъ, кои оное имѣли, столько гордости и честолюбія, сколько могло произвестъ по превосходству прежнее типло мудраго.

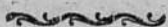
Чрезъ многіе вѣки забвеніе наукъ и невѣжество нравовъ, произшедшее отъ войны и разворенія непросвѣщенныхъ народовъ, произвело то, что уже почти не видно спало на земли Философовъ. Сочинители худыхъ Хрониковъ, рассказыватели набожныхъ повѣстей, невразумительные Богословы, не знающіе писатели о спорахъ до вѣры касающихся, заняли мѣсто прежнихъ Философовъ. Но какъ не чувствительно изъ затмѣнія выну-

ще-

щены были на свѣтѣ сочиненія Греческихъ Философовъ, коимъ Арапы подѣвладѣніемъ Багдадскихъ Калифовъ изучались; но вскорѣ усмотрѣно было происхожденіе схоластической Философіи, и Философомъ тогда былъ называемъ читавшей Діалектическія Аристотелевы сочиненія, и потѣ, которой умѣлъ употреблять всю остроуму его раздѣленій, потѣ, которой приписывалъ вещественность понятіямъ отвлеченнымъ, которой мѣсто идей наполнялъ словами, которой прикрывалъ свое незнаніе чрезъ важныя испинны, грубыми и невразумительными словами изъясненныя, чрезъ которыя старались изобразить на вопросы тысячу мыслей болѣе острыхъ, нежели основательныхъ безъ всякой пользы. Философъ тогда былъ разскащикъ, а не потѣ, которой училъ, учился и самымъ дѣломъ слѣдовалъ мудрости.

По мѣрѣ какъ умножилось просвѣщеніе, и какъ нѣкоторые добрыхъ будучи свойствъ и разумны возчувствовали неполезность пустыхъ споровъ, въ коихъ они безпрестанно упражнялись, то увидѣли, что Философъ долженъ быть мудръ, долженъ убѣгать погрѣшностей и пороковъ съ таковою ревностію, съ каковымъ жаромъ искать истин-

ны и добродѣтели; ибо предразсужденія, страсти, выгоды и польза духовенства владычествовавшая надъ людьми единственно по причинѣ невѣжества и ложныхъ мнѣній, подвергали ужасной ихъ ненависти тѣхъ, которые бы захотѣли употреблять свѣтило разсудка въ заплѣти догматовъ и обрядовъ закона. Всякъ, кто слѣпо не соглашался съ опредѣленіями всякихъ Соборовъ; Папъ; Поповъ и Монаховъ, былъ гонимъ; и какъ сіи нововводители то относили до Философіи или разсудка противъ всѣхъ непристойностей, которыми торговали Богословы; то Философія учинилась ненавистною; шло Философа и шло нечестиваго или Атеиста было почитаемо однозначащимъ словомъ по мнѣнію Богослововъ, кои смѣшивали свои мнѣнія съ истинною, свои прибытки съ прибытками будтобъ до закона касающимися, и также съ божествомъ, и увѣряли не знающихъ, что кто имъ противился или не хотѣлъ слѣпо подвергнуться ихъ мнѣніямъ непріятель былъ Богу. Отъ сего-то произошло оное несчастливое противоборство, продолжающееся еще и до сего времени между Философіею и Богословіею, между вѣрою и разумомъ, между Философомъ и Богословомъ; противоборство, гово-
рю;

рю, которое не можетъ быть дѣйствительно, какъ тогда, когда чрезъ Бого- слова разумѣтся человѣкъ принимающій участіе въ защищеніи всего того, что предразсужденія, суевѣрія худая и славолюбивая вѣра споспѣшествовали духовенству изобрѣщать, дабы подвергнуть и держать подъ своимъ игомъ непросвѣщенныхъ людей; или тогда, когда чрезъ Философа разумѣтся дерзкой разумъ, которой безъ всякаго изслѣдованія отвергаетъ всякое предложеніе, коего слѣдствія могли бы быть противны испорченнымъ его нравамъ, или бы произвели въ немъ угрызеніе его совѣсти въ разсужденіи порочныхъ его склонностей; или кои имъ будучи приняты, его бы, въ разсужденіи его мнѣнія и правилъ, соравняли весьма многихъ изъ его современниковъ, отъ коихъ онъ, по причинѣ своей гордости, желалъ бы быть отличнимъ.

Изъ сего вновь произошли многіе и великіе споры, кои всякою скрытною корыстію были возстановляемы; и какъ ни одна изъ обѣихъ спорящихся сторонъ не хотѣла другой уступить, то углубясь въ дальнѣйшіе споры другъ отъ друга болѣе отдалялись, наблюдая то, чтобы какъ возможно спараться о несоединеніи и несогласіи между собою,

и стараясь о оправданіи своего взаимнаго отдаленія; оба стремились и впади въ разныя и самимъ себѣ проотивныя непристойности. — Богословы примѣняя, что проотивъ того, что въ ихъ догматахъ, обрядахъ и поведеніяхъ находили непристойнаго, дѣйствовавъ разумъ, то вооружились проотивъ онаго и свергнувши его съ судища, которой долженствовавъ судить, учинили они опредѣленія совсѣмъ несправедливыя. Съ своей стороны Философы хотѣли, чтобы не только все то, что есть справедливо, подвержено было разсудку, но также во первыхъ не принимали ничего такого, чего бы разумъ не въ силахъ былъ доказать, хотя бы находилась тысяча подлинныхъ и самыхъ натуральныхъ истинъ въ томъ, что оное доказательствомъ неподвержено и оными не можетъ быть доказано; во вторыхъ они хотѣли безъ всякаго раземопрѣнія и изслѣдованія отвергать все то, о чемъ Богословы ни научали, и то, чтобы они и доказать могли; отъ сего то произошло, что Философъ долженствовавъ полагать проотивныя доказаннымъ истиннамъ правила, и разсуждать проотивъ справедливости проотивнымъ образомъ, нежели какъ бы разсудокъ требовалъ.

Наконецъ Богословы начали чувствовашь непристойныя свои поведенія, примѣтили они, что зашмѣвать разумъ есть ни что иное, какъ отнимашь у человѣка его путеvodителя; а какъ разумъ имѣетъ начало свое отъ Бога, которой людей онымъ одарилъ для разсужденія о предлагаемыхъ ему вещахъ; то и спало бытъ не возможно, чтобы вещи, которыя разумъ принужденъ бываетъ отвергать, Богомъ были предсказаны въ видѣ истинныя; по чему и начали опять изслѣдывать все, что ввели въ Систему о Богословіи; отдѣлили они полезное отъ любопытнаго, извѣстное отъ сомнительнаго, доказательное отъ положительнаго, непристойное и между собою несогласное, отъ таинственнаго, потому; что еще тогда на оное не было вопросительнаго слова *какъ?* Такимъ-то образомъ Богословы нѣсколько соглашались съ Философами, да и сами учинились Философы; но сіе разумное исправленіе должно бытъ приписано Аглинскимъ Богословамъ. — Философы съ своей стороны узнали, что всего доказать не можно, понеже находятся неоспоримыя въ Физикѣ, Математикѣ и человѣкословіи дѣйствія, которыя однако показываютъ неизбѣжныя тайности; также удобно можно тако-

таковымъ находишься и въ Вогословіи ,
 копорая предметомъ имѣетъ существо
 нашими мыслями непоспизимое ; и что
 сіе показываетъ худой разсудокъ , когда
 кто говоритъ , что онъ не понимаетъ ,
 какимъ образомъ оное быть можетъ ,
 по чему утверждаетъ , что онаго нѣтъ .
 Таковой новой способъ мыслишь былъ
 возпринятъ всѣми знатнѣйшими новыми
 Философами безъ извѣстія , ежели чрезъ
 Философовъ понимать шѣхъ , кои болѣе
 размышляли , кои болѣе пріобрѣли поз-
 нанія , кои большія предпринимали осто-
 рожности , чтобъ не впастъ въ погрѣш-
 ность , кои болѣе прудились , чтобъ
 разсуждать основательнѣе и кои къ
 симъ прудамъ соединяли свои опмѣн-
 ныя и великія дарованія ; и шѣ , коихъ
 бы въ прежніе вѣки назвали нечеспи-
 выми или Атеиспами . Великихъ въ раз-
 сужденіи разума людей называли равно
 великими Философами , какъ и добро-
 дѣтельными Христіянами ; ихъ сочине-
 нія къ благочестію будучи сполькожъ
 относительны , сколько и къ Философіи ,
 показывали въ нихъ совершенное согла-
 сіе вѣры и разума , и имя Философа
 соединенное съ именемъ истиннаго Хри-
 стіанина .

Правда , что съ нѣкопорого времени
 вещи многую учинили перемѣну въ мыс-
 ляхъ многихъ людей . Родилась новая Сек-

па, которая гордится шипломъ Фило-софическимъ, и коей послѣдователи съ дерзостью именемъ Философа украшаются; весьма трудно описать опредѣленной чертежъ оной, не того, чему она вѣритъ, ибо сіе не возможно, потому что, кажется, вѣ самомъ дѣлѣ она ни чему не вѣритъ; хотя по обстоятельствуамъ и уваженіямъ свѣтскимъ, кажется, что она вѣритъ всему; но почто опредѣлить, какое есть основаніе преподаваемаго ею ученія, весьма трудно; ибо она еще ничего не имѣетъ положительнаго. Изъ послѣдователей ея одни опредѣлили себя къ тому, чптобы опровергать всѣ вѣры по своему разсужденію, опровергать всѣ законы, впрочемъ важные и довольно справедливые, и кои основанными называются на откровеніяхъ: они послѣдуютъ одному единственно натуральному закону. О семъ мы сказали при словахъ Деисмъ и Деистъ.

Другіе изъ нихъ свои мнѣнія простираютъ далѣе и доходя до непристойностей вѣ безбожіи усматриваемыхъ, довольствуются признаніемъ, что есть первая причина всему, о коей, они говорятъ, намъ нѣтъ ничего извѣстнаго, по всѣмъ разсужденіямъ; такъ что будто бы объ оной не можно ничего сказать безъ дерзновенія. Третьи будучи еще глубокомысленнѣе и пожирая всѣ про-

противныя Атеистамъ мнѣнія и понятія, открытымъ образомъ объявляютъ себя ихъ защитниками. — Изъ такихъ есть еще, кои слѣдую обыкновеніямъ тѣхъ, съ которыми они обходятся, по съ тѣми, по съ другими, бывають согласны; сего ихъ разнообразнаго и многоразличнаго соединенія единственная причина есть ревность, находящаяся въ нихъ къ сопротивленію прошиву всего, что въ каждомъ законѣ предлагается, къ открытію войны прошивъ всякаго догмата, которой сіи предложенія намъ весьма истинными представляеть, по есть, что Богъ есть всемогущъ и совершенъ, что онъ есть Создатель и Творецъ вселенной, Сохранитель міра, все правящій своимъ промысломъ, что онъ есть источникъ всѣхъ благъ, которыми мы пользуемся, которой чрезъ откровенія и разумъ открылъ людямъ, что они должны дѣлать, чтобы учиниться благополучными, которой, давши имъ законъ, ихъ нѣкогда будетъ судить, и по ихъ дѣламъ наказывать за худыя, или награждать за добрыя, которыя всѣ они по своей волѣ учинили. Они отвергая сіи начальныя закона правила и оныя въ смѣхъ обращая, не имѣють болѣе почитанія къ нравоучительнымъ слѣдствіямъ отсюда истекающимъ, но тѣхъ, кои для

онаго удерживаются опѢ худаго; почти-
таютѢ малосмысленными. — *Смотри
безбожіе.*

БезѢ сомнѣнія спросятѢ здѣсь, по-
какому праву оныя люди себя называ-
ютѢ *Философами*? Мы познаемѢ един-
ственнымѢ сему основаніемѢ ихѢ гор-
дость, которою побуждены будучи, они
хвастаются, что могутѢ преодолѣть
всѢ предразсужденія и ни одному изѢ
оныхѢ не быть подвластными; но пре-
жде не хвастаясь оказаніемѢ поликой
услуги челоѡчеству, надлежалобѢ имѢ
начать чрезѢ изслѣдованіе, что подѢ
именемѢ предразсужденія разумѢть на-
длежитѢ; дабы не включать безѢ раз-
бору вѢ оной родѢ мнѣній такѢ, что
будто должно откинуть всѢ положенія
относительныя до Божества, не прила-
гая труда вѢ разпознаваніи, справедливы
ли онѢ или ложны, и равно отрицать
все что ложно и не согласно, что
сумнительно и что вѣроятно, что извѣ-
стно и что довольно доказано: надле-
жало бы подкрѣплять то, что другими
доказывается не гордость, но ядовитыя
насмѣшки и ругательства; *ФилософамѢ*
не прилично опвергать справедливое чрезѢ
Софисмы, доказанныя истинны чрезѢ лож-
ныя и выдуманныя; должно было надѣять-
ся сѢ ихѢ спорныя заключительныхѢ раз-
сужденій. НаконецѢ ихѢ первую долж-
ностью

ностью учинилось познаніе предметовъ, о коихъ они говорятъ или пишутъ, и не отваживаясь разсуждать о тѣхъ вещахъ, въ которыхъ они ни малѣйшаго не имѣютъ свѣдѣнія; но сихъ правилъ, прежде они или не знали, или, ежели знали, по судили, что въ разсужденіи ихъ намѣренія не должны они слѣдовать наставленіямъ оныхъ.

Весьма удивительно было, что при паковыхъ пропивныхъ философскихъ характерахъ они осмѣливались называться *Философами*, и что столь многіе ученые люди съ такою благосклонностію соглашались давать имъ сіе шипло; многіе позволили себя ослѣпить довольно великими припасами умствованій извѣстнымъ хвастовствомъ ложной учености, состоящей въ единой поверхности, часто подозрительной въ разсужденіи худой вѣры и всегда лишенной критики и разумѣнія весьма частымъ употребленіемъ философическихъ изрѣченій; но тѣ, о коихъ мы говоримъ, не чувствовали достоинства, по причинѣ своего искусства прикрывать свое въ разсужденіи сего незнаніе, дѣлая въ своихъ рѣчахъ темной и таинственной переворотъ, которой по видимому заключалъ въ себѣ великой смыслъ, но въ которомъ истинной философъ онаго не находилъ, а усматриваетъ однѣ только пустыя слова.

Когда таковыми учинились по нѣ-
вѣшной модѣ Философы, то не будутъ
удивляться, когда въ семъ Лексиконѣ
мы ихъ часто назначаемъ подъ име-
немъ Философистовъ, кое наименованіе
болѣе сходствуетъ съ ихъ нравственны-
ми качествами и съ свойствами ихъ
сочиненій; сіе для того, что почитаемъ,
что хорошее имя Философъ сохранить
должно для тѣхъ, кои суть почные
любители мудрости. Но кто прямые лю-
бители мудрости и почтенные Филосо-
фы? Не тѣ, кои желаютъ быть таковы-
ми, не имѣя другихъ достоинствъ какъ
внѣшней образецъ особенной жизни, ко-
торая заключаетъ въ себѣ менѣе нраво-
учительныхъ, а болѣе мысленныхъ пра-
вилъ, лучше между собою соображен-
ныхъ и дѣйствительнѣе чувствуемыхъ,
чтобы не могло быть откровенно соеди-
ненное съ гордостію желаніе учиниться
отъ прочихъ отличимъ и привлечь на
себя ласкательное вниманіе публики. Нѣ-
которыя внѣшнія въ мудрости примѣ-
чаемая суровости, жизнь въ незнап-
ности и уединеніи препровождаемая,
при нѣкоторыхъ познаніяхъ чрезъ чте-
ніе пріобрѣтенныхъ, и грубымъ разсуд-
комъ, многочисленными словами подтвр-
жденныхъ, не суть знакомъ какъ любви
къ истиннѣ и добродѣтели, такъ и по-
печенія къ полученію успѣха въ позна-
ніи

ни первой и въ исполненіи послѣдней; все сіе можетъ случиться съ человѣкомъ, несчастно подверженнымъ разнымъ страстямъ, не сходственнымъ съ мудростію.

Философомъ не почитается и тотъ великой духъ, который отвергнувши случайно нѣсколько погрѣшностей и ложныхъ предразсудковъ, отвергаетъ съ дерзостію безъ всякаго разсужденія все то, что ему не нравится, или что ему кажется презрительнымъ, единственно для того, что оно принято за истинное отъ многихъ людей, кои ему кажутся ниже его въ достоинствѣ, и коихъ онъ почитаетъ не великихъ дарованій и слабаго разсудка, между тѣмъ, какъ самъ слѣпо послѣдуетъ всякимъ нелепостямъ, кои въ изобиліи производятъ отъ сего мудраго человѣка, которой самъ хвалится знаніемъ всего и отъ другихъ въ томъ похваляетъ. Въ отверженіи съ дерзостію всего, что другіе утверждаютъ, и въ утвержденіи того, что прочіе отвергаютъ, не состоитъ умозрительная Философская мудрость; она состоитъ въ отверженіи того, что довольно ясно видно ложнымъ, въ утвержденіи того, что довольно ясно видно истиннымъ и въ разсужденіи о вещахъ, уже по познаніи причинъ оныхъ. Можно не заслужа

О 4

скаго

скаго шипла бытъ Астрономомъ, Математикомъ, Физикомъ, Діалектикомъ, Богословомъ, Натуралистомъ, Юриспрудентомъ и пр. Все сіе содержитъ въ себѣ знаніе, но сіе знаніе можетъ бытъ и безъ мудрости, которая къ несчастію отъ знанія отдѣлена бытъ не можетъ. Всѣ оныя познанія можетъ имѣть человѣкъ, который не любитъ ни истинны, ни добродѣтели, который ищетъ истинну не для того, что она есть свѣтило, просвѣщающее человѣческой путь къ его опредѣленному концу; но понеже оныя науки, коими онъ хвастается, пріобрѣтаютъ ему имя; онъ разсуждаетъ о добродѣтели, не для того что будто чувствуетъ, что она есть единый путь къ общему и единственному предопредѣленію, онъ объ ней по ученому говоритъ, не для того что ее любитъ и почитаетъ такъ какъ истинное всѣхъ людей благо; но для того, что она часто бываетъ предметомъ разсужденій и прѣнія, и какъ онъ не хочетъ казаться незнающимъ, то онъ разсуждая объ оной находитъ случай учинить свой разумъ и таланты блестящими. Философъ ищетъ истинны, чтобъ бытъ въ состояніи узнать свое предопредѣленіе и оное познавши показать прочимъ. Объ ней онъ размышляетъ, потому что она есть свѣтъ, при единомъ сіяніи котораго

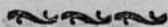
раго могутъ только люди безопасно шествовать. Онъ хочетъ все знать, потому что хочетъ быть въ состоянїи оцѣнить всякое благо, чтобы не выбрать худаго, и знать всѣ отношенїя существъ, чтобы лучшее одобравши по оному учредить свои поступки.

Добрыя намѣренїя и расположенїя безъ познанїй составляютъ хорошїй нравственный характеръ, но не довольны къ содѣланїю Философа; онъ долженъ при прямыхъ видахъ соединить познанїя къ предметамъ естественно пользующимъ человѣчеству, дабы укрыться отъ заблужденїй, могущихъ имѣть влїяніе въ его поступки и оныя учинить вредными ему или ближнему; слѣдовательно не обходимо нужно ему знать природу человѣческую, и предметы нравственныхъ его дѣйствїй, оныхъ положенїе, отношенїе и предѣлы.

Но потъ никогда не будетъ Философомъ, который не имѣетъ онаго здраваго разсудка, направляющаго на стезю истинны, дабы самому припсти безопасно къ оной и провождать другихъ безъ заблужденїя.

Что же есть Философъ? Вотъ характеръ, который мы ему приписываемъ.

Другіе люди опредѣлены дѣйствовать не чувствуя и не зная причинъ ими

движущихъ, ниже помышляя объ оныхъ; напротивъ того Философъ разбираетъ причины сколько можетъ, и часто оныя предупреждаетъ, и съ осторожностію онымъ повинуется: онъ уподобляется часамъ, которые заводятся, такъ сказать, иногда сами собою. И такъ онъ убѣгаетъ предметовъ могущихъ въ немъ произвести чувствованія не приличныя благородному и разумному существу, а ищетъ такіе, которые бы могли возбудить въ немъ чувства приличныя состоянію, въ которомъ онъ находится. Разумъ у Философа есть то, что у Христіанина милосердіе. Милосердіемъ управляется Христіанинъ, разумомъ Философъ. Другіе люди похищены своими страстями такъ, что дѣйствія ихъ предшествуютъ размышленію, они во тьмѣ ходятъ; напротивъ того Философъ въ самыхъ страстяхъ своихъ дѣйствуетъ по размышленію, онъ шествуетъ ношю, но предъ нимъ предходитъ свѣтило.

Философъ свои мнѣнія основываетъ на безчисленномъ множествѣ частныхъ примѣчаній. Народъ принимаетъ оныя не разсуждая, отъ чего онъ начало свое возымѣли: онъ вѣритъ, что правило есть само по себѣ; но Философъ оное разсматриваетъ отъ самаго его источника; онъ разсуждаетъ о его началѣ,
онъ

онъ познаетъ его собственную важность, и такъ оное по приличности упреждаетъ.

Истинну Философъ не представляетъ такую, котораябъ могла разрушить его воображеніе, и которую бы онъ могъ найти вездѣ; онъ довольствуется тѣмъ, что можетъ отобразить оную, гдѣ ее усмотришь. Онъ не смѣшиваетъ ее съ правдоподобіемъ; что въ самомъ дѣлѣ истинно, то онъ почитаетъ истинною; что ложно, ложнымъ; что сомнительно, сомнительнымъ; что вѣроятно, вѣроятнымъ. Но что болѣе совершенство Философа означаетъ, что онъ когда не имѣетъ собственнаго побудительнаго къ разсужденіямъ движенія, умѣетъ быть не рѣшимымъ.

Свѣтъ наполненъ разумными людьми и такими, кои всегда разсуждаютъ; всегда они гадаютъ, ибо разсуждаютъ, не чувствуя, имѣютъ ли собственную къ тому склонность, есть то самое, что гадать. Они не знаютъ способности человѣческаго разума: они думаютъ, что оной можетъ все знать; и такъ ни о чемъ не разсуждаютъ они почитаютъ за спыдъ, и воображаютъ, что разумъ состоитъ въ умствованіи. Философъ думаетъ, что оной состоитъ въ хорошемъ умствованіи: онъ доволенъ себою бываетъ, когда сомнѣвается, нежелн

жели когда рѣшится безъ собственнаго побужденія къ заключенію. И такъ онъ судитъ и говоритъ меньше, однако судитъ справедливѣе и говоритъ лучше; онъ не убѣгаетъ живыхъ видѣній уму представляющихся бѣгущею толпою понятій, на соединеніе которыхъ со удивленіемъ взираеть должно. Въ семъ по скоромъ соединеніи состоитъ то, что вообще подъ именемъ *разума* извѣстно; но сего по менѣе всео ищетъ, а предъ симъ блескомъ даетъ преимущество подробному раздѣленію понятій, познанію точныхъ границъ и связи оныхъ, и избѣжанію особенныхъ отдаленныхъ отношеній, между идеями находящихся. — Такое по разсмотрѣніе приличествуетъ *здравому разсудку*. Философъ не столько привязанъ къ своему мнѣнію, чтобы не чувствовалъ силы проотивныхъ предложеній. Большая часть изъ людей столько слѣпо слѣдуютъ своимъ мнѣніямъ, что не хоятъ и разсмотрѣть мысли другихъ. Философъ понимаетъ то мнѣніе, которое онъ отвергаетъ, въ таковой же обширности и чистотѣ, какъ и то, которое онъ принимаетъ.

Философской разумъ есть примѣчательенъ и справедливъ, которой все относитъ къ своимъ истиннымъ мнѣніямъ; но философъ изощряетъ не одинъ разумъ,

зумѢ ; его вниманіе и старанія простираются еще далѣе.

Человѣкъ не есть чудовище, которое должно жить въ безднахъ морскихъ, или во внутренностяхъ лѣсовъ: однѣ надобности принадлежашія къ жизни дѣлаютъ нужнымъ сообщество съ прочими ; и въ какомъ бы онъ ни находился состояніи, его надобности и благосостояніе собственное принуждаютъ его быть въ обществѣ. И такъ разсудокъ отъ него требуетъ, чтобъ онъ зналъ, учился и трудился для пріобрѣтенія тѣхъ качествъ, кои онъ долженъ употреблять въ обхожденіи съ прочими.

Нашъ Философъ не почитаетъ себя на семъ свѣтѣ какъ бы въ изгнаніи ; онъ не думаетъ что онъ въ странѣ непріятельской находится ; онъ хочетъ наслаждаться какъ разумный домостроитель имѣніемъ, натурою ему даннымъ : онъ хочетъ удовольствіе находить въ обхожденіи съ другими ; и чтобъ оное найти, онъ долженъ то дѣлать : и такъ онъ ищетъ обхожденія съ тѣми, съ коими онъ по случаю или по своему выбору долженъ жить, и въ сіе по время находить, что ему прилично. Кто желаетъ нравиться и быть полезнымъ, тотъ честный человѣкъ.

Большая часть знатныхъ, коихъ разсѣянность не допускаетъ разсуждать долгое время, бывающъ жестоки противъ шѣхъ, коихъ они себѣ равными не почитающъ. Философы, кои разсуждающъ чрезмѣрно много, или лучше сказать худо, бывающъ таковыми противъ всего свѣта; они людей, а люди ихъ убѣгаютъ. Но Философъ, о коемъ мы говоримъ, которой умѣетъ себя дѣлить между уединеніемъ и обхожденіемъ съ людьми, наполненъ челоуѣколюбія. У Теренція упоминаемой Хремесъ чувствуетъ, что онъ челоуѣкъ, и что единственно челоуѣколюбіе можетъ участвовать въ щастіи или въ несчастіи сосѣда. *Homo sum, humani a me nihil alienum puto.*

Безполезно бы было здѣсь упоминать, сколько Философъ ревнителенъ къ тому, что называется честность и справедливость. Гражданское общество онъ почитаетъ, такъ сказать, божествомъ на землѣ. Онъ его украшаетъ своею честностію, исполненіемъ своихъ должностей, и искреннимъ желаніемъ, чтобы не быть не полезнымъ или безпокойнымъ членомъ. Чувствованіе честности столько же входитъ къ механическое сложеніе Философа, сколько свѣтъ разума. Въ челоуѣкѣ чѣмъ болѣе разума, тѣмъ болѣе честности. Напротивъ того, гдѣ царствуетъ суевѣріе и пристрастіе, туть цар-

царствуютъ страсти и своенравіе. Дѣла въ все по порядку, слѣдую разуму, или разсужденію, есть свойство Философа; и какъ онъ весьма любитъ общество, то онъ ему болѣе приноситъ добра, разполагая всѣ свои поступки по правиламъ честности. Не опасайтесь, чтобъ онъ, для того, что никто на него не смотритъ, удалился отъ дѣлъ честности. Сіе дѣйствіе не сходственно съ механическимъ положеніемъ разумнаго человѣка; онъ при рожденіи своемъ получилъ способность наблюдать во всемъ порядокъ и слѣдовать правиламъ; онъ мыслитъ единственно о благополучіи гражданскаго общества; онъ знаетъ его основаніе лучше, нежели другіе. Порокъ находитъ въ немъ много себѣ прошивоборствующаго; въ немъ довольно натуральныхъ и разумомъ приобрѣтенныхъ понятій ко отвращенію и опроверженію онаго. Его способность въ разсужденіи его дѣйствій есть на подобіе струны положенной на извѣстной тонѣ; она кромѣ собственнаго голоса не можетъ произвестъ другаго. Онъ опасается, чтобъ не сдѣлать разногласія съ самимъ собою; и сіе подаетъ случай способъ къ возпоминанію сказаннаго Веллемъ о Капонѣ Улическомъ: его дѣйствія, говоритъ Веллей, не на потѣ конецъ отъ него производятся, чтобъ

каза-

казались хорошими, но для того, что онъ другимъ образомъ оныя произвести не можеть.

Впрочемъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, отъ людей производимыхъ, они ищутъ своего только собственнаго настоящаго удовольствія; они во благѣ, или лучше сказать въ пріятностяхъ настоящихъ, по механическому расположенію находятъ побужденіе къ дѣянію. Философъ же по своимъ разсужденіямъ расположенъ болѣе, нежели кто другой, къ сысканію большей пріятности и удовольствія жить съ вами, заслужить вашу довѣренность и исполнять должности дружества и благодарности. Сіи чувства воспитаны во внутренности его сердца закономъ, къ которому ведетъ его естественный свѣтъ разума. Мысль безчестнаго человѣка столь несогласна съ мыслию Философа, сколь и глупаго; ежедневно мы изъ опытовъ видимъ, что кто чѣмъ больше имѣетъ разума и просвѣщенія, тѣмъ онъ свойственнѣе и склоннѣе къ общественной жизни. Глупой человѣкъ не можетъ быть добрымъ, говоритъ Рошефокольтъ; грѣшатъ тогда, когда просвѣщеніе не столь велико, какъ сильны спраси; и сіе правило богословское въ семъ смыслѣ справедливо, что всякой беззаконникъ есть невѣжда.

Сія ко обществу любовь столь Философу свойственная, показываетъ сколько по справедливости оныя М. Антонина Римскаго Цесаря слова: сколь будутъ щасливы народы, когда Государи будутъ Философы, или Философы будутъ Государи. И такъ Философъ есть честной человекъ, поступающій во всемъ съ разсужденіемъ, и къ своимъ разсудительнымъ и справедливымъ мыслямъ присовокупляющій нравы и качества къ обхожденію съ людьми потребныя. Когда бы обладатели въ ономъ послѣдовали Философамъ, то бы они были совершенны.

Изъ сего понятія о Философахъ довольно ясно заключить можно, сколько нечувствительный мудрецъ Стоическій отдаленъ отъ совершенствъ нашего Философа. Нашъ Философъ есть человекъ, а ихъ мудрецъ спрашилище. Они стыдятся человечествомъ, но нашъ по вмѣняетъ себѣ въ славу; они хотѣли глупо уничтожить всѣ страсти и возвысить насъ сверхъ природы, посредствомъ химерической нечувствительности: чтожъ касается до нашего Философа, онъ не мыслитъ о химерической славѣ въ испребленіи страстей, ибо сіе невозможно; но онъ старается о томъ, чтобъ

не быть ихъ невольникомъ, но чтобы и чрезъ нихъ получить себѣ пользу и изъ нихъ сдѣлать разумное употребленіе; потому что сіе возможно, да и самъ разумокъ сіе учинить повелѣваетъ. Изъ всего, что мы теперь сказали, видѣть можно, сколь далеко отдалены отъ справедливаго познанія Философа тѣ безчувствительные, кои отдавшись пустымъ размышленіямъ, пренебрегаютъ стараніе о своихъ временныхъ вещахъ, и о всемъ, что подѣ именемъ счастья разумѣется. Истинной Философъ не мучится честолюбіемъ, онъ желаетъ имѣть пользу въ своей жизни; онъ долженъ не только имѣть нужное, но и излишнее, что нужно честному человѣку, и чрезъ что можно учиниться счастливымъ; сіе служитъ къ поддержанію благопрістойности и украшенія. Ложные Философы произвели своею безпечностію и ослабляющими правилами оное предразсужденіе, что самонужнѣйшее для него довольно.

*Перечелъ изъ Энциклопедіи
Студентъ Николай Лава.*

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Апрельъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страни.

I. Разсужденія и мысли господина
дела РошіеФоко	241
II. О любви и дружбѣ	258
III. Щастіе восточная повѣсть	264
IV. Письмо отъ сына умирающаго
на сраженіи къ отцу	267
V. О главныхъ причинахъ относя-
щихся къ приращенію худо-
жествъ и наукъ	281
VI. Мемнонъ или мудрость человѣ-
ческая	287
VII. Письмо Алдеста къ Эдону	298
VIII. Сокращеніе рѣчи говоренной въ
присудствіи нынѣшняго Короля
Французскаго.	307
-

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЯ

И МЫСЛИ

ГОСПОДИНА ДЕ ЛА РОШЕФОКО.

Тѣлесный трудъ избавляетъ отъ душевнаго труда и бѣдныхъ дѣлаетъ благополучными.

Истинныя пристыженія суть тѣ, кой происходятъ отъ нечаянности; всѣжѣ другія тщеславіе дѣлаетъ сноснѣйшими.

Не многого довольно къ содѣланію щастливымъ разумаго: глупой же не можетъ удовольствоваться ни чѣмъ; изъ того происходитъ, что всѣ люди почти нещастливы.

Познаніе столь же не обходимо для души, сколько здоровье для тѣла.

Часть I. мѣс. Апрель.

Р

Пре-

Прежде пожеланія какой либо вещи, разсуди, можешъ ли быть потъ щасливъ, кто ее у себя имѣетъ.

Благоразуміе и любовь весьма между собою не согласны; усиліе послѣдней въ большее ослабленіе приводитъ первую.

Достойна сожалѣнія женщина въ коей любовь прошивоборствуетъ добродѣтели.

Какъ въ произрастѣніяхъ, такъ и въ людяхъ бывають пригодности, кои открываются только при случаяхъ.

Честная женщина есть сокровище; кто нашелъ его, очень хорошо поступаетъ, когда не хвалится онымъ.

Много есть честныхъ женщинъ, коимъ прискучило ихъ поведеніе. Съ начала вѣрность чрезъ усиліе не много не измѣна.

Случаи показываютъ насъ другимъ и самимъ себѣ.

Мы оуждаемъ себя съ тѣмъ, чтобъ быть похваленными.

Всякой подаетъ совѣты; но не даетъ благоразумія и способности пользоваться оными.

Какъ свѣтъ означаетъ намъ предметы, такъ и щастіе показываетъ наши добродѣтели и пороки.

Намъ пріятнѣе видѣть тѣхъ, коимъ дѣлаемъ добро, нежели тѣхъ, кои намъ дѣлаютъ оное.

Гораздо труднѣе закрыться въ пѣхъ чувствованіяхъ, кои въ себѣ имѣемъ, нежели взять на себя которыхъ не имѣемъ.

Человѣкъ коему ничто не нравится, не щастливѣе того, которой никому не нравится.

Очень часто добродѣтели наши суть покрытые пороки.

Изъ всѣхъ ласкателей честолюбіе есть большій.

Спрасъ часто отнимаетъ разсудокъ у разумныхъ, а возвращаетъ глупымъ.

Сердце человѣческое есть непрестанное произведеніе спрасей, такъ что испребленіе одной, есть почти всегда возстановленіемъ другой.

Сколькобъ мы ни старались закрывать спраси наши наружнымъ благочестіемъ и честностію; но они всегда видны бывають сквозь сіе покрывало.

Люди не только подвержены забвенію благодѣній и обидъ; но еще иногда имѣють ненависть къ самымъ ихъ благотворителямъ, и перестаютъ ненавидѣть ихъ оскорбившихъ, они почитаютъ за несносное рабство награждать за благодѣнія и отомщать за зло.

Умѣренность щастливыхъ рождается отъ спокойствія, которое подаетъ имъ ихъ нравъ.

Мы очень довольно имѣемъ силъ къ снесенію нещастія другихъ.

Твердость разумныхъ есть одно только искусство скрывать волненія происходящія въ ихъ душѣ.

Философія легко торжествуетъ надъ прошедшими нещастіями и будущими: но настоящія торжествуютъ надъ нею.

Болѣе потребно твердости къ снесенію благополучія нежели нещастія.

На солнцѣ и на смерть смотрѣть пристально не можно.

Не рѣдко приписываемъ мы себѣ въ похвалу порочнѣйшія страсти; одна только зависть есть робкая и стыдливая страсть, въ которой не осмѣливаемся признаваться.

Рѣвность нѣкоторымъ образомъ и справедлива, ибо она проспирается къ сохраненію добра намъ принадлежащаго: напрошивъ же того зависть есть злость, которая не можетъ терпѣть благополучія другаго.

Дѣлаемое нами зло не навлекаетъ на насъ столько притесненій и зависти, сколько добрыя наши качества.

Мы имѣемъ въ себѣ болѣе силы, нежели хотѣнія, и когда воображаемъ о невозможности какой либо вещи, то сіе есть одно только извиненіе самихъ себя.

Естьлибѣ мы не имѣли въ себѣ столько пороковѣ, то и не имѣлибѣ никакого удовольствія примѣчать оныя въ другихѣ.

Природа шоль разумно расположившая органы нашего шѣла для содѣланія насѣ щасливыми, кажется, что придала еще намѣ гордость, чтобы шѣмѣ избавить насѣ печали при познаніи нашихѣ несовершенствѣ.

Даемѣ обѣщаніи по своимѣ надеждамѣ, а исполняемѣ смотря по обстоятельствуамѣ.

Корысть говоритѣ всякаго рода языками, и представляетѣ всякаго рода лицо, даже и самаго безкорыстнаго.

Прибытокѣ ослабляетѣ однихѣ, просвѣщаетѣ другихѣ.

Кто весьма предается малымѣ вещамѣ, дѣлаетѣ себя неспособнымѣ къ великимѣ.

Наши капризы чудные капризовѣ шастія.

Молодость и любовь проходятѣ по мѣрѣ разсудка.

Тѣ, кои думаютѣ имѣть въ себѣ нѣкоторое достоинство, вмѣняютѣ себѣ въ славу быть несчастными, чтобы увѣрить другихѣ и себя самихѣ, что они достойны быть украшеніемѣ шастія.

Ничто не должно столько уменьшитъ хорошее мнѣніе, которое мы имѣемъ о самихъ себѣ, какъ видя, что осуждаемъ въ одно время то, что похваляемъ въ другое.

Не чрезъ одни великія дарованія получаемые отъ природы, но съ помощію счастья бывающіе герои.

Презрѣніе богатствъ въ Философахъ было тайнымъ желаніемъ мстити за свое достоинство несправедливости счастья: презрѣніемъ тѣхъ же самыхъ богатствъ, которыхъ оно ихъ лишало было тайнымъ защищеніемъ пропиву униженія бѣдности, которая была побочною дорогою къ полученію уваженія, коего богатство ихъ лишало.

Счастье и несчастіе людей не менѣе зависитъ отъ нрава, какъ и отъ Фортуны.

Искренность есть откровеніе сердца, котораго рѣдко сыскать можно, а обыкновенно видимая нами, не иное что есть, какъ только хитрое припворство, дабы войти въ повѣренность другаго.

Справедливость не дѣлаетъ въ свѣтѣ столько добра, сколько дѣлаютъ въ ономъ зла наружности оныя.

Изрядное расположеніе тѣла столь же пристойно, какъ доброй разсудокъ разуму.

Трудно рѣшить любовь; но то, что можно объ ней сказать, состоитъ въ томъ: что въ душѣ она есть страсть владычествовать, въ разумѣ симпатія, а въ шѣлѣ пошанное и нѣжное желаніе обладать любимымъ предметомъ.

Нѣтъ припворства, которебъ могло долгое время скрывать любовь гдѣ она есть, ни показывать гдѣ ея нѣтъ.

Еслили судить о любви по большой части ея дѣйствій, то она уподобляется болѣе ненависти, нежели любви.

Можно найти женщинѣ, кои никогда не имѣли любви; но рѣдко находятъ таковыхъ, кои имѣли бы одну.

Любовь равно какъ огонь, не можетъ быть безъ непрестаннаго движенія; она перестаетъ жить въ то же самое время, когда перестаетъ надѣяться или бояться.

Молчаніе есть надежнѣйшее прибѣжище того, которой не надѣлся самъ на себя.

Наша недовѣрчивость служитъ къ оправданію обмана другаго.

Гораздо спыднѣй не вѣришь друзьямъ, нежели бытъ ими обманути.

Всякъ жалуется на свою память и никто на свое разсужденіе.

Всякъ хвалитъ свое сердце, но никто свой разумъ.

О истинной любви поже можно сказать, какъ и о привидѣнiяхъ; всякой объ оной говоритъ; но не многiя ее видали.

Разумъ часто бываетъ обманутъ сердцемъ.

Недостатки въ духѣ рождаются въ старости, какъ и недостатки лица.

Оставляя въ заблужденiи челоуѣка наполненнаго собственнымъ своимъ достоинствомъ, есть оказывать ему польже худую услугу, какъ тому Афинскому дураку, которой почиталъ все корабли вступающiя въ гавань за принадлежащiя ему.

Мы не утѣшны, когда бываемъ обмануты отъ непрiятелей, но часто бываемъ довольны быть таковыми сами отъ себя.

Тольже легко обмануть себя не примѣтно, сколько напротивъ трудно обмануть другихъ, чтобъ того не примѣтили.

Тончайшая изъ всехъ хитростей состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть притвориться, будто впадаемъ въ распавленныя намъ сѣши.

Почитать себя хитрей другихъ, есть вѣрнымъ способомъ скоро быть обмануту.

Легче сдѣлаться мудрымъ чрезъ другихъ, нежели чрезъ себя самаго.

Когда

Когда тщеславіе не позволяетъ говорить, то всегда говорятъ мало.

Хорошо слушать и хорошо отвѣчать, есть одно изъ величайшихъ совершенствъ, кои можно имѣть въ обращеніи.

Великимъ умамъ прилично сказать многое въ малыхъ словахъ; а тѣ, кои лишены онаго, имѣютъ даръ говорить много и ничего не сказать.

Мало такихъ людей, кои бы благо-разумно могли предпочесть порицаніе полезное похвалѣ имъ измѣняемой.

Есть упреки, кои служатъ въ похвалу, а похвалы въ упреки.

Отказъ въ приписуемыхъ похвалахъ есть желаніе быть дважды похвалену.

Когда мы сами себя не ласкаемъ, ласкательство другихъ намъ не можетъ повредить.

Природа дѣлаетъ заслуги, а тщеславіе производитъ ихъ въ дѣйство.

Нѣкоторыя бываютъ скучны имѣя достоинство, а другіе нравятся и съ пороками.

Ласкательство есть монета, коей даетъ курсъ наше тщеславіе.

Скупость есть пропивнѣйшаго свойства экономіи, нежели щедрость.

Гораздо легче показаться достойнымъ тѣхъ чиновъ, коихъ не имѣютъ, нежели тѣхъ, кои отправляютъ.

Наружной видѣ достоинства чашше бываетъ въ свѣтѣ награжденъ, нежели истинное достоинство.

Надежда сколькобъ ни обманчива была, по крайней мѣрѣ служитъ къ тому, что ведетъ насъ къ концу жизни пріятною дорогою.

Въ то время, когда лѣньность и боязливость удерживаютъ насъ въ своей должности, добродѣтель наша часто получаетъ себѣ изъ того славу.

Добродѣтели въ прибыткѣ теряются, какъ рѣки въ морѣ.

Лучше употреблять нашъ разумъ къ снесенію несчастій намъ предстоящихъ, нежели къ предусматриванію тѣхъ, кои могутъ припсти.

Мы признаемся въ своихъ порокахъ для заглаженія искренностію своею вины, которую оныя производятъ въ мысляхъ другихъ.

Добро и зло равно имѣютъ своихъ героевъ.

Тѣхъ не всегда презираютъ, кои имѣютъ пороки, но презираютъ тѣхъ, кои не имѣютъ никакихъ добродѣтелей.

Можно сказать, что пороки ожидаютъ насъ въ печеніи жизни на подобіе пракширщиковъ, у коихъ должно попеременно останавливаться, и не думаю, чтообъ

чтобъ опытъ научилъ насъ отъ нихъ убѣгать, хотя бы намъ и въ другой разъ позволѣно было ийти по той же дорогѣ.

Когда пороки насъ оставляютъ, мы ласкаемъ себя мнѣніемъ, будтобъ мы ихъ оставили.

Имя добродѣтели съ равною служитъ пользою, какъ и порокъ.

Пороки душевные суть какъ бы болячки на тѣлѣ; сколькобъ мы ни спарались о излѣченіи оныхъ, ранка всегда остается и ежеминутно въ опасности раскрыться.

Есть люди объ коихъ ничего худого не лзя подуматъ, не видавши онаго, но мало такихъ, въ коихъ бы видя оное должны были удивляться.

Добродѣтель не долгобъ могла ити, когдабъ не имѣла спутникомъ тщеславіе.

Много обманывается потъ, которой думаетъ, что нашелъ самъ въ себѣ средство не имѣть ни въ комъ другомъ нужды, а еще болѣе потъ, которой почитаетъ, что другіе безъ него обойшиться не могутъ.

Въ старости становятся или умнѣе или глупѣе.

Лицемѣріе есть дань, которую платитъ порокъ добродѣтели.

Благо:

Благодарность есть какъ бы кредитъ купцовъ утверждающій комерцію; платишь не для справѣдливаго удовольствованія, но для пріобрѣтенія того, чтобъ намъ съ большею удобностію впередъ вѣрили.

Чрезмѣрное усиліе къ удовольствованію за одолженіе есть родъ неблагодарности.

Гордость не любитъ давать въ долгъ, а самолюбіе платишь.

Оказываемое намъ отъ другихъ благодареніе должно заставить насъ считать дѣлаемое намъ отъ нихъ же зло.

Великая глупость хотѣть одному быть умнымъ.

Мы легко утѣшаемся несчастіями своихъ друзей, когда оныя служатъ къ оказанію доброты нашего къ нимъ сердца.

Не достоинъ имени добраго, кто не имѣетъ возможности быть худымъ: всякая другая доброта по большей части имѣетъ источникъ свой отъ лѣности или слабосилія.

Часто бывающъ въ шягость другимъ въ то самое время, когда думаютъ, что не могутъ никого обеспокоить.

Великодушіе презираетъ все для того, чтобъ имѣть все.

Истинное краснорѣчіе состоитъ въ томъ, чтобъ изъяснить сколь нужно, а болѣе ничего.

Униженіе не рѣдко бываетъ одною только припворною покорностію для приведенія въ послушаніе другихъ: коварство унижающей гордости для возвышенія: хотя бы превратилась она въ тысячу другихъ обманчивыхъ видовъ, но никогда не можетъ лучше быть передѣла и способнѣе къ уловленію, какъ покрывшись маскою униженія.

Щедрость по большей части есть одно только тщеславіе давать, которое почитается у насъ за особенный даръ.

Юность есть непрерывное пьянство, лихорадка разсудка.

Естьлибъ нѣкоторые грабители не имѣли въ себѣ наружнаго добродушія, менѣебъ были опасны.

Умѣренность не можетъ имѣть достоинства сражаться съ самолюбіемъ и оно покоряетъ: они вмѣстѣ никогда не бываютъ. Умѣренность есть помнотъ и лѣнотъ души, самолюбіежъ движеніе и пылкотъ оныя.

Мы любимъ всегда тѣхъ, кои намъ удивляются, а тѣхъ не всегда, коимъ мы удивляемся.

Трудно любить тѣхъ, коихъ мыне почитаемъ, еще труднѣй тѣхъ, которыхъ почитаемъ болѣе себя.

Много людей презираютъ богатство, но мало такихъ, которые бы оно давали.

Корысть, которую поставляютъ виновницею всѣхъ нашихъ злодѣяній, заслуживаетъ часто быть похваляема въ нашихъ добрыхъ дѣлахъ.

Умѣренность преобращена въ добродѣтель для ограниченія честолюбія великихъ людей; и для дарованія посредственнаго состоянія людямъ утѣшенія, въ маломъ ихъ щастіи и достоинствѣ.

Великое удовольствіе, которое мы имѣемъ говорить о себѣ, должно заставить насъ опасаться причинить чрезъ то неудовольствіе тѣмъ, кои насъ слушаютъ.

Обязывать неблагодарныхъ не столь худо, но быть обязаннымъ безчестному человѣку несравненно несноснѣе.

Мы признаемся въ малыхъ порокахъ для удостовѣренія, что не имѣемъ большихъ.

Въ большей части женщинъ разумъ служитъ болѣе къ утвержденію ихъ глупости, нежели ихъ разсужденія.

Страсти молодыхъ людей столь же противны здоровью, сколько дряхлость спарикамъ.

Мы находимъ здравой разсудокъ въ шѣхъ только, кои одинакого бывають съ нами мнѣнія.

Когда любятъ, то часто сомнѣваются въ вернѣйшихъ вещахъ.

Усилія, дѣлаемая къ сопротивленію любви, часто бывають чувствительнѣе жестокостей любимаго предмета.

Равно трудно быть довольнымъ, когда любятъ много и когда мало.

Естьли щеславіе не совсѣмъ истребляетъ добродѣтель, то по крайней мѣрѣ приводитъ въ безсиліе оную.

Тщеславіе другихъ для насъ бываетъ несносно потому, что прогаеть насъ.

Щастіе слѣпо кажется шѣмъ только, коимъ не дѣлаетъ никогда добра.

Въ щастіи должно управлять себя точно какъ въ здоровьѣ: наслаждаться онымъ когда оно хорошо, имѣть терпѣніе если оно худо, и не употреблять никогда лѣкарствъ безъ крайней нужды.

Часто бы мы должны были постыдиться самыхъ лучшихъ нашихъ дѣйствій, какъ бы только другіе проникнули въ причину оныя производшую.

Живость, раждающаяся въ старости, очень не далека отъ глупости.

Мало людей умѣють быть старыми.

Всѣ спраси составляютъ дѣла глупости, а любовь производитъ смѣшныя.

Любящая женщина, охотнѣе прощаетъ великую нескромность, нежели малую невѣрность.

Старые дураки глупѣе молодыхъ.

Таже самая гордость, которая заставляетъ насъ охуждать недостатки, опъ коихъ мы почитаемъ себя свободными, побуждаетъ насъ презирать добрыя качества, коихъ мы не имѣемъ.

Въ первой спраси женщины любятъ любовника, а въ другой любовь.

Въ разсужденіи рѣдкости истинной любви, истинная дружба еще рѣже.

Зависть наша всегда болѣе продолжается, нежели благополучіе тѣхъ, коимъ мы завидуемъ.

Злословіе обыкновенно бываетъ болѣе дѣйствиемъ щеславія, нежели злобы.

Коликобъ люди ни были злы, но не осмѣлились бы показаться врагами добродѣтели; а когда хомятъ ее гнать, по называютъ ее ложною, или обвиняютъ ее въ какихъ ни есть сокровенныхъ преступленіяхъ.

Изъ любви часто переходятъ къ честолюбію; но изъ честолюбія къ любви рѣдко возвращаются.

Естьлибъ вина была съ одной толь-
ко спороны, то ссоры не долго бы про-
должались.

Опсудствіе умаляетъ средственныя
спраси, а умножаетъ великія, на подобіе
вѣтра потушающаго свѣчу, и приводяща-
го вѣ большую силу пламень.

Нѣкоторая ложь толь много уподо-
бляется правдѣ, что не благоразумно бы
было давать себя вѣ обманѣ оной.

Великодушіе довольно ужѣ и по сво-
ему имени о себѣ изъясняетъ: со всѣмъ
тѣмъ можно сказать, что оно есть здра-
вое разсужденіе гордости и благороднѣй-
шій путь къ полученію похвалъ.

Не возможно вѣ другой разѣ полюбить
то, что дѣйствительно перестали любить.

Вѣ ревности болѣе самолюбія, нежели
испинной любви.

Большая часть честныхъ женщинъ
есть сокрытое сокровище, кои потому
находятся вѣ безопасности, что ихъ
не ищутъ.

Заблужденіе скупаго состоитъ вѣ
томъ, чтобъ собирать себѣ золото и се-
ребро какъ будто богатство, которыя
напротивъ того суть одни только сред-
ства имѣть оное.

Диогенъ выбравши бочку себѣ жили-
щемъ былъ дуракъ тѣмъ совершеннѣйшій,

что почиталъ и хотѣлъ быть считаемъ
за разумнѣйшаго въ свѣтѣ человека.

*Перепелъ съ Италіянскаго языка
Алексѣй Малиновской.*

II.

О любви и дружбѣ.

Любовь своими пріятностями удо-
бляется Сиренѣ, а жестокостями Фу-
ри. Ее можно почестъ украшеніемъ и
возмутителемъ жизни. Человѣкъ роди-
вшійся для величайшихъ дѣлъ рѣдко бы-
ваетъ склоненъ къ сей единственной спра-
сти, которая поглощаетъ всякую душу.
Маркъ Антоній есть, можетъ быть,
одинъ, которой въ одно время соединилъ
сильную любовь съ безмѣрнымъ често-
любіемъ; такимъ образомъ сіи двѣ про-
тивныя и пагубныя одна другой спра-
сти причинили ему пагубу. И сердце
самое осторожное не можетъ предосте-
речь себя отъ сѣпей любви, которая
владычествуетъ вездѣ, гдѣ только на-
ходится. Ея высокоумная рѣчь изобра-
жаетъ силу ея впечатлѣній; нѣтъ та-
кихъ словъ, которыя бы могли ее выра-
зить; но какой человѣкъ такъ самъ мо-
жетъ побѣжденъ быть, какъ любовникъ
ослѣ-

ослѣпляющимъ его предметомъ? Это такое безумство, которое всѣ видятъ, выключая того, къмѣ оно обладаетъ, да и самъ обожаемый предметъ нашей страсти чувствуетъ наше безуміе, ежели только еще его безуміе не бываетъ сильнѣе нашего.

Предавшійся любви человекъ принуждаемъ бываетъ лишиться своего щастія и своей славы, и любовь много препятствуетъ и его дѣламъ. Военные же люди любовь употребляютъ какъ вино, для успокоенія отъ своихъ трудовъ; ибо живучи въ опасностяхъ и подвигахъ должно имѣть нѣкоторое излишнее удовольствіе.

Любовь опаснѣе насъ поражаетъ во время нашей слабости, то есть въ безмѣрномъ щастіи, или несчастіи; ибо тогда наше сердце не въ состояніи бываетъ защищаться.

Вздохи любви кажутся быть нѣжнѣйшія дыханія исходящія изъ глубины сердца, которыя невидимую цѣпью соединяются въ одно мѣсто и производятъ сей симпатической вихрь силою своею соединяющій двухъ любовниковъ одного съ другимъ.

Любовь изъ нравоучителей есть самой лучшей и самой пріятнѣйшей. Она умѣряетъ всѣ страсти выключая той, ко-

порую сама внушаетъ, поправляетъ внутренне и внѣшніе пороки не менѣе какъ и самое сердце, да и кто еще повѣритъ! Она обуздываетъ самолюбіе.

По моему мнѣнію всѣ люди должны любить; сія часть чувства находящаяся въ нашемъ сердцѣ, хотя мы ее усремляемъ только къ единому предмету, однако сама собою избираетъ многіе. Когда же кто не чувствуетъ уже болѣе любви, то дѣлается столько благопріятенъ какъ набожной человекъ, или столько усерденъ какъ бы самъ правитель.

Дружба гораздо умножаетъ радость и въ половину уменьшаетъ печали. Вкусъ уединенія происходящій изъ ненависти къ людямъ, есть самой свирѣпой нравъ, которой насъ уподобляетъ дикимъ чудовищамъ. Должно различать общество отъ толпы; человекъ будучи одинъ на многочисленномъ гуляньѣ бываетъ такъ какъ бы въ покояхъ наполненныхъ людьми, и такъ во многолюдныхъ городахъ можно сыскать глубокое уединеніе, но человекъ совершенно уединеннымъ назваться можетъ только, которой не имѣетъ друзей, которому свѣтъ представляется пространною цѣпью, мѣстомъ изгнанія и печали, которую онъ раздѣляетъ со скипающими звѣрьми.

Мы имѣемъ такія душевныя болѣз-
ни, которыя можно сравнить съ запорами,
когда человѣкъ пожираетъ, такъ ска-
зать, собственное свое сердце и когда
погружается въ своей печали, то естъли
онъ не имѣетъ вѣрнаго друга, который
бы испоргъ изъ него страхи, подозрѣнія,
печали и мученія его, то скоро опчая-
нiе и ужасная ненависть къ самому себѣ
довершаетъ его пагубу. Соединенiе сер-
децъ уподобляется спройности мiра,
оно прищупляетъ всѣ сильныя впеча-
тлѣнiя, которыя стремятся къ разру-
шенiю.

Мы имѣемъ нужду въ совѣтѣ ка-
сающемся до нашихъ нравовъ и дѣлъ,
хотя находятъ много совѣтсовъ, но мало
есть такихъ, которыя бы не были въ
пользу подающему оныя. Наши собствен-
ныя разсужденiя приводятъ насъ въ оп-
чаянiе; книги насъ весьма оберегаютъ;
чистосердечной другъ да будетъ самый
вѣрный обличитель и недремлющiй над-
зирашель нашего поведенiя; въ одинъ часъ
тѣхъ вольныхъ разговоровъ, въ кото-
рыхъ присуствуютъ чистосердечiе и до-
вѣренность, можно разобрать всѣ свои
выгоды, нежели во многiе дни опредѣ-
ленные на разсужденiе. Другъ познаетъ
нашъ характеръ, наши дарованiя и наши
недостатки. Совѣтъ, которой будетъ

относиться до всѣхъ сихъ разсужденій, будетъ гораздо дѣйствительнѣе, нежели всѣ мнѣнія просвѣщеннѣйшихъ людей. Такъ какъ ученой Медикъ познавшій наше сложеніе лучше насъ наставитъ на путь, нежели всѣ совѣтованія искусныхъ.

Сколько такихъ заслугъ, которыхъ не можно сдѣлать самимъ собою и отъ которыхъ насъ другъ удерживаетъ? Человѣкъ не осмѣливается ни представить своихъ нуждъ, ни говорить о своемъ состояніи, но другъ оное уважитъ, разпространитъ наши выгоды и не будетъ стыдиться ни нашего рожденія, ни нашей бѣдности, и не показывая къ нашимъ интересамъ сіе усердіе спраси, которая иногда дѣлаетъ холоднымъ покровителя, овѣ лучшее обѣ нихъ будетъ имѣть попеченіе, показывая что менѣе старается ихъ пріобрѣтать.

Дружба упрекающая отъ насъ наши недостатки, гораздо меньше намъ полезна, нежели ненависть упрекающая насъ оными. Сколько знатныхъ людей погубили свою славу и щастіе за недостаткомъ помощи отъ дружбы!

Дружба находится между равными, но нынѣ, какъ щастіе, кажется, располагаетъ всѣми человѣческими вѣщами, то крѣпчайшіе изъ оной находятся между особами разнаго состоянія.

Друзья.

Друзьями Царей могутъ назваться тѣ, которые раздѣляютъ съ ними уединеніе; а неудовольствіе и щастіе Государя никогда не можетъ быть совершенно, естли онѣ не имѣетъ друзей; любовь, супруга, отецъ, знаменитыя титулы завоевателя и Государя заставляютъ еще чего-то желать, но чего . . . друга. Силла, Великій Цесарь, Августъ, Тиверій будучи на престолѣ довольно чувствовали нужду въ друзьяхъ. Карлъ смѣлый испыталъ какое несчастіе онаго не имѣлъ. Но Цари! не избирайте себѣ въ друзья сихъ любимцовъ, которые открываютъ ваши тайности, чтобъ сдѣлать себѣ честь вашею довѣренностію; а еще меньше сихъ участниковъ заговоровъ, которые по ненависти къ своему сопернику прилѣпляются къ вамъ; знайте, что сердца ихъ не находятся въ вашей власти.

Удалимъ еще отъ нашего дружества безпокойнаго и возмущительнаго свойства людей. Можно бы было извинить ихъ нравъ, но въ ихъ обращеніи много бываетъ ссоръ и ненависти. Ахъ кто захочетъ приобрѣсть такого друга, зацѣну нѣсколькихъ непріятелей!

III.

Щ А С Т І Е

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Одинъ изъ друзей моихъ, пришелъ нѣкогда ко мнѣ жаловаться на свое состояніе. Я не имѣю щастія, сказалъ онъ, а имѣю большую семью; не могу сносить болѣе бѣдности своей. Я взялъ намѣреніе удалиться отъ своего опечесства, въ которомъ спыжусь оной. Въ отдаленныхъ странахъ буду бѣденъ, но не постыжусь бывъ неизвѣстнымъ. Много такихъ несчастныхъ, которые умерли въ чужестранныхъ земляхъ, находя пріятность не бывъ ни презрѣнными, ни извѣстными. Единая причина меня удерживаетъ: не хочу, чтобъ враги мои возпоржествовали. Они скажутъ, естли я уѣду: онъ убѣгаетъ отъ своего опечесства, въ которомъ не могъ найти удовольствія.

Естлибъ не сіи рѣчи мнѣ препятствовали! Чувствую, что я не безъ достоинствъ, которыябъ могъ употребить въ пользу въ чужихъ краяхъ. Я пишу изрядно, знаю Ариеметику. Пожалуй представь меня къ другу своему Губернатору, и попроси, чтобъ онъ далъ мнѣ мѣсто въ дѣлахъ до Государя

ря касающихся. Щастіе престало бы гнать меня и можеть быть былъ бы я благополученъ. Другъ мой, отвѣчалъ я ему, ѡй берегись! Есть два рода мѣстъ у Государей; одно ссужающее нужнымъ, а другое подающее могущество. Въ первомъ бываешь покоенъ, а въ послѣднемъ окруженъ опасностями. Довольствуйся малымъ, а опасайся большаго.

Другъ мой отвѣчалъ мнѣ, что въ теперешнемъ состояніи онъ не хочеть дѣлать ни разсужденія, ни доказательства, что единственно полагается онъ на надежду и на нее уповаеть, что наконецъ, честность его будетъ ему всегда покровительствовать. Увы! другъ мой, сказалъ я ему; но придворные люди сокроютъ отъ тебя сѣти, которыя расправятъ по стопамъ твоимъ; коварной оболжетъ тебя, сплетя разныя доказательства; Государь предубѣдится, и кто спасетъ тебя тогда? Будь увѣренъ. Море есть путь ко всѣмъ богатствамъ, но когда чпишь безопасность, останься въ пристанѣ. Будучи другомъ твоимъ, я долженъ подать тебѣ совѣты; но щитаю за долгъ исполнить и прошеніе твое, я дамъ тебѣ письмо къ Губернатору.

На другой день поутру, другъ мой отправился съ письмомъ моимъ; Гу-

бернапорѢ далѢ ему пошѢ часѢ не большой чинѢ; увидя вѢ немѢ разсужденіе, честность, учтивость не замедлили и возвысиль: имѢ равно были довольны и вѢ вышшихъ чинахѢ. НаконецѢ онѢ былѢ взятѢ ко двору.

Государь оказалѢ ему ласку и любовь и наконецѢ сдѢлался онѢ его любимцемѢ; всѢ на него указывали, вошѢ ояѢ говорили, вошѢ другѢ ГосударевѢ. ОнѢ не замедлилѢ увѢдомить меня о своемѢ щастіи, что я сѢ удовольствіемѢ принялъ. Слава Богу говорилѢ я! Видно никогда не должно пропивилься ФоршунѢ; источники добра и зла сокрыты и мы неизвѢспны, который долженѢ отворилься для орошенія жизни нашей.

Не много спустя пошѢмѢ, поѢхалѢ я вѢ Мекку; по возвращеніи моемѢ нашелѢ я вѢ одной дикой но пріятной долинѢ человекѢ вѢ крестьянскомѢ платьѢ, выходящаго изѢ своей хижины и идущаго ко мнѢ вѢ смѢхѢ и пѢніи. Кшо жѢ то былѢ! другѢ мой. ОнѢ встрѢпя меня на дорогѢ, покрышой тѢнью высокихъ древѢ сказалѢ. „ ПредвѢщаніе швое „ сбилось. Придворные, которыхъ ты „ мнѢ описывалѢ, сѢ того дни, какѢ „ спалѢ ГосударевымѢ любимцемѢ, спа- „ ли враги мои; они обвинили меня за „ говоромѢ пропивѢ Государя и опас- „ нымѢ

„нымъ для него намѣреніемъ: Государь
 „не хотѣлъ извѣдать истинны. Друзья
 „мои, которыхъ одолжалъ я, молчали
 „и не защищали меня, а иные присо-
 „единились къ моимъ злодѣямъ. Меня
 „заключили въ темницу, гдѣ я долго сте-
 „налъ; наконецъ выпустили и отобравъ
 „все мои богатства сослали въ ссылку.
 „Ты видишь меня опять бѣднымъ, но
 „довольнымъ; я позналъ людей и ща-
 „стіе. Имѣю хижину, спахиваю поле
 „свое, и довольствую имъ все мое се-
 „мейство.

*Перепелъ съ Французскаго языка
 Дмитрей Рыкачевъ.*

IV.

ПИСЬМО

*Отъ сына умирающаго на сраженіи къ
 отцу.*

СѢ пою же твердостію родитель-
 мой, съ которой взирали вы на ужасъ
 сраженія и смерти, когда руки ваши
 ополчены были для спасенія опечества,
 съ пою же твердостію узнайте теперь,
 что вы лишаетесь сына вашего. Я уми-
 раю посредѣ сихъ героевъ пролившихъ
 кровь

кровь за попомство согражданъ своихъ. Я часто сражался при васъ; и отъ васъ - то научился я умирать за опечество. Вашъ горящій взоръ возжегъ во мнѣ искры той храбрости, которую сродство вложило еще въ мое молодое сердце и вашъ славной примѣръ понудилъ меня итти въ сраженіе, и искать славы по стопамъ вашимъ. Тотъ, который разполагаетъ столь премудро происшествіями, закрылъ васъ щитомъ своимъ и возвратилъ изъ ужасу покрываго славою, не безъ ранъ, но по крайней мѣрѣ безъ потерянiя жизни вашей; ибо потеря ваша была бы безъ возврата свѣту и дѣшамъ вашимъ остающимся безъ кровопиельства. Я молодъ и мало нуженъ, онъ опредѣлилъ меня изъ милосердія пріобрѣсти шотъ вѣнецъ, которой опредѣленъ былъ вамъ. Какоежъ щастіе для меня, что могъ отвести почтенную жизнь вашу отъ вѣнца, которой достигнуть вы меня научили!

Проливши нѣсколько родительскихъ слезъ о смерти сына вашего, вы исполните все то, что онъ желаетъ. Нѣкоторыя только слезы говорю я, коибы показали свѣту, что я вамъ былъ не послыль, что вы лишились сына, которой вамъ былъ дорогъ. Слезы добродѣтельныхъ есть истинное награжденіе

не мертвымъ. Лестна для нихъ та мысль, когда надѣются, что соболѣзнуютъ о ихъ смерти. Можетъ быть и некоторые друзья смѣшаютъ слезы свои съ вашими. Наибольшее для меня счастье, когда исполняютъ они сіе безъ лести. Потомъ оприте слезы ваши; и братъ да наградитъ потерю старшаго сына вашего! Да наслѣдуетъ отеческую любовь, какую вы ко мнѣ имѣли, и милость сія да будетъ наслѣдствомъ ему послѣ меня остающимся.

Правда, разлука тяжела! сыновняя любовь моя мнѣ сказываетъ, что отецъ чувствовать долженъ, но сія потеря да не поколеблетъ твердости духа вашего. Дочь ваша въ юности своей и сынъ имѣютъ нужду въ силѣ вашей; не испощайте ее плача по мертвомъ, но пощадите для живыхъ. Сіи - то требуютъ всѣхъ вашихъ стараній; опасности, которыхъ должны убѣгать, правила жизни, коимъ учиться, совершенно не дозволяютъ, ихъ кровопелю думать о томъ, который не имѣетъ уже нужды въ его печеніяхъ. Одинъ вздохъ для воспоминанія, вотъ его пребываніе.

Но къ чему служитъ долгое огорченіе? Оно не воскрешаетъ мертваго, но снѣдаетъ живаго о немъ соболѣзнующаго и лишаетъ отъ тѣхъ, кои имѣютъ

юшѣ нужду въ его помощи. Правда должайшая ночь насѣ разлучаетѣ; ибо умираю прося Бога сохранить васѣ для другихѣ дѣшей. Но вы не всего во мнѣ лишаетесь. Братѣ исполнитѣ ту надежду, которой вы отѣ меня ожидали. Вы должны были однимѣ изѣ насѣ отечеству: кровь моя заплавила долгѣ; другой останется подпора и утѣшеніе вами ожидаемое въ старости. Небо вамѣ его оставитѣ, дабы собрать плоды вашихѣ родительскихѣ стараній. Да будетѣ онѣ достоинѣ любви вашей; достоинѣ родителя своего!

Но къ чему стараюсь я утѣшить васѣ! Мудрость не имѣетѣ нужды въ утѣшеніи моемѣ. Ваша добродѣтель, родитель мой, поддерживая разумными разсужденіями наградила васѣ твердостью прошивѣ всѣхѣ приключеній случающихся въ свѣтѣ: вы знаете цѣну жизни, когда провидѣніе почтится сохранить ее; вы знаете, что нѣкоторые часы болѣе или менѣе, не заслуживаютѣ, чтобѣ мы печалились. Когда нибудь надлежало бы намѣ разлучиться. Нѣкоторые годы чего стоятѣ. — Тотѣ, которой переспаетѣ жить, умѣетѣ перенести жестокость сію. Жизнь моя, какѣ сонѣ, все послѣдствіе будущихѣ лѣтъ минуша.

Но увы! какое разстояние насъ разлучало и въ жизни! Я былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, а вы при концѣ жизни вашей. Я не надѣялся умѣреть въ одно время съ вами, половина цѣлая различіемъ было между нами; и всякая минуца приближала разлуку нашу. Но небо сжалившись на наши прошенья не хотѣло васъ похитить; оно меня пощадило отъ огорченія видѣть вашу кончину и оплакивать смерть.

Сколь часто опасался я сего ужаснаго дня! Сколь печальная мысль сія смущала часто спокойствіе души моей! Ахъ, ежели я лишусь его, говаривалъ я, ежели небо отъ меня возметъ дражайшаго, достойнѣйшаго родителя! — Жестокой и горестной часъ удалась еще и не приходи никогда. Или, когда участь смертныхъ дѣлаетъ прошеніе сіе невозможнымъ, да предупредитъ смерть моя его! Когда слабость старости вашей возбуждала во мнѣ всѣ опасности нѣжнаго сердца, когда смущенная любовь моя усматривала ослабленіе, которое по любви къ дѣтямъ вашимъ хотѣли вы отъ нихъ сокрыть, ахъ, какія горести ощущалъ тогда сынъ вашъ! какія разсужденія! какія мысли! какія слезы тайно льющіяся! ночи провождаемая вами безъ сына, и мною также проводимы были въ шокъ,

и когда сонъ меня утѣлялъ, тогда печальныя мои мысли давали мѣсто ужаснымъ привидѣніямъ.

Вспомните ли вы еще о семъ времени, гдѣ небо испытало любовь дѣтей вашихъ, когда впали вы въ такую болѣзнь, что мы отчаялись о жизни вашей! Какія минуты: вы намъ велѣли приблизиться къ постѣлю вашей, дабы принять намъ послѣднее благословеніе! — „Дѣти, сказали вы намъ, сей вечеръ мой, жетъ быть послѣдній моей жизни. „Приготовьтесь, ежели Творецъ нашъ „позоветъ меня къ себѣ, перенести съ „почтеніемъ и терпѣливо волю его. Тотъ, „который содержитъ свѣтъ, не допуститъ „васъ погибнуть бѣдными сиротами. „ — Какія слова! какія увѣщанія, вы меня видѣли заливагося слезами, обняли вашего неуѣшнаго сына, и вздохомъ удостоили наградить его горькія слезы.

Какая ночь предслѣдовала сему долгому вечеру, я изліялъ во снѣ всѣ тѣ слезы, которыя ободреніе ваше удержало. Иногда видѣлъ васъ простерша безъ дыханія; иногда хотѣлъ догнать тѣнь вашу; иногда видѣлъ васъ вдали, дѣлаючи мнѣ знакъ пріятнымъ видомъ приблизиться, бѣгу къ вамъ; сердце мое наполненное ужасомъ препенещетъ; но преширокой источникъ водъ насъ раз-

раздѣляетъ. Посылаю къ вамъ мои вздохи, бросаюсь въ источникъ, разпростираю мои препещущія длани! но вы исчезаете въ глазахъ моихъ. О дражайшій родитель, какъ сердце мое боролось съ симъ мнимымъ ужасомъ. Самая заря сей прекрасной свѣтъ приводящая, и испребляющая ужасъ ночи, не вложила спокойствія въ душу мою. Лишусь его, говорилъ я, моего любезнѣйшаго родителя! Небо, дабы приуготовить меня къ сей ужасной поперѣ, мнѣ показало смерть его въ семъ снѣ. Ахъ! да сохранитъ его Богъ, хотя для другихъ дѣтей, коихъ благополучіе зависитъ отъ жизни сего старца. Да возметъ небо меня за него, ежели уже необходимо должно, чщобъ смерть похишила кого нибудь изъ нашего дому!

Богъ исполнилъ прошеніе дѣтей вашихъ; вы имъ были возвращены и съ вами жизнь ихъ; радость моя сходственна была съ прежнею печалію. Примитежъ сію жизнь, столь намъ драгоценную, какъ даръ отъ него происходящій; и не истощите вашу разслабленную старость огорченіемъ, причиненнымъ вамъ моею смертію. Я прошу васъ о томъ! . . . прошу мою любовь, которая вамъ причиняетъ сіи слезы, мою невинною добродѣтелію сестры моей, имѣ-

Часть I. мѣс. Апрѣль. Т ющей

ющей нужду въ вашемъ покровительствѣ, всею надеждою, которую вамъ подаетъ меньшій братъ, вашъ вѣрной подражатель. — Послѣ моей смерти, я совершенно погибъ для свѣту; но оставшіе требуютъ вашихъ стараній, дабы научиться также умирать, какъ я.

Ежелижъ ваша родительская любовь не можетъ меня такъ скоро забыть; представьте себѣ по крайности, какъ скоро вы обо мнѣ вспомните, смерть, какую я умеръ. Знаменитая смерть! не на мягкой постелѣ въ покоѣ, не въ неспособіи опечеству, не безъ славы. Я умираю на ратномъ полѣ, на которое Господь взиралъ своею премудростію; на открытомъ сраженіи, гдѣ жестокой непріятель уничтожалъ труды стѣнящаго хлѣбопашца; гдѣ ненависть людей разоряла то, что милость Творца производила изъ земли; гдѣ геройской конь топталъ богатыя жатвы опредѣленные ко удовольствованію голода; гдѣ мечъ пожиралъ людей, на границѣ моего опечества подъ стѣнами города, въ которомъ я оставилъ, что было мнѣ драгоценно; родителя, сестру, брата и друзей моихъ. — Сія великая мысль должна успокоить сильно душу вашу въ печали, что непріатели были прогнаны, побѣды и разсѣяны; лавровые вѣтви по-

любѣдѣ показывали, что кровь сына вашего пролилась также за отечество. О жизнь награжденная славою; я доволенъ сею честью за жертву нѣсколькихъ дней. Верьте, чтобъ они скоро прошли и невидимо! — Ахъ родитель мой! ежелибъ часть божественнаго покоя успокоивающаго меня при концѣ и дѣлающаго мнѣ свѣтъ ненужнымъ, ежелибъ только малая часть, говорю я! могла изліяться изъ моего сердца въ ваше: великодушный мужъ, сколь утѣшилась бы огорченная душа твоя!

О ты, котораго нѣжное сердце есть обиталище всѣхъ добродѣтелей, и гдѣ находится съ добродѣтелью твердая надежда безсмертія; о ты, котораго почтенная глава посѣдѣла подѣтягостию бремя; ты, котораго надежда подкрѣплена божественною премудростию пропивъ обыкновенныхъ бѣдъ въ свѣтъ. Ты сродственъ упомянутому странственнику по долгимъ и труднымъ путямъ, гдѣ онъ иногда боролся съ бурями и вѣтрами, иногда съ полуденнымъ жаромъ, и которой желаетъ конца пути и отдохновенія въ спокойномъ жилищѣ; да не опечалитъ тебя смерть молодого путешественника, нашедшаго спокойствіе свое въ срединѣ

вѣка; небо облегчило его отъ части наипруднѣйшаго еще пуги.

Упомленной пупешественникъ, вздыхая не видя конца своему странствованію, и увидя гробъ по среди пуги, не станеть соболѣзновать, посмотря передъ себя опасныя спремнины и изрытыя дорожки, которыя ему должно проходить, о молодомъ чловѣкѣ въ ономъ покоющемся! пожалѣетъ, что и онъ не можетъ лечь подлѣ него, что дни его не прекратились, и что принужденъ онъ еще колоть усалыя ноги свои на шерняхъ, по которымъ лѣта его ведутъ. Ты, самъ носящій бремя лѣтъ своихъ, и котораго силы ужѣ начинаютъ изпощаться, можешь ли жалѣть о томъ, что смерть освободила меня отъ сего тяжкаго бремя? Мы, не имѣющіе минуты, въ которуюбъ увѣрены были въ жизни, какъ можемъ проливать слезы по погибѣли временной вещи? Естьли что вѣчное? — Нѣтъ, все временное, житіе наше мигъ, время жизни минута. Чтожъ можетъ долго продлиться въ сію минуту? Время летитъ съ чрезвычайной скоростію подобно лучу происходящему отъ свѣчи, иль стрѣлѣ пущенной къ назначенному предмету. Мало выиграешь слезами, печалію, чтобъ владѣть сею вещью нѣсколько минутъ болѣе. Знаемъ, что все про-

проходитъ; всякая секунда намъ неизвѣстна, а когда что переемъ, то мы неупѣшнымы, какъ будто были поражены такимъ ударомъ, котораго и предвидѣть не могли, какъ будто и не надѣялись. — О смертные не забудьте неизвѣстности часовъ! — Рожденіе уступаетъ право смерти; жизнь есть уже начинать умирать! Смерть просираетъ свою сильную руку на всѣхъ тварей. Созданіе есть пространное поле покрытое умирающими или мертвыми. Нечаянность, болѣзнь и старость раздѣляютъ между собой всю землю. Старость опредѣляетъ подъ косу сѣдую голову старика; а нечаянность съ болѣзнію ему на жертву приноситъ увѣренную молодость. Возрите на окружныя мѣста, сколько селеній наполненныхъ мертвцами! у васъ моръ, а у насъ губитель сраженіе погубляютъ толпу молодыхъ людей. Вода и огонь, недостатокъ и изобиліе, опчаяніе и радость — да и кто можетъ счесть всѣхъ враговъ жизни — падаютъ ихъ какъ жертву къ олтарю смерти. Свѣтъ разорится, померкнетъ луна, горизонтъ попрясется и земля разрушится, вотъ что мы знаемъ, а сожалѣемъ о дыханіи оставляющемъ человека. Сколь щастливо умеръ тотъ, ежели имъ спасенное отечество

его хвалятъ и почитаютъ по мѣсто, гдѣ покоятся его кости! славна того смерть, который кончаетъ свой животъ за опечество! благородное попомство считаетъ его въ числѣ героев, и хотя ни одинъ гробной камень не сказываетъ его имени свѣту, но исторія возвѣщаетъ. Ты, которой былъ всегда примѣръ въ моей жизни, дражайшій родителъ, какъ тѣ сочтутъ васъ счастливымъ, которые дѣтей своихъ лишились не такую славную смертью! они будутъ терпѣть всѣ тѣ горести, какія вы чувствуете, не имѣя участія въ чести, которая можетъ васъ утѣшить; много такихъ, которые не столь хорошо умираютъ. Презрительная смерть, родителъ мой, должна только печаливать родителей: несчастной зоноша, бывающій въ цвѣтущихъ лѣтахъ жертвою пороковъ, пребудетъ слезъ отъ друзей своихъ: чтожъ до того кто умеръ за опечество, опечеству его и оплакивать должно!

Много еще умирающихъ со мной; вы не одинъ отецъ лишайшійся своего сына. Сраженіе покрыто умирающими героями. Я ихъ видѣлъ падающихъ подле меня, и сражался, дабы отмстить смерть ихъ непріятелю. Но судьба ихъ сразившая дошла и до меня.

Кровь моя лилась на щѣла моихъ храбрыхъ собратіевъ, и назначила мѣсто, гдѣ побѣдилъ непріятеля и самъ упалъ низверженъ. Я чувствовалъ рану, не трогалъ ее лющуюся, и летѣлъ чрезъ мертвыя щѣла въ средину сраженія, вырвалъ слабой рукой окровавленное знамя, и несъ его въ торжествѣ, но небо темнѣло въ глазахъ моихъ. Все около меня казалось во мракѣ и темнотѣ. Трепещущими сілопами проходилъ я сраженіе, и единая радость причиненная симъ дѣйствіемъ удерживала душу мою. Искренней другъ слѣдовавшій за мной, принялъ меня въ свои руки, когда я хотѣлъ упасть. Тогда глаза мои не взвидѣли болѣе свѣта — но стараніями лекарей еще вставалъ я изъ гроба; я просыпался единственно для тебя родитель мой, но скоро засну на всегда, тогда ужѣ ни лекари, ни слезы дружбы, ниже самыя ваши вздохи не будутъ въ силѣ меня разбудить! не буду болѣе въ вашихъ объятіяхъ; всякая минута меня приближаетъ къ смерти. Силы мои ослабѣваютъ и можетъ быть мѣсяцъ освятитъ смерть мою въ полночѣ.

Такъ здѣсь - то на открытомъ сраженіи, подлѣ моихъ собратіевъ глаза мои должны зашвориться. Здѣсь, гдѣ я

сражался, пупъ и успокоюсь. Здѣсь я заплапилъ кровію моею за опечествоно малое мѣсто земли, гдѣ пепелъ мой услышитъ звукъ трубы, возвѣщающей воскресеніе мертвыхъ.

Я воскресну между числомъ героевъ умершихъ со мной. Здѣсь, подѣ сей испоптанной зеленью, друзья похоронятъ сына вашего съ слезами. Ахъ! какая пріятная мысль умирающимъ, что мы пріобрѣли кровію нашей побѣду попрясенному опечеству! сладчайшая еще мысль, что послѣ нѣсколькихъ вѣковъ сіе мѣсто покрывающее наши гробницы вдохнетъ прохожему нѣкое священное чувство, трепетъ и сожалѣніе, и хопя не знаешъ имянъ нашихъ, но почувствуетъ добродѣтели. Еще лестнѣе мысль посредствомъ коей щастливое спокойствіе въ наши души при концѣ изливается, что мы умираемъ съ добродѣтелью, и что но рука моя начинаетъ трепетать, голова опягчаться. О родитель мой чувствую, чувствую приближающуюся смерть. Дрожъ — ослабѣваю теряю свѣтъ глаза закрываются Прости любезнѣйшій, достойнѣйшій родитель не огорч прости!

*Перевелъ съ нѣмецкаго языка
Дмитрей Рыкачевъ.*

V.

О главныхъ причинахъ относящихся къ приращенію художествъ и наукъ.

Отъ самаго начала міра человѣкъ единственно о томъ только старался, какъ бы имѣть нужное себѣ пропитаніе, или зашипить свое владѣніе отъ люто-сти медвѣдей и львовъ. Не имѣя ни законовъ и никакого сообщенія, онъ препровождалъ дни свои скитаяся въ страхъ и грубости, и жилъ подобно дикимъ разсѣяннымъ по лѣсамъ Американскимъ, опасаясь всегда по жадности себѣ подобныхъ, по свирѣпства дикихъ звѣрей. Въ сіи ли то времена бѣдности будемъ искать начала наукъ и художествъ, произрастающихъ обыкновенно въ спокойствіи и тишинѣ. Конечно нѣтъ. По прошествіи нѣкотораго времени, котораго точно опредѣлить не лзя, опытъ показалъ выгоды нечаяннаго соединенія; послѣ опаснаго своевольства слѣдовала по щастію общая тишина, и чрезъ долго-временные опыты почувствовали нужду въ установленіи законовъ; разумъ человѣческой избавившись отъ страха до сихъ поръ его объемлющаго, находилъ удовольствіе разсмапривать зрѣлище естества, и былъ также свободенъ разсуж-

дать и о самомъ себѣ. Сіе есть чаятельно то время, въ которомъ науки начали произрастать. И какъ скоро примѣтили важную пользу, которую можетъ имѣть изъ наукъ раждающееся общество: то всѣ стали ревностно въ нихъ упражняться; изящныя же искусства въ великомъ множествѣ соединялись ко умноженію человѣческаго удовольствія и къ опроверженію нужды.

Науки, перенесенныя на другое мѣсто, уподобляются полевымъ скоро высыхающимъ цвѣтамъ. Онѣ не иначе процвѣтають, какъ усиленнымъ стараніемъ садовника, не привыкають къ новому климату, и не сообразуются съ свойствами той земли. Онѣ удобно прозябають, и сильной вѣтрѣ ихъ не беспокоитъ. Народъ есть первой собиратель плодовъ науками приносимыхъ: къ значнымъ же онѣ приходятъ весьма поздно. Не должно думать, чтообъ оныя вдругъ процвѣли въ какомъ нибудь народѣ, или чтобы для сего довольно было только ученыхъ людей изъ другихъ Государствъ. Онѣ могутъ украсить царскій домъ; но весьма рѣдко бываетъ, чтообъ они могли и все государство сдѣлать ученымъ. Птоломей Филadelphъ, Константинъ Порфирогенитъ, Карлъ Великій и Альфредъ, хотя имѣли

у себя великое число ученыхъ изъ разныхъ мѣстъ собранное, однако науки у нихъ не утвердились и хотя оныя процвѣтали подѣ тѣнью престола, но до того только времени пока десница государская орошала, а лишившись сего призрачнiя, испытали всю суровость чуждаго климата; оставленные увяли со всѣми своими плодами, принесенными во время короткаго споспѣшествованiя ихъ покровителей.

Художества и науки споль медлительно шествуютъ, что государство, въ которомъ оныя начинаютъ произрастать, или которое ихъ принимаетъ, необходимо должно пребыть долгое время безъ всякой переменны въ управленiи. Колико старанiй должно употребить безъ успѣху; колико трудовъ предпрять съ самаго перваго заведенiя наукъ до приведенiя оныхъ въ совершенство; изъ самаго простаго рисунка сдѣланнаго на удачу, до вести до совершеннаго искусства Апелеса! Между тѣмъ временемъ, какъ сіе совершенство поспешенно происходитъ, то науки еще какъ бы сномъ опягощены бываютъ, и великаго стоить труда, чтобъ возбудить ихъ отъ глубокаго сна, тогда должно представить себѣ всѣ опыты своихъ предшественниковъ, приложитъ къ нимъ

НОВЫЯ

новыя изобрѣшенія , и привестъ къ концу то , что лишь только было начато ; собрать все нужное для строенія , прежде сего разбросанное , и оставленное первыми художниками ; и сдѣлать изъ сихъ остатковъ , до половины ужѣ разрушенныхъ , совершенное строеніе . Все сіе можно надѣяться получить , въ такомъ только государствѣ , которое не поколебимо стоить чрезъ многіе вѣки . Науки въ короткое время правленія возрастаютъ купно съ полипическимъ учрежденіемъ . Они одинакую имѣютъ судьбу , и вмѣстѣ разрушаются . Такой точно былъ жребій наукъ у Аравитянъ .

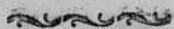
Долговременность государства подаетъ наукамъ случай приходитъ въ совершенство ; вольностью же они процвѣтаютъ . Физики научаютъ насъ , что всѣ животныя стараются о средствахъ къ своей безопасности , и обыкновенномъ ихъ удаленіи отъ насильствія прочихъ . Свободны будучи отъ страха и угнетенія , склонность ихъ дѣйствуетъ во всей своей силѣ . Въ государствѣ , въ которомъ царствуетъ естественная вольность , слонъ почитается гражданиномъ , а бобръ Архитекторомъ . Но какъ скоро хищный человекъ станетъ превозить ихъ общество , то сія естественная ихъ ревность къ вольности , кажется упадаю-

дающею, и они болѣе ни въ чемъ не упражняются какъ только въ защищеніи самихъ себя, и разумъ ихъ затмѣнѣвъ будучи вмѣстѣ съ благосостояніемъ ихъ республики, терпитъ то бѣдное состояніе, къ которому мы ихъ приводимъ.

Сіе примѣчаніе не несправедливо въ разсужденіи рода человѣческаго. Ибо и мы также теряемъ отъ страха все свое раченіе, дарованія и горячность. Въ рабскомъ состояніи добродѣтель и знаніе навлекаютъ на себя подозрѣніе.

Въ деспотическомъ правленіи Азіи, великая слава бываетъ предзнаменованіемъ великаго несчастія. И всякой чело-вѣкъ, какого бы состоянія ни былъ, желающій отличить себя отъ прочихъ, подвергается безчисленнымъ опасностямъ.

Въ благополучномъ вѣкѣ Рима, вольность была душою краснорѣчія, и заставила Силловъ и Помпеевъ дрожать предъ народнымъ Трибуномъ. Но когда послѣ благородной гордости сихъ республиканцовъ послѣдовало подлое рабство во времена Императоровъ: то сей благороднѣйшій жаръ вдругъ погасъ, и разумъ Римлянъ вмѣстѣ съ ихъ вольностію погребенъ былъ на поляхъ Фарсальскихъ.

Агличане великіе оказали успѣхи въ Философіи, причину тому полагаю я гордую вольность ихъ мыслей и сочиненій, которыя могутъ быть примѣромъ цѣлому свѣту.

Всякому извѣстно, что „Домитіанъ“ умертвилъ Меція Помпоніана за то, что онъ имѣлъ у себя общій чертежъ свѣта, и сокращеніе Типа Ливія. Никому также не безъизвѣстно, что Эрмогену Тарсискому нѣкоторыя внесеныя имъ въ его исторію описанія степей или жизни. Да и нигдѣ, гдѣ только рабство, хотябъ оно было и законно, связываетъ душу, какъ бы оковами, не должно ожидать, чтобъ оно могло произвести что нибудь великое.

Для хорошаго успѣху въ наукахъ требуется притомъ чистой и пріятной воздухъ, способной учинить жизнь щасливую столько, сколько разумъ того желать долженъ. Плодоносная земля щедро обогащаетъ своихъ жителей во время нужды; ибо когда случится недостатокъ въ нужномъ, тогда ни мало не помышляютъ о излишнемъ удовольствіи: для сего нуженъ пріятной и умеренной климатъ, чрезмѣрной же зной изнуряетъ тѣло и ослабляетъ разумъ; а пропивная сему крайность заграждаетъ всѣ пары, затмѣваетъ чувства и опягощаетъ

щаетъ умы. Припомѣ должно знать, что науки сперва произрали на плодотворныхъ брегахъ Нила, откуда получены онѣ Аѳинянами, которые ихъ обогатили, Римляне привели ихъ въ совершенство, а Парижъ украсилъ ихъ; Лондонъ же желая ихъ размножить, далъ имъ важной и печальный видъ, сходствующій съ воздухомъ ихъ окружающимъ.

VI.

М Е М Н О Н Ъ.

или

МУДРОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Нѣкогда *Мемнонь* предпріалъ безразсудное намѣреніе быть совершенно мудрымъ. Нѣтъ почти такихъ людей, которымъ бы иногда не приходила въ голову сія глупость. *Мемнонь* говоритъ самъ себѣ: дабы быть премудрымъ, а слѣдственно и прещасливымъ, должно только отвергнуть страсти; а сіе, какъ уже извѣстно, весьма легко учинить можно. Во первыхъ я никогда не буду любить женщинъ; увидя совершенную красавицу, я буду думать, что сіи румяныя щеки нѣкогда поблекнутъ, сіи прелестныя глаза наполнятся кровію, сія круглая грудь

грудь учинится плоскою и упалою, и сія голова будетъ нѣкогда безъ волосъ. И такъ должно на ее смотрѣть только тѣми же глазами, какими увижу въ то время; но никакъ она меня не прельститъ.

Во вторыхъ, я всегда буду презвѣ: можетъ быть будутъ меня искушать хорошія кушанья, пріятныя напитки и прелесты собраній; но мнѣ стоить представить только слѣдствіе сихъ излишествъ, голову опягченную, испорченной желудокъ, потерю разсудка, здоровья и времени, я буду употреблять пищи столько, сколько нужда потребуетъ; отъ сего здоровье мое всегда будетъ въ равновѣсіи, а мысли чисты и свѣжи. Все сіе столь легко, что ни малаго нѣтъ труда до онаго достигнуть.

Теперь, продолжалъ *Мемнонъ*, должно нѣсколько подумать о моемъ состояніи; желанія мои умѣренны, а имѣніе благоразумно поручено главному сборщику Нинивійской казны; и такъ я имѣю чѣмъ жить въ независимости; а сего благополучія никакого не можетъ быть больше. Никогда я не дойду до крайности, чтобъ ходить къ комунибудь съ прозьбою; никому не буду завидовать и мнѣ никто, а это весьма удобное дѣло. Я имѣю друзей,

я ихъ сохраняю , ибо ни о чемъ не споря ни я не буду имѣть съ ними ссоры ни они со мною : всежѣ сіе ничего не стоить.

Мемнонь учредя такимъ образомъ планъ мудрости въ комнатѣ своей взглянулъ въ окошко. Онъ увидѣлъ двухъ женщинъ, прохаживающихся подлѣ его дому, изъ которыхъ одна была спара и казалось, ни о чемъ не думала; а другая молодая, прекрасная и находилась въ великой задумчивости. Она вздыхала, она плакала; но отъ того раждались только пріятности. Мудрецъ нашъ былъ пронутъ, не красотою сей женщины (ибо онъ очень на себя надѣялся, что никогда не будетъ чувствовать подобной слабости), но печалію, въ которой онъ ее видѣлъ. Вышедъ изъ покоевъ приблизился онъ къ молодой Нинивитянкѣ, въ намѣреніи мудростію своею утѣшить ее. Сія прекрасная особа съ весьма непринужденнымъ и чрезвычайно прогающимъ видомъ, рассказала ему все несчастіе причиненное ей дядею, коего она никогда не имѣла; по какому коварству опнялъ онъ у нее имѣніе, коего никогда у нее не было; и чего еще впредь она должна опасаться отъ его наглости. Вы мнѣ кажетесь столь разумнымъ человекомъ, присовокупила она, что естли бы вы сдѣлавъ мнѣ снисхожденіе пожа-

ловали въ мой домъ, и разсмотрѣли мои дѣла, то я увѣрена, вы бы могли меня извлечь изъ сего жестокаго состоянія, въ которомъ я теперь нахожуся. *Мемнонъ* охотно согласился ей слѣдовать, въ намѣреніи разсмотрѣть мудро ея дѣла и дать хорошій совѣтъ.

Печальная женщина приведя его въ покой накуранный благовоніями, просила учтиво сѣсть вмѣстѣ съ нею на широкой софѣ, на которой они сидѣвши другъ прошивъ друга, держали ноги полова одну на другую. Женщина говорила потупя глаза, изъ которыхъ не рѣдко капились слезы, и которые возводясь въ верхъ всегда встрѣчались со взорами мудраго *Мемнона*. Разговоры ихъ преисполнены были нѣжності, которая безпрестанно умножалась, какъ они другъ на друга смотрѣли. *Мемнонъ* находя сіи дѣла весьма прогающими, часъ отъ часу чувствовалъ большее желаніе услужить столь честной и столь злощастной особѣ. Они въ жару своихъ рѣчей не чувствительно перестали бытъ другъ прошивъ друга. Ноги ихъ не были ужъ больше согнуты. *Мемнонъ* такъ ее увѣщевалъ и давалъ ей столь мудрые совѣты, что никто изъ нихъ не могъ говорить больше о дѣлахъ, ниже чувствовать гдѣ они находились.

Какъ

Какъ они были въ такомъ положеніи, приходитъ дядя; и какъ то легко можно вообразить, онъ былъ вооруженъ съ ногъ до головы; первое произнесенное имъ слово было, что онъ по справедливости хочетъ умертвить мудраго *Мемнона* и свою племянницу; а послѣднее, что онъ можетъ простить за великую сумму денегъ.

Мемнонь принужденъ былъ отдать все, что ни имѣлъ. Да еще щастливъ онъ былъ, что такъ легко могъ избавиться; Америка не была еще найдена; слѣдственно огорченныя женщины не столь были опасны, какъ теперь.

Мемнонь со стыдомъ и въ отчаяніи пошелъ въ свой домъ; пришедши туда нашелъ онъ билетъ, по которому звали его на обѣдъ искренніе его друзья. Если останусь я дома, говорилъ онъ, то безпрестанно буду думать о печальномъ моемъ приключеніи и безъ пищи впаду въ болѣзнь. Лучше ийти опобѣдать съ вѣрными моими друзьями: я забуду въ пріятной ихъ бесѣдѣ глупость, которую я учинилъ сего утра. Пришедши въ назначенное мѣсто, показался друзьямъ своимъ нѣсколько печальнымъ. Они просятъ его для разогнанія скуки выпить чегонибудь. Принятое съ умѣренностію вино есть лѣкар-

ство для тѣла и души. Разсуждая такимъ образомъ, мудрый *Мемнонь* напивается до пьяна. Послѣ стола предлагаютъ ему играть въ карты. Правильная игра съ вѣрными друзьями, есть честное провозженіе времени. Играетъ и проигрываетъ все что ни было въ кошелькѣ, и въ четверо сполькожъ на честное слово. Споръ возстаетъ въ игрѣ, наши друзья разгорячаючися, и одинъ изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ бросаетъ въ него табакерку и выгоняетъ изъ головы одинъ глазъ. Относятся мудраго *Мемнона* въ его домъ пьянаго безъ денегъ и съ однимъ только глазомъ.

Проспавшись не много, какъ голова у него сдѣлалась посвободнѣе, послалъ онъ своего слугу взять денегъ у главнаго зборщика Нинивійской казны, для отдачи вѣрнымъ своимъ друзьямъ; но ему было сказано, что его должникъ сдѣлался ложнымъ банкротомъ, и много семействъ привелъ въ раззореніе. Сраженный симъ извѣстіемъ *Мемнонь*, съ пластыремъ на глазу и съ челобитною въ рукѣ идетъ ко двору для испрошенія у Государя правосудія на банкрота. Взошедши въ покои, усмотрѣлъ онъ въ одной пространной залѣ множество веселящихся женщинъ, у платья которыхъ подола имѣли дваццать футовъ

шовъ окружности. Одна изъ нихъ, которая не много его знала, сказала спря на него со стороны: ахъ какъ спрашенъ! другая, которая его по больше знала, сказала ему: здравствуйте господинъ *Мемнонъ*, безъ шутокъ, господинъ *Мемнонъ*, я очень рада, что васъ вижу; а, къ спашъ, господинъ *Мемнонъ*, отъ чего вы потеряли свой глазъ? Сказавъ сіе, она ушла не ожидая отвѣту. *Мемнонъ* спряшался въ уголокъ, и ожидалъ времени, чтобъ повертнуться къ Монаршимъ стопамъ. Сія минута пришла. Онъ поклонясь при раза въ землю подалъ свое прошеніе. Всемилостивѣйшій Государь принялъ оное весьма благосклонно, и приказалъ одному изъ своихъ Министровъ дать ему на то отвѣтъ. Министръ отведши *Мемнона* въ спорону, говорилъ ему гордымъ и насмѣшливымъ образомъ: мнѣ ты кажешься смѣшонъ, господинъ кривоглазовъ, что пришелъ прежде къ Государю нежели ко мнѣ; а еще смѣшнѣе, что осмѣливаешься просить правосудія прошивъ честнаго банкрота, которой имѣетъ честь быть подъ моимъ покровительствомъ, и который есть сынъ горнишной женщины, находящейся во услуженіи у моей любовницы. Оставь, мой другъ, сіе дѣло, естли хочешь сберечь остальной свой глазъ.

Такимъ образомъ *Мемнонь* опрекшійся поушру отъ женщинъ, отъ излишнихъ яствъ и напипковъ, отъ игры, отъ всякой ссоры, а особливо отъ двора, былъ прежде окончанія дня обманутъ и обокраденъ прекрасною Нинивитяною, напился до пьяна, игралъ въ карты, ссорился, потерялъ глазъ и ходилъ ко двору, гдѣ и былъ осмѣянъ.

Пораженный ужасомъ и пронзенной печалію, пошелъ онъ изъ дворца, желая же возвратиться въ свой домъ, видитъ приставовъ обирающихъ движимое его имѣніе по приказанію господъ заимодавцовъ. Отъ сего зрѣнія *Мемнонь* остался почти полумертвъ на улицѣ. Онъ увидѣлъ тамъ прекрасную упрешнюю госпожу, прохаживающуюся съ дорогимъ своимъ дядею и смѣющуюся въ заходы, видя *Мемнона* съ пластыремъ. Наступившая ночь заспавила *Мемнона* лечь на соломѣ подлѣ стѣнъ его дому. Лихорадка его схватила, въ дѣйствіе копторой онъ заснулъ; и во снѣ представился ему небесный духъ.

Онъ былъ весь въ блистаніи; имѣлъ шесть удивительныхъ крылъ, но безъ ногъ, безъ головы и безъ хвоста, и ничему не былъ подобенъ. Кто ты? спросилъ его *Мемнонь*, твой благій духъ, отвѣчалъ другой. Тогда *Мемнонь* вскричалъ:

чалъ: возврати мнѣ мой глазъ, мое здорье, мое имѣніе и мою мудрость. Потомъ онъ ему разсказалъ, какимъ образомъ лишился всего сего въ одинъ день. Духъ выслушавъ сіе сказалъ: вотъ приключенія, кои никогда съ нами не случаются въ населяемомъ нами свѣтѣ. А какой вы населяете свѣтъ? спросилъ печальной человѣкъ. Мое отечество, отвѣчалъ онъ, отстоитъ отъ солнца на пять сотъ милліоновъ миль, въ маленькой звѣздѣ подлѣ Сириуса, который ты видишь отсюда. Щасливая земля! сказала Мемнонь: какъ, у васъ нѣтъ ни плутовокъ, копорья обманываютъ бѣднаго человѣка, ни вѣрныхъ друзей, кои выигрываютъ у него деньги и выбиваютъ глаза, ни банкротовъ, ни Министровъ, кои смѣются, отказывая правосудіе? Ничего, отвѣчалъ житель звѣзды. Насъ никогда не обманываютъ женщины, поелику ихъ у насъ нѣтъ; мы никогда не употребляемъ излишества въ яденіи, потому что мы никогда не ѣдимъ; мы не имѣемъ банкротовъ, потому что нѣтъ у насъ ни золота ни серебра; не возможно насъ лишитъ глазъ, потому что мы не имѣемъ подобнаго вамъ тѣла; и Министры никогда не дѣлаютъ намъ несправедливости, потому что въ маленькой нашей звѣздѣ всѣ жители равны.

Тогда спросилъ его *Мемнонь*, Милосивый Государь, безъ жены и безъ пиши въ чемъ же вы провождаете свое время. Въ охраненіи другихъ шаровъ порученныхъ намъ, отвѣчалъ духъ: и я нарочно пришелъ сюда, дабы тебя утѣшить. Ахъ! сказалъ *Мемнонь*, для чего вы не пришли въ прошедшую ночь, и не воспрепятствовали мнѣ совершить толикія глупости. Я былъ у старшаго своего брата Ассана, отвѣчало небесное существо. Онъ еще больше тебя жалости достоинъ. Его Величество Индѣйскій Король, у котораго при дворѣ онъ имѣетъ честь находится, за малѣйшій проступокъ приказалъ ему выколошь оба глаза, и теперь онъ сидитъ въ тюрьмѣ, имѣя руки и ноги скованныя. Не малая досада, сказалъ *Мемнонь*, что имѣя въ семействѣ покровительствующаго духа, изъ двухъ братьевъ, одинъ бы былъ кривъ, а другой слѣпъ, одинъ бы лежалъ на соломѣ, а другой въ тюрьмѣ. Жребій твой переменится, говорилъ обитатель звѣзды. И хотя ты всегда будешь кривъ, однако довольно будешь благополученъ, только никогда не предпринимай глупаго намѣренія быть совершенно мудрымъ. И такъ до сего никакъ не возможно доспигнуть? вскричалъ воздыхая *Мемнонь*. Столькожъ не возможно, сказалъ ему

вопреки духъ, сколько быть совершенно ученымъ, совершенно сильнымъ и совершенно благополучнымъ. Мы, мы сами отъ сего удалены. Есть нѣкоторой шаръ, гдѣ все сіе находится; но во стѣ тысячахъ милліоновъ міровъ, разсѣянныхъ по видимому тобою пространству, все слѣдуетъ по степенямъ. Въ первомъ мірѣ больше находится мудрости и удовольствія нежели во второмъ; во второмъ больше нежели въ третьемъ; и такимъ порядкомъ должно полагать отъ перваго даже до послѣдняго, въ коемъ всѣ люди совершенные глупцы. Я весьма опасаюсь, сказалъ Мемнонь, чтобъ нашъ земной шаръ не былъ домъ безумныхъ, изо всѣхъ міровъ, о которыхъ я имѣлъ честь отъ васъ слышать. Не совсѣмъ, сказалъ духъ, однако близко къ тому подходитъ: должно, чтобъ все было на своемъ мѣстѣ. Потому, сказалъ Мемнонь, всѣ Писатели и Философы ошибаются, говоря, что все добро? Нѣтъ, отвѣчалъ горный Философъ, они въ томъ имѣютъ неоспоримыя доказательства, разсматривая порядочное составленіе всей вселенной. Ахъ нѣтъ! вскричалъ бѣдной Мемнонь, я до тѣхъ поръ сему не повѣрю, пока не получу потеряннаго моего глаза.

VII.

Письмо Алцеста къ Эдону.

Хотя я и чувствовалъ въ сердцѣ моемъ прискорбіе и любовь, когда мой оскорбленный Фалесъ оставилъ городъ: однакожъ, когда я подробнѣе разсматриваю его предпріятія, то похваляю его выборъ, и сожалѣя о другѣ, славлю уединеннаго вознамѣрившагося въ отдаленныхъ отъ города и отъ пороковъ поляхъ чистѣйшимъ питаться воздухомъ. Ибо кто не согласился бы лучше обитать въ самой послѣдней деревнѣ или въ самыхъ пустѣйшихъ поляхъ, нежели въ семъ полномъ и спѣсненномъ городѣ? Тамъ внезапная смерть не поглощаетъ людей; но всѣ избѣгнувшіе глада, умираютъ подъ бременемъ старости, здѣсь же дѣлаютъ заговоры между собою злоба, грабежъ и рокъ, и свирѣпствуютъ по стекшаяся чернь, по огонь. Немилосердые разбойники скрываются въ засадахъ. Трудолюбивые мошенники бѣгаютъ здѣсь всюду за добычею. Падающіе дома гремятъ надъ нашими головами, и робкій Апеистъ болтаніемъ своимъ наноситъ намъ смертельную скуку.

Въ то время, какъ Эалесъ ожидалъ челнока для помѣщенія на него остатковъ расточеннаго богатства, стоя безсловесенъ на берегу Элбы и мыслями взирая на ту деревню, которая служила нѣкогда Гроцію въ бѣгствѣ на краткое время убѣжищемъ: тогда воспоминаніе сіе привело ему на мысль собственной его жребій, и онъ со гнѣвомъ обраща на городъ взоръ свой изрекъ слѣдующее:

Когда въ нынѣшнія изпорченныя времена заслуги не удостоиваются даже и сей малой награды, одной только похвалы, когда въ сихъ ненавистныхъ стенахъ, посвященныхъ порокамъ и корыстолюбію, безъ награды трудятся всуе науки, когда надежда меня только питаетъ, дабы нещастіе мое усугубить и каждая минута малое мое имѣніе уменьшаетъ: то подай мнѣ, о небо! при твердыхъ еще ногахъ не пребующихъ жезла подпорою, и когда кровь еще живо печетъ въ жилахъ моихъ, открой мнѣ то благополучнѣйшее мѣсто, въ которомъ справедливость и разумъ не вмѣняются въ безчестіе; покажи мнѣ пріятный берегъ покрытый тѣнію зеленыхъ ивъ, и тихую долину изпещренную цвѣтами природы, гдѣ пустынный бывши покоенъ и безопасенъ въ бѣдности презиралъ враговъ своихъ.

Па.

Покажи мнѣ тайное оное пристанище. Пускай Капуль живетъ здѣсь, онѣ знаетъ искусство какъ вѣ городѣ жить; пускай тамъ царствуютъ тѣ, которые могутъ черное превращать вѣ бѣлое, которые продаютъ правѣ добродѣтели и свою похвалу за деньги и явно хищникамъ кровопийцѣствуютъ, которые рабскими правилами испорченное юношество заражаютъ и продаютъ ложъ клятвоу истинны.

Пускай оныя созидаютъ великолѣпныя дома, покупаютъ имѣнія, наполняютъ позорища и приводятъ забавами вѣ праздность людей ни о чемъ не мыслящихъ. — Продолжайте подвиги свои, о вы герои! Какіе предѣлы могутъ ограничить ваше честолюбіе, какая узда можетъ удержатъ жажду вашу ко власти и злупу? Се мятежная добродѣтель побѣждена; се наша честь, наши сокровища и жизнь принадлежатъ вамъ!

Таковымъ вѣ добычу отдаетъ небо цѣлый стелющій народъ, когда явные пороки раздражаютъ гнѣвъ его: но какая остается надежда мнѣ ужасающемуся грабительству и краснѣющемуся вѣроломству; мнѣ, могущему внимать ученію мудрости и покоиться подѣ хвалою вѣдомостей народныхъ. Мнѣ, презирающему глупость, которая хотя бы носи-

ла

ла на одномъ рукавѣ цѣлый доходъ двадцати ученыхъ, и едва съ великимъ принужденіемъ могущему смѣяться шукъ какого либо Сеана?

Другіе съ непринужденною улыбкою и опмѣннымъ искусствомъ могутъ основанія добродѣтели превращать въ посмѣяніе и заражать сердца. Они несравненно искуснѣе могутъ настроить голосъ любовника и похитить подарками невинность; а я, будучи подобенъ въ языкѣ грубому мужику не умѣющему превращать правъ или украшать несправедливости, какъ опогнанный нищій, и какъ опасный извѣдатель въ невѣдѣніи живу и не оплакиваемъ умираю.

Чѣмъ инымъ, кромѣ общихъ пороковъ, одинъ другому бываетъ нуженъ? Кто участвуетъ въ порокахъ Оргилія, тотъ имѣетъ участіе и въ богатствѣ его. Но я съ презрѣніемъ отвращаю глаза свои отъ сихъ прелестныхъ даровъ, хотя бы мнѣ обманщики все то обѣщали, что у Орегона заплеснѣвало и что Ювасто разпочилъ. Я не продаю то за золото, чего на золото купить не можно; т. е. спокойнаго сна, непорочнаго имени и доброй совѣсти.

О! вы предки наши, естълибы вы могли возстать изъ гробовъ вашихъ, тщетно бы вы старались сыскать въ видѣ

видѣ одежды и дѣлѣ потомковѣ вашихѣ, слѣдовѣ вашей благородной простоты и добродѣтели. Всѣ они разтерялись въ безумной праздности и пустыхъ нарядахъ. Герой сдѣлался щоголемъ: разумѣ, волюность и благочестіе вышли изъ обыкновенія, и сыны ваши сдѣлались обезьянами Французовѣ. Кто не можетъ больше воровать или милостыни просить въ своемѣ опечесствѣ, кто изгнанъ отъ двора, хранишь свои обычаи, моды, одежду и полишику и почитается отъ нашего легкомыслія пріятною метою. Онаго ревность не пропускаетъ ни одного случая, гдѣ можно ему какой нибудь получить прибытокъ: онъ поетъ, пляшетъ, и ему соплещутъ; онъ во всемъ уже искусился; онъ всюду, хотя во адѣ иппи гошовѣ.

Отъ стиховѣ безъ цензуры и стыда всѣ пороки безопасны, выключая одной только ненавидимой бѣдности. Сію только гонитъ строгій законъ, сія только приводитъ на гнѣвъ музу. Мудрецъ въ раздранномъ рубищѣ пробудившись отъ сна своего бываетъ посмѣшищемъ. Разряженные щоголи смотрятъ на него дерзкими и презрительными глазами. Изъ всѣхъ сердечныхъ болѣзней, которыя мучатъ несчастнаго, самая жесточайшая есть язвительная насмѣшка. Рокъ никог-

да столь сильно не уязвляетъ сердца великодушнаго, какъ когда глупецъ своимъ оскорбленіемъ остритъ его стрѣлу.

Но се томный крикъ устращенной черни прошекая улицы спремится къ небу! пробудившись ото сна о богатствѣ или власти, о великолѣпныхъ палатахъ или благополучномъ обиталищѣ, и приведенъ будучи въ страхъ едва можешь смотрѣть ослѣпленными и скорбными глазами страшный огонь приближающагося пожара. Спѣши скорѣе избѣгнуть сего ужаса и оставь малое свое имѣніе пламени въ добычу. Потомъ скидайся какъ негодной бродяга по всему свѣту; ибо гдѣ могутъ отъ голода погибающія заслуги снискать себѣ отечество? Тщетно будешь ты рассказывать свои несчастія, никто не смотритъ на твое сокрушеніе и большая половина ругается онымъ.

Какъ скоро богатства Оргилія, по заслугамъ его, въ прахъ, и его свѣтлыя палаты въ пепелъ преобразятся, то въ ту же минуту разсѣется печальная вѣдомость по всему государству и всенародная печаль примиряетъ небо; цѣлая шайка стихотворцевъ вѣщаетъ въ рабскихъ стихахъ, сколько добродѣтель должна сносить отъ судьбы. Се между тѣмъ какъ онъ строится, спѣшатъ къ нему веселые Кліенты и наполняютъ вдругъ

вдругъ возвышающіяся палаты богатствомъ, и дѣлаютъ его сокровища гораздо большими, нежели какъ оныя сперва были. Теперь видитъ онъ иждивеніемъ вельможей государства готовый полированный мраморъ и свѣтлую изъ меди кровлю; но скоро заслужитъ отъ разгнѣваннаго неба вторичнаго пожара.

Естьлибы ты могъ сіи великолѣпныя алей и позорища промѣнять на берега малаго и безъизвѣстнаго ручья; то бы ты могъ еще найтить пріятное себѣ обиталище и могъ бы съ веселіемъ взирать на ту смѣющуюся деревню; ты бы могъ обрѣзывать свои бесѣдки, поливать цвѣты, проводить ручьи и свивать молодыя деревья, и что твои огороды приносятъ тебѣ дешевую пищу, то могъ бы ты презирать наилучшія кушанья великаго господина. Тамъ каждый кустарникъ звучитъ гармонією природы, тамъ каждый зефиръ приноситъ на крылахъ своихъ здравіе; во всю твою жизнь будешь ты радоваться безопасности, которая наградитъ тебя ввечеру при прогулкѣ и поутру въ трудахъ твоихъ щастіемъ. Но приготовся ко смерти, когда разхаживаешь здѣсь ночью и сдѣлай духовную прежде нежели хочешь внѣ двора своего вкушать! раздраженный глупецъ гордясь

новымъ шишуломъ до полъ валяется на крапивѣ, пока не умертвитъ своего соперника; пьяница, которой съ пирушки идучи разваливается, спарается къ тебѣ привязаться и между шулками закаляетъ тебя. Но и сіи Герои, которые находятъ себѣ утѣху въ чужей бѣдѣ, сіи владѣтели улицъ и страхъ въ дорогахъ, сколько ни бывають бѣшены отъ дурачества, молодости и вина, дѣлають только обиды бѣднымъ; но какъ скоро они примѣнятъ большіе фонари, то убѣгаютъ освѣщенной свиты и повлащенной кареты.

Когда опасность сія миновалась, то тщетно запираешь ты двери и тщетно надѣешься на целебное спокойствіе сна. Полунощный смертоубійца, сдѣлавшійся чрезъ грѣхи ужаснымъ и чрезъ отчаяніе отважнымъ, разбиваетъ неповинующіяся ему заклепы, и схватывая во время посвященное пихому покою, непримѣтно прободаетъ грудь твою кинжаломъ. Щасливья тѣ были времена, въ которыя предки наши жили, гдѣ одна только темница вмѣщала въ себя всѣхъ злодѣевъ цѣлаго народа! тогда еще благое правосудіе не взирая на чины держало въ верхъ вѣсы и опускало въ низъ свой мечъ. Не были тамъ спражи, не было тамъ такого множества судей и городскихъ служителей. Щасливья вре-

Часть I. мѣс. Апрель. Ф мена!

мена! но ахъ сколь они отличны отъ нашихъ! —

Я еще бы больше могъ поговорить: — Но вотъ по судно подбѣзжаетъ, вода стекаетъ и зоветъ меня со берега; прощай: — Когда ты изпошишь младость, здоровье и имѣнiе свое и когда будешь искать себѣ убѣжища въ пойдоединой деревнѣ; когда тебѣ ужѣ наскучатъ дурачества и пороки и станешь послѣдующiе вѣки предостерегать несноснѣйшими наказанiями нынѣшняго вѣка; тогда твой другъ еще разъ испуститъ свой гнѣвъ за добродѣтель и ты будешь по сказывать свѣту, что онъ говорилъ. По окончанiи сихъ словъ оставилъ онъ меня проводившаго его до берега. И намъ, о другъ мой! скажи, что дѣлать? Можетъ быть мы послѣдуемъ его примѣру, когда перестанемъ смѣяться надъ безумными, и когда приближающаяся старость все перемѣнитъ въ досаду; но по тѣхъ поръ облегчимъ себѣ сапирами пребыванiе наше въ городахъ.

Не ужѣ ли яebo не оставило бѣдному во удовольствiе, никакой безслѣдной пустыни, никакого неизвѣстнаго острова на безпредѣльномъ морѣ? Поищемъ скорѣе такого счастливаго обиталища и перестанемъ больше сносить гордость притѣснителей нашихъ.

Печальная истинна всюду извѣстна: заслуги рѣдко познаются, когда бѣдность ихъ унижаетъ; но здѣсь еще гораздо того рѣже, здѣсь, гдѣ всѣ раболѣпствуютъ золоту, гдѣ взорами торгуютъ и улыбки продаются, гдѣ подарками на свою сторону склоненный и ласкабельствами упрошенный слуга торгуетъ милость своего господина.

VIII.

Сокращеніе рѣчи топоренной пѣ присутствіи нынѣшняго Короля Французскаго.

Любовь Вашего Величества къ общему благу требуетъ отъ служителей церкви показать вамъ печальное изображеніе различнаго рода бѣдности; но кротость Владѣтеля должна соразмѣрна быть его могуществу. Великія сокровища Монарховъ, или паче дань, которую Всевышній имъ посылаетъ къ оправдѣ несчастныхъ, есть оное правосудіе и законодатель, котораго мы въ вашей Особѣ къ помощи убожества сюда призываемъ. Мы не можемъ сокрыть предъ Вашимъ Величествомъ, что многія наши установлен-

ния просвѣщенію споспѣшествующія, но-
 сятъ еще знаки тѣхъ варварскихъ вѣ-
 ковъ, въ которые оныя произошли; но
 единое возрѣніе ваше въ состояніи уже
 совершить важную часть потребной по-
 мощи. Можетъ быть вамъ предлагающъ,
 что при всѣхъ высокихъ разпоряженіяхъ
 не избѣжимы великія злоупотребленія,
 ибо неудобности въ сохраненіи блага
 бывающъ чрезвычайны и испощающъ си-
 лы Монарха. Но вы не опчаяйтесь ни
 о себѣ, ни о другихъ. Никакъ, Мило-
 спивой Государь! Плѣннику возможно
 дозволить въ темницѣ наслаждаться по
 крайней мѣрѣ здоровымъ воздухомъ.
 Несчастнымъ можно открыть свободной
 входъ съ пою покмо оспорожностію,
 чтобы взаимно не заражались на одрахъ
 болѣзнями. Не стоить великаго труда
 привести въ безопасность пропитаніе и
 содержаніе тѣхъ бѣдныхъ чадъ, коихъ
 небеса оставляютъ особливимъ попече-
 ніямъ отца народнаго: наконецъ, пре-
 сѣчь свирѣпства внутренней бѣдности
 не требуетъ великихъ силъ, только бы
 не произвѣсть вмѣсто того крика ужа-
 снаго рабства; вамъ стоило бы къ про-
 изведенію сего возложить только руку
 милосердія, то бы вы узнали, что съ
 чувствительнымъ сердцемъ, съ здра-
 вымъ разсудкомъ и твердымъ духомъ
 бы

бываетъ всемогущество и благодѣяніе
 Монарха. Увы! они суть на той ща-
 спливой степени, на коей добродѣтель-
 ной души желаніе творить благо, есть
 сильно дѣйствующая спрасть. Цари
 въ юныхъ лѣтахъ должны испытать
 полезныя гражданскія перемѣны; ибо въ
 печеніе продолжительнаго правленія чув-
 ства Монарха слабѣютъ, дѣйствія бы-
 ваютъ не скоры, духъ помень и не-
 спокоенъ. Печальный опытъ научаетъ
 его почитать людей меньше: одинъ онъ
 стоитъ не пребуя помощи ко управле-
 нію тѣмъ благомъ, котораго онъ же-
 лаетъ. Не искусившійся въ таковыхъ
 опытахъ бываетъ возпрепятствуемъ и
 теряетъ стремленіе къ благодѣянію ку-
 пно съ твердосію творить благо. На-
 конецъ онъ состарѣвается въ семъ со-
 стояніи: слабость, приближеніе смерти,
 любовь и попеченіе о самомъ себѣ, раз-
 рываютъ всѣ прочіе союзы. Удаленъ
 будучи отъ народа ищетъ онъ уедине-
 нія грозящимъ смертію лѣтамъ: когда
 онъ засыпаетъ на одрѣ смерти, а самой
 его народъ потерю надежды приходя въ
 слабость кажется съ владѣтелемъ сво-
 имъ состарѣвшимся. Начало правленія
 Франціи уподобляется упренней зарѣ
 яснаго дня, въ который она отъ часу
 процвѣтаетъ; уже паки приняла она

степень и достоинство въ Европѣ: надежда утвердила довѣренность, способствующую экономіи: народныя упражненія имѣютъ подпорою вашѣ важной со-вѣтѣ, и наши чрезъ столь долгое время пустыми бывшія пристани, наполнены Королевскимъ Флотомъ. Сія любовь къ благу не ослабѣетъ конечно, и мышцы не будутъ слабы въ намѣреніи дѣлать все новое, что должно быть предметомъ отеческихъ вашихъ попеченій. Вы ихъ посѣщали. Вы въ непріятное время года облегчили ихъ нещастіе, но неусыпность Королевская не смѣетъ окончатъ бѣдности окружающей сіи мѣста. Блаженныя памяти достойный вашъ родитель, взирая съ небесъ похваляетъ извѣстной порядокъ. Помыслите наконецъ, что онъ дѣлалъ на томъ тронѣ, которой вы приняли: Вы должны тому же слѣдовать; тогда-то въ продолженіе вашей жизни совершите добродѣтельные его намѣренія и раздѣлите съ онымъ вашу державу на вѣки.

Состояніе темницъ въ вашемъ государствѣ извлечетъ слезы у самаго нечувствительнаго, посѣщающаго оныя. Спража не можетъ быть безъ чрезвычайной несправедливости въ содержаніи опчянныхъ. Начальники стараются облегчить состояніе нещастныхъ, но недо-
ста-

стаеѣ средствѣ требующихѣ исправленія оныхѣ ядомѣ зараженныхѣ пещерѣ. Вы не можете ничего пропивуположить жалобамѣ бѣдныхѣ, какѣ молчаніе. Такѣ, Милостивый Государь! я видѣлъ несчастныхѣ. Меня по примѣру Святаго Апостола побуждаетѣ ревность сохранить честь мою..... Такѣ, я видѣлъ оныхѣ, которые въ ужаснѣйшей пещерѣ, преисполненной смрадныхѣ болѣзней, покрыты повсюду проказою, благословляли въ нашихѣ объятіяхѣ ту щастливую минуѣ, когда уже они выводимы были на казнѣ. Великій Боже! въ правленіе столь достойнаго Царя подданныхѣ щастіе естѣ мѣсто казни. Не забвенный день! буди благословенѣ! желаніе сердца моего уже совершилось: я свергѣ бремя столь тяжкой печали на лоно дражайшаго Монарха.

Мудрые Министры опправляютѣ свою должность подавая Монарху совѣты и споспѣшествуя ихѣ предпріятіямѣ; мы же ничего не почиаемѣ въ нашемѣ званіи за приличнѣйшее и пріятнѣйшее, какѣ ихѣ наставляти: чѣтобѣ они несчастныхѣ любили и подавали руку помощи. Увы! первѣйшіе дни вашей жизни уже прошекли въ печали. Ибо вы будучи поражены въ томѣ самомѣ мѣстѣ, гдѣ смертоноснѣйшая должна быть язва, не видѣли ничего болѣе въ сихѣ черпогахѣ

около себя какъ слезы. Увы!
 въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ опытами на-
 ученному, возможно ли не быть Монар-
 хомъ исполненнымъ чувствительности
 и добродѣтели? Чистое сердце ваше по-
 дало намъ о Вашемъ Величествѣ пре-
 изящныя надежды въ самомъ началѣ
 вашего правленія, уже открылись слѣды
 геройства; ибо вы отпринули ту Коро-
 левскую пышность, оное пагубное сія-
 ніе сокровищъ ослабляющее очи. Един-
 ственное ваше желаніе было умѣрять
 пышность. Гдѣ великолѣпіе отъ двора
 удалено, тамъ неопмѣнно въ народѣ
 царствуетъ изобиліе. Любовь поддан-
 ныхъ ни чѣмъ такъ не поколеблется,
 какъ злоупотребленіемъ ихъ сокровищъ
 и трудовъ роскошью истощаемыхъ. Раз-
 пространенію сего добродѣтель ваша не
 попуститъ: уже Царское сердце ваше
 кажется пронупо. и. п. д.

Не зрите ли вы здѣсь также въ вы-
 раженіяхъ проповѣдника, того кропкаго
 величества, которое похваляется въ Мо-
 нархѣ? Все безъ великолѣпія, однако
 благородно. Тотъ народъ конечно не мо-
 жетъ быть совсѣмъ испорченнымъ, гдѣ
 въ чертогахъ Царя священникъ дерзаетъ
 говорить съ толикою простотою. Что
 Французы не потеряли еще вкуса въ
 истиннѣ и простотѣ, можетъ быть
 силь-

сильнѣйшимъ доказательствомъ удо-
 вольствіе ихъ въ чтеніи нѣкоторыхъ
 проповѣдей, которыя жители Орлеана
 около ста лѣтъ предавали изустно дѣ-
 тямъ и потомкамъ, а сіи уже назы-
 ваютъ оныя проповѣдми *добродѣтельна-*
го спященника. Ибо когда старой священ-
 никъ увидѣлъ приближающуюся смерть,
 то вознамѣрился въ послѣдній разъ дать
 наставленіе собравшемуся народу. Онъ
 приказалъ себя принести въ церковь, и
 посадить предъ жертвенникомъ, на коемъ
 онъ служилъ двадцать лѣтъ, потомъ
 сказалъ къ предстоящимъ: „Любезныя
 чада! часъ смерти уже ко мнѣ прибли-
 „жился. Я предстану предъ Богомъ и
 „дамъ ему отвѣтъ въ моей должноти.
 „Я уповаю на его милосердіе; ибо бо-
 „лѣе двадцати лѣтъ какъ за васъ
 „предстательствую и о васъ пекуся. Я
 „увѣренъ, что нѣтъ изъ васъ ни одна-
 „го, которой бы по смерти моей не
 „просилъ обо мнѣ Бога. Если вы всѣ
 „будете о мнѣ молиться, то благодать
 „Божію умилостивите. Когда же онъ
 „услышитъ молитву вашу, то будьте
 „увѣрены, что и я равнымъ образомъ
 „за васъ молиться не престану. Тогда
 „воззову: Боже мой! ты во всю жизнь
 „мою былъ ко мнѣ милосердъ, но мило-
 „сердіе тогда совершится, когда всѣмъ
 „уча-

„участникамъ молитвъ моихъ ниспо-
 „слешь блаженство швое. Сколь я по-
 „бою ни благополученъ, но буду почи-
 „пать себя лишеннымъ милости швоея,
 „когда ввѣренные мнѣ тобою не будутъ
 „толико же благополучны, колико и я.
 „Чада! заклинаю васъ, старайшеса за-
 „служить, дабы моленіе мое не оста-
 „лось суетнымъ.

Слова сіи прервались плачемъ слу-
 шателей; онъ самъ плакалъ съ ними
 вмѣстѣ, потомъ былъ вынесенъ изъ
 церкви и благополучно окончилъ дни
 свои. Сія послѣдняя его проповѣдь воз-
 поминается еще и до сего времени, и ста-
 рики, копорые были при томъ младен-
 цами, говорили въ болѣзняхъ своихъ съ
 крѣпостію духа слѣдующія слова: мы
 отходимъ къ добродѣтельному священ-
 нику И. Г. И.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

№ VII Ф-322

Φ. 91986

MO-10XX

$\frac{7}{54}$

1781

4. 1(i-iv)